

ТЗ

П78

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
И
ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
БОРЬБА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ
БОРЬБА

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1976

Сборник содержит статьи, критически анализирующие современные буржуазные теории ряда важных и актуальных аспектов истории международных отношений новейшего времени.

Он представляет интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся проблемами развития международных отношений и вопросами идеологической борьбы на современном этапе.

Редакционная коллегия:

А. О. ЧУБАРЬЯН (ответственный редактор),
И. С. КРЕМЕР, Б. И. МАРУШКИН, Л. В. ПОЗДЕЕВА,
Л. Н. ЧЕРНОВА (ответственный секретарь)

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

А. О. ЧУБАРЬЯН

Современный этап в области международных отношений отмечен коренными переменами. Принятая XXIV съездом КПСС программа мира успешно реализовалась благодаря последовательной внешней политике СССР, других стран социализма, всех миролюбивых сил. Принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем все более становится нормой международных отношений. Развивается сотрудничество социалистических и капиталистических стран в области экономики, науки и культуры. Наряду с традиционными формами торговли и экономических связей в последнее время распространяются крупномасштабные проекты, заключаются широкие экономические соглашения, рассчитанные на длительную перспективу.

Широкий комплекс сотрудничества и на двусторонней, и на многосторонней основе сложился на европейском континенте. Историческим событием стало общеевропейское Совецание по безопасности и сотрудничеству, призванное заложить основы для устойчивого и стабильного мира на европейском континенте. Отмечая необходимость плодотворного сотрудничества между государствами Европы, Л. И. Брежнев указывал, что «после недавно закончившегося Совецания в Хельсинки созданы такие благоприятные предпосылки, какие Европа за всю свою многовековую историю никогда не знала»¹.

Успехи в деле мирной разрядки, однако, отнюдь не означают, что устранены все препятствия к миру и международной безопасности, что противники мирной разрядки сложили оружие. Реакционные силы и прежде всего

¹ «Правда», 7.X 1975.

военные круги НАТО продолжают призывы к наращиванию гонки вооружений, разрабатывают планы укрепления военно-политических союзов, распространяют мифы о некой «советской угрозе» и пр. Современные международные отношения отличаются также резким и глубоким обострением межимпериалистических противоречий. Параллельно с интеграционными процессами в капиталистическом мире активно действуют центробежные силы, сталкивая интересы западноевропейских держав и обостряя отношения между странами Западной Европы и США.

В идеологическом плане происходит борьба вокруг теорий атлантизма, европеизма и др.

Перемены в общей системе и структуре международных отношений отражаются и в области теории международных отношений. Такие проблемы, как соотношение экономических и политических факторов, взаимодействие двустороннего и многостороннего сотрудничества, связь политической и военной разрядки, проблемы милитаризма и разоружения, соотношение глобальных и региональных проблем, вопросы нового баланса сил, новые подходы к проблемам интеграции, связь принципа мирного сосуществования с другими теориями и концепциями международных отношений, соотношение политики и идеологии, вопрос о группах давления, о методе принятия решений, о связи национальных и интернациональных интересов и многие другие вопросы находятся в поле зрения многочисленного отряда ученых-международников в различных странах.

Возникает очевидный вопрос, в какой мере перемены в международной обстановке отражаются и проявляются в той борьбе, которая ведется между социализмом и капитализмом в сфере идеологии и в частности в области истории и теории международных отношений.

Последние годы отмечены растущим сотрудничеством ученых-международников разных стран; был проведен ряд конференций и встреч по актуальным проблемам теории и истории международных отношений, по вопросам европейской безопасности, советско-американским отношениям и пр.

Несомненно заслуживает внимания и тот факт, что на Западе вышло много трудов (как коллективных, так и индивидуальных), в которых международные события сегодняшнего дня и прошлых лет оцениваются и раскры-

ваются с позиций реализма, с учетом сдвигов в между-
пародных отношениях, совершающихся на наших глазах.

Появились работы, где конструируются перспектив-
ные модели международных отношений, прогнозы разви-
тия событий на будущее, большое внимание уделяется
проблемам мирной разрядки, перспективам улучшения от-
ношений между Востоком и Западом.

Специальная обширная литература посвящается ана-
лизу принципа мирного сосуществования, причем во мно-
гих работах на Западе содержатся признания важности
и полезности этого принципа для развития современных
международных отношений.

Анализ изданной литературы, итоги различных кон-
ференций раскрывают в то же время остроту идеологи-
ческой борьбы, которая ведется вокруг проблем истории
и теории международных отношений.

Во-первых, на Западе продолжается издание работ,
в которых извращенно толкуется история внешней поли-
тики Советского Союза и развитие международных отно-
шений, активно распространяются старые теории и кон-
цепции, часто рожденные еще во времена «холодной войны»,
например, идея об «экспансионистском» характере совет-
ской внешней политики, о «несовместимости» политики
мирного сосуществования с развитием мирового революци-
онного процесса, и многие другие^{1а}.

Во-вторых, в последние годы явно усилились идеоло-
гические нападки на Советский Союз и другие страны
социализма по таким «новым» вопросам, как «мирное
сосуществование и права человека», «внешняя политика
и проблемы гуманизма» и пр. Используя дискуссии по
многим из этих проблем, ведущиеся на международных
форумах, многие буржуазные международники создают
объемистые труды, в которых подводят теоретический
фундамент под аргументы противников мирной разрядки
и тех, кто хотел бы извлечь из нее односторонние выгоды
и преимущества в ущерб странам социализма.

^{1а} В США, например, в 1975 г. вышла в свет вторым изданием
работа американского советолога А. Улама «Expansion and
Coexistence». В этой книге в концентрированной форме собра-
ны теории и концепции буржуазных ученых, дающие иска-
женное, тенденциозное толкование истории и современного эта-
па советской внешней политики. См. также А. Улам. *The Rivals,
America and Russia since World War II*. New York, 1971.

В-третьих, происходит довольно существенная переориентация в формах и методах идеологической борьбы вообще, заметная и в области проблем истории и теории международных отношений. Лобовые атаки на социализм, на его внутреннюю и внешнюю политику во многих случаях заменяются обходными маневрами, конструированием таких теорий, в которых искажение исторической правды, произвольное толкование событий сочетаются с вынужденными признаниями, с положительными высказываниями о важности укрепления мира, безопасности и сотрудничества. Восхваление идей западной интеграции, в том числе в политической и в военной областях, сопровождается высказываниями о необходимости мирной разрядки, развития сотрудничества между Востоком и Западом. Теории и концепции буржуазных ученых имеют во многом эклектический характер, сопровождаясь различными оговорками и компромиссными заявлениями. Использование элементов материализма, признание отдельных марксистских положений, как правило, служит целям не коренного пересмотра, не отказа от прежних теорий и концепций, а лишь придания им большей убедительности и соответствия задачам и особенностям современного момента.

Разумеется, было бы упрощением игнорировать и недооценивать подобные изменения, отказываться от тщательного и глубокого анализа этих перемен, от выявления тенденций и перспектив развития буржуазной теоретической мысли по проблемам международных отношений.

Изменения в идеологической сфере, отражающие сдвиги в общей международной обстановке, увеличили пестроту и сложность теоретических построений идеологов капитализма. Состояние и развитие буржуазной науки о международных отношениях представляет в современных условиях более сложную и противоречивую картину, чем в прежние годы. В работах буржуазных специалистов теперь не часто встретишь однозначные и прямолинейные схемы и решения; наряду с крайне «левыми» и откровенно реакционными теориями широко распространяются концепции промежуточного свойства, соединяющие в себе различные элементы. В равной мере усилилась пестрота и кадров международных работников. Откровенные антикоммунисты несколько оттеснены на второй план; на передний

край все более выдвигаются специалисты более гибкого направления, которые развивают и пропагандируют новые идеи и концепции, а также старые теории в современной «упаковке», в соответствии с задачами и потребностями современного этапа в международных отношениях.

* * *

Среди проблем, которые служат теперь предметом острой идеологической борьбы, важное место принадлежит истории международных отношений новейшего времени, т. е. периода от 1917—1918 гг. и до наших дней.

Литература по различным вопросам международных отношений и внешней политики этого периода чрезвычайно обширна. Здесь сводные обобщающие труды и отдельные монографии, книги по всему периоду в целом и по отдельным вопросам. Может быть, наибольший объем литературы имеется по таким вопросам и периодам, как становление советской внешней политики и развитие международных отношений новейшего времени, предыстория второй мировой войны, история антигитлеровской коалиции, история «холодной войны» и проблемы мирной разрядки. Мы перечислили лишь некоторые проблемы, не говоря о десятках других вопросов развития международных отношений в межвоенное время и в период после второй мировой войны.

Исследования проблем истории международных отношений новейшего времени стимулируются не только актуальностью самих проблем, но и изданием многих новых документальных материалов. Только за последние годы в различных странах изданы сборники документов, мемуары и исследования по различным периодам и отдельным проблемам развития международных отношений новейшего времени².

² См. «Документы внешней политики СССР». Недавно был издан т. XIX, доводящий освещение событий до 1936 г.; см. также «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.—август 1939 г.)». Документы и материалы. М., 1971; «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1939—1945. Department of State, vols I—III. Washington, 1955—1972; «Documents on British Foreign Policy (1919—1939)». London, 1964; «Documents diplomatiques français. 1932—1939», tt. 1—3. Paris, 1967—1970.

Мы не ставим своей задачей рассмотреть и проанализировать все проблемы истории международных отношений новейшего периода, которые служат предметом идеологической борьбы и по которым сталкиваются позиции историков-марксистов и представителей буржуазной науки. В статье лишь делается попытка привлечь внимание к некоторым историко-международным проблемам, актуальным в свете современного развития. Опираясь на труды главным образом последнего времени, используя опыт международных конференций и встреч, проходивших в период 1970—1974 гг., мы попытались остановиться на некоторых узловых вопросах истории международных отношений с позиций сегодняшнего дня, рассмотреть, как и по каким направлениям развертывается борьба в историко-международной науке, проявляющаяся на страницах книг и периодических изданий, на различных конференциях и научных встречах.

Первый большой комплекс проблем связан с историей становления советской внешней политики, начального периода в деятельности советской дипломатии. Не затрагивая множества конкретных проблем внешнеполитической истории, отметим лишь те из них, которые касаются общих направлений и связаны с теоретическими основами советской внешней политики и международных отношений. Главная идея многих буржуазных работ, посвященных первым годам советской внешней политики, сводится к попыткам снизить уровень влияния внешней политики социализма на общий ход международного развития, представить внешнеполитическую деятельность советской страны того времени как конъюнктурную тактику, либо связать ее только с развитием мирового революционного процесса. С этим сближается мысль некоторых западных теоретиков, что в марксистско-ленинской схеме, в теории социалистической революции вообще вначале не было места для внешней политики³.

Весь комплекс международно-политических проблем, связанный с отношениями между советской страной и

³ A. Inkeles. *Social Change in Soviet Russia*. Cambridge, 1968; R. Allen. *Peace or Peaceful Coexistence?* Chicago, 1966; W. Leonhard. *Die Dreispaltung des Marxismus. Ursprung und Entwicklung des Sowietmarxismus und Reformkommunismus*. Düsseldorf — Wien, 1970.

капиталистическим миром, объявлялся во многих буржуазных трудах аномальной ситуацией, противоречащей марксизму-ленинизму. В таком духе с разной степенью определенности писало большинство историков-международников США, Англии, ФРГ и других стран. Так, американский специалист-международник В. Кульский прямо заявил, что принцип мирного сосуществования — это аномалия в марксизме-ленинизме ⁴.

Автор многочисленных трудов по проблемам советской внешней политики и международных отношений, Дж. Кеннан также писал в свое время, что «Советская республика не имела намерения урегулировать свои отношения с другими странами» ⁵.

В этой общей постановке вопроса были нюансы. Так, английский историк Э. Карр сконструировал идею внутреннего дуализма советской внешней политики с самого ее начала, состоящего якобы в том, что внешнеполитические функции и цели постоянно вступали в противоречие с главной задачей — распространением коммунизма и победой мировой революции ⁶. Мы не говорим здесь, что сама идея мировой революции трактовалась на Западе по преимуществу в виде «экспорта революции», как насильственное распространение из советской страны в другие страны. Тем самым одно из извращений марксизма-ленинизма выдавалось за истинную его сущность, т. е. происходила явная подмена понятий.

На этой общей посылке строились теории об «агрессивности», «экспансионизме» советской политики, которой Запад-де должен противостоять ради своей безопасности.

Разумеется, буржуазные историки-международники нашего времени не могут игнорировать многочисленные свидетельства того, что советская страна и в 20-х и в 30-х годах провела множество мероприятий, направленных на урегулирование отношений с капиталистическими странами в политической и экономической сфере, на обеспечение международной безопасности и разоружение. Факты, подтверждающие это, можно встретить в различных трудах, выходящих и в странах Запада, но при этом

⁴ *W. Kulski. Peaceful Coexistence. New York, 1962, p. 75.*

⁵ *G. Kennan. Russia Leaves the War. Princeton, 1956, p. 76.*

⁶ *E. Carr. The Bolshevik Revolution. 1917—1923, vol. III. London, 1955, p. 10, 20, 55.*

наблюдается любопытное явление. Множественность подобных примеров, факты о деятельности В. И. Ленина, о работе Г. В. Чичерина, М. М. Литвинова и других советских дипломатов не сопровождаются пересмотром теоретических положений буржуазных ученых. Эти факты используются западными идеологами для утверждений об «отходе» Советского правительства от первоначальных целей, вытекающих из основ марксистско-ленинской теории, о вынужденном характере усилий по установлению отношений с Западом, о сугубо тактическом, конъюнктурном характере советской политики. Нескольким иной подход существует при оценке советской политики последнего времени, но в применении к внешней политике СССР 20-х и 30-х годов до сего времени остается неизменной общая линия буржуазной историографии, отрицающая в советской политике мира и сосуществования объективную долговременную и искреннюю основу⁷.

По-прежнему из книги в книгу до наших дней кощуют рассуждения или о тождественности интересов Коминтерна и Наркоминдела, или, напротив, о том, что эти интересы не совпадали, что национально-государственные цели приходили в столкновение с интернациональными интересами и что якобы именно тогда Советское правительство было готово идти навстречу Западу.

Все подобные теоретические построения буржуазных специалистов преследуют по крайней мере две цели: во-первых, разорвать преемственную связь советской внешней политики в различные периоды, лишить ее принципиальной, объективной и постоянной основы, и, во-вторых, создать ощущение временности советских призывов к миру, породить тем самым недоверие к советской внешней политике, ее целям, задачам и конкретным шагам.

* * *

Пристальное внимание в буржуазной исторической литературе по-прежнему обращается на вопрос об условиях и обстоятельствах образования независимых национальных государств в Европе как один из итогов первой мировой войны. Эта проблема имеет непосредственное отношение к внешнеполитическим, международным вопро-

⁷ См. А. Ulam. *Expansion and Coexistence*. New York, 1975.

сам. Здесь наибольшую активность развивают специалисты из США. Суть их позиции состоит в попытках доказать, что решающий вклад в создание этих государств внесла программа и практическая деятельность американского правительства.

Еще в 1957 г. в Нью-Йорке, на одном из заседаний Американской исторической ассоциации была проведена дискуссия на тему: «Вильсон, Ленин и образование государств в Центральной и Юго-Восточной Европе». Тогда некоторые известные американские историки стремились доказать, что не Великая Октябрьская социалистическая революция, не ленинская программа по национальному вопросу и не исторический Декрет о мире, в которых последовательно и четко излагалось требование о праве наций на самоопределение, и, наконец, не конкретная деятельность Советской республики оказали влияние на ход событий в Европе, способствуя подъему национально-освободительного движения, а программа президента США Вудро Вильсона, изложенная в его известных «14 пунктах», и действия американской администрации на европейском континенте в 1917—1918 гг.⁸

То, что эта идея отнюдь не сдана в архив и сейчас также находится на вооружении американских специалистов, показал состоявшийся в Бухаресте в 1974 г. III Международный конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. На одном из заседаний в секции по истории международных отношений выступил представитель США и заявил, что следует более четко и ясно показать значение (в отличие от других держав) президента США Вильсона в создании, в частности, независимого албанского государства. В ходе дискуссии американский представитель повторил многие из тех аргументов, которые использовались и на упоминавшемся симпозиуме в рамках Американской исторической ассоциации. Это была все та же апология американской политики того периода и попытка принизить роль Великой Октябрьской социалистической революции в мирном развитии^{8а}.

Большое место отводится во многих современных трудах по истории международных отношений развитию

⁸ См. «American Historical Review», April 1958, p. 825.

^{8а} См. также *N. G. Levin. Woodrow Wilson and World Politics. America's Response to War and Revolution. New York, 1968.*

событий в Европе в межвоенный период. Это, разумеется, связано прежде всего с теми крупными изменениями, с тем поворотом, который совершился в последнее время на европейском континенте.

Развитие событий в Европе породило сегодня повышенный интерес ко многим, казалось, забытым темам и событиям. Такова, в частности, проблема Версальского мира. История создания версальской системы, ее значение для развития Европы в межвоенное время обсуждается на многих конференциях, освещается в исторических трудах. Речь идет, как правило, не просто об истории Версальского мира, а о том, как версальская система была связана с задачей обеспечения европейской безопасности.

В ноябре 1973 г. в польском городе Познани был проведен специальный международный симпозиум на тему: «Проблемы европейской безопасности от Локарно до Мюнхена». На нем были представлены доклады историков Франции и ФРГ, ГДР и Польши, Румынии, Венгрии и Советского Союза, Италии и Швейцарии. В числе прочих вопросов на симпозиуме много говорилось о версальской системе. При этом выявились две тенденции, которые одновременно могут быть прослежены и в буржуазной литературе. Во-первых, была заметна попытка оправдать в целом систему отношений, созданную в Версале в 1919 г. При этом тот очевидный факт, что эта система, основанная на новой расстановке империалистических сил после первой мировой войны, породила целую группу противоречий и осложнений и неизбежно вела к возникновению новых конфликтов, объясняется не пороками самой системы, а лишь недостатками в ее реализации и функционировании.

С этим связана и вторая тенденция, которая усматривает главный недостаток Версаля лишь в его неуниверсальности. По мнению некоторых буржуазных историков, отсутствие США и СССР делало версальские соглашения мало эффективными и лишало их действенности и влияния⁹.

⁹ См. *P. Renouvin. Histoire des relations internationales. Les crises de XX siècle.* Paris, 1957; *R. L. Rothstein. Alliances and Small Powers.* New York — London, 1968; *H. Roberts. Eastern Europe: Politics, Revolution and Diplomacy.* New York, 1970; *F. S. Northedge. The Troubled Giant.* London, 1966.

Само такое признание, конечно, достаточно примечательно, оно явно навеяно сегодняшним днем, пониманием того, что мир в Европе нельзя построить и обеспечить без Советского Союза, а также и Соединенных Штатов Америки. Но одновременно подобной постановкой вопроса буржуазные исследователи пытаются уйти от главного вывода, который делался неоднократно и делается ныне историками-марксистами: что пороки версальской системы были заложены в самой ее сути, в империалистическом, недемократическом способе решения проблем мирного урегулирования, а не только в тех или иных несовершенствах в реализации решений Версальской конференции.

События в Европе повысили интерес и к различным планам «объединения Европы», к истории формирования и развития так называемой европейской идеи.

При этом вопрос исследуется в плане теоретическом; делаются попытки проследить, когда родилась «европейская идея» и как она развивалась. Некоторые исследователи и политики ссылаются даже на И. Канта как родоначальника «европейской идеи», другие связывают ее зарождение с более поздним временем.

Одновременно с теоретическим аспектом большой интерес историков-международников вызывает и чисто политическая сторона дела, конкретный анализ различных планов «объединения Европы», которые появились с начала XX столетия, особенно распространились на рубеже 20—30-х годов и связывались с именем известного французского политического деятеля Аристиде Бриана¹⁰.

Особенность изучения истории идей и проектов «пан-Европы» в современных условиях состоит в том, что на первый план выдвинулся конкретно политический интерес, стремление выявить, в какой мере реализация этих идей могла бы обеспечить европейскую безопасность. При этом все более рельефно обозначилось столкновение двух тенденций.

С одной стороны, некоторые историки-международники, бывшие дипломаты и общественные деятели, занявшиеся мемуарами, признают, что попытки построить некую объединенную Европу без Советского Союза были обречены на

¹⁰ См., например, *B. Vovenne. Histoire de l'idée européenne.* Paris, 1964.

неудачу. Кроме того, конкретная история событий 30-х годов нашего столетия ясно показала нереальность различных планов объединения Европы и их неспособность помешать возникновению второй мировой войны. Но эта тенденция, которую можно было бы назвать реалистической, занимает второстепенное место у историков-международников западноевропейских стран.

Многие специалисты из этих стран привержены другой тенденции — точке зрения, что западноевропейское единство — феномен вполне возможный и полезный (особенно в современных условиях) и что неудачи с воплощением планов объединения Европы на рубеже 20—30-х годов объясняются не нереальностью самой идеи, а лишь неблагоприятным стечением обстоятельств, ошибками в действиях тех или иных западных политиков. Политический смысл позиции сторонников этой точки зрения очевиден.

При всей условности сравнения современного развития в Европе с событиями 20—30-х годов отдельные западноевропейские историки стремятся поставить исторический опыт на службу сегодняшнему дню, использовать его как дополнительный аргумент в пользу идей западноевропейской интеграции и пр.

Большое внимание буржуазных историков направлено на исследование проблем собственно европейской безопасности в период между двумя мировыми войнами.

В многочисленных книгах и статьях, в выступлениях политических деятелей, философов, ученых и журналистов, посвященных Европе сегодняшнего дня, часто фигурируют высказывания о европейской безопасности применительно к 20—30-м годам.

Под углом зрения идеи о европейской безопасности рассматриваются версальская система, локарнские соглашения, деятельность Лиги наций, наконец, развитие событий 30-х годов, когда собственно и велась борьба за создание системы европейской безопасности.

Ознакомление с работами по этой проблеме показывает, что в них в последнее время довольно ощутимо влияние реалистических тенденций, понимание того, что именно неудача с созданием системы безопасности позволила агрессивным фашистским кругам свергнуть мир во вторую мировую войну. Некоторые буржуазные истори-

ки пытаются более объективно оценить мюнхенское соглашение 1938 г.¹¹

Но положительно оценивая подобные тенденции, следует признать, что все же не они задают основной тон в буржуазной исторической литературе.

Вокруг многих важных и актуальных проблем международных отношений в Европе между двумя мировыми войнами идет острая идейная борьба, сталкиваются позиции историков-марксистов и буржуазных ученых. И хотя работы буржуазных историков представляют собой довольно пеструю картину, где труды, искажающие события 20—30-х годов, соседствуют с более умеренными исследованиями, все же можно наметить проблемы, служащие ареной острой идеологической борьбы.

Большое внимание исследователей приковано к самому понятию «европейская безопасность», к тому, что вкладывается в этот термин, каковы его содержание, пределы и границы. Является ли «европейская безопасность» обычным традиционным понятием, означающим принятие неких шагов для предотвращения войны и используемым в течение многих веков и десятилетий, или это совершенно новый феномен в развитии международных отношений в Европе, рожденный особенностями 30-х годов? В какой взаимосвязи находится понятие европейская безопасность и идея коллективной безопасности держав? Наконец, один из ключевых вопросов состоит в том, какова связь «европейской безопасности» с проблемой взаимоотношений Востока и Запада, социалистического Советского Союза и капиталистических государств Европы.

Вся эта проблематика включает общие теоретические вопросы международных отношений и многие конкретно-исторические события 20—30-х годов.

Представляется, что главное в буржуазной трактовке европейской безопасности состоит в том, что последняя понимается как определенное взаимодействие, баланс европейских держав, не исключая и столкновение этих держав, противопоставление одних другим. В эту схему поэтому вписывается версальская система, предусматривающая империалистическое перераспределение сфер

¹¹ См., например, *L. Mosley. On Borrowed Time. How World War II Began.* New York, 1969.

интересов и влияния в Европе и содержащая вследствие этого основу для новых противоречий и конфликтов.

Буржуазные исследователи много говорят и о локарнских соглашениях, которые в большинстве трудов выдаются за «новую эру» в международных отношениях, создающую условия для умиротворения и обеспечения безопасности в Европе¹².

На уже упоминавшейся международной конференции в Познани некоторые французские и швейцарские историки всячески восхваляли локарнские соглашения и принятую ими систему гарантий и арбитража. Специальные труды посвящаются в этой связи Г. Штреземану, А. Брианпу и О. Чемберлену — творцам Локарно, которых Нобелевский комитет увенчал премиями мира. Как правило, буржуазные историки игнорируют те очевидные факты, что локарнские соглашения имели целью, с одной стороны, усилить позиции Германии, а с другой — направить острие германских интересов на Восток. Локарно отнюдь не устранило межимпериалистических противоречий, оно лишь наложило некий внешний флер на эти противоречия, попыталось завуалировать их пацифистскими лозунгами и декларациями. Участники локарнских соглашений не решились санкционировать германские вооружения, но они открыли путь к этому. «Тот, кто разоружил Германию, — восклицал Чемберлен, — будет первым, кто вооружит ее»¹³.

Подход буржуазных историков к локарнским договорам может служить примером буржуазной трактовки проблем европейской безопасности. Как известно, Рейнский гарантийный пакт имел целью гарантировать германо-французскую и германо-бельгийскую границы, но восточная граница Германии не была включена в гарантийную систему. Недаром Штреземан писал, что «в действительности подобные арбитражные договоры, как бы много в них ни говорилось о стремлении к миру, не являются реальным препятствием для сохранения политических целей, которые нам следует преследовать в отношении наших восточных границ»¹⁴. Эту сторону дела в большинстве случаев буржуазные историки обходят молчанием.

¹² J. Jacobson. Locarno Diplomacy. Princeton, 1972.

¹³ См. «История международных отношений и внешней политики СССР. 1917—1939 гг.», т. I. М., 1961, стр. 294.

¹⁴ Там же, стр. 296.

В итоге они односторонне оценивают локарнские соглашения, к тому же в апологетическом плане, и молчаливо признают, что европейская безопасность как идея и как политическая практика может включать в себя урегулирование в Европе без СССР и даже против него.

Соответственно решается в буржуазной историко-международной литературе вопрос о связи проблемы европейской безопасности с отношениями между Советским Союзом и капиталистическим миром в 20—30-х годах.

Рассмотрение проблемы европейской безопасности в отрыве от позиций западных держав по отношению к СССР, стремление апологизировать Локарно, игнорируя его антисоветские проявления, наконец, в целом трактовка европейской безопасности как некоего баланса сил с возможностью противопоставления одних стран Европы другим, с борьбой за гегемонию на континенте и с гонкой вооружений питает в наши дни те круги, которые считают возможным совмещать разговоры о европейской безопасности с враждебностью к СССР, с наращиванием вооружений и пр.

Естественно, что советские историки-международники критикуют такое понимание европейской безопасности и уделяют большое внимание советской идее коллективной безопасности, выдвинутой впервые в 1933 г.

Подавляющее большинство зарубежных буржуазных исследователей не проводит никакого различия между советскими предложениями о коллективной безопасности и обычными планами европейской безопасности. Не выделяется в этой связи и период 30-х годов, когда вся проблема европейской безопасности приобрела иной смысл, чем в 20-е годы, и когда советский проект занимал существенное место в международных дискуссиях.

Сведя советские предложения к традиционным проектам, лишив их принципиальной новизны и качественно нового содержания, буржуазные историки идут еще дальше. Они стремятся доказать, что советские предложения были лишены искренности и реальности и поэтому западные державы не могли с ними согласиться. При этом в одном случае действует сознательное стремление преуменьшить вклад Советского Союза в обеспечение мира в Европе и его инициативы в продвижении столь популярной теперь идеи создания в Европе системы коллективной безопасности.

В другом случае в основе буржуазных теорий лежит упоминавшаяся уже трактовка существа и содержания самого понятия «европейская безопасность».

Это обстоятельство делает особенно настоятельной разработку истории советской борьбы за европейскую безопасность, раскрытие сущности системы коллективной безопасности, предложенной Советским Союзом в начале 30-х годов, в самый канун прихода германского фашизма к власти.

Существует неразрывная связь между системой коллективной безопасности и признанием политики мирного сосуществования, поскольку естественным условием для заключения системы соглашений и пактов между странами Европы был отказ западных государств от политики антисоветизма, от стремления направить германскую агрессию па Восток. Как заявил в 1930 г. тогдашний Народный комиссар по иностранным делам Советского Союза М. М. Литвинов, СССР стремится «к изысканию и осуществлению способов мирного сосуществования обеих социальных систем»¹⁵.

Предлагаемая Советским Союзом система мер, получившая название системы коллективной безопасности, включала в себя много компонентов. Среди них признание неделимости мира и понимание того, что сохранение мира требует его активной защиты во всех частях света, выработка международного определения агрессии. Важнейшей частью системы было заключение пактов и договоров о ненападении и взаимопомощи. При этом Советское правительство считало крайне важным введение принципа некоего автоматизма, который позволил бы почти автоматически вводить в действие санкции и принимать необходимые меры в случае возникновения агрессии. Существенным вкладом в систему должны были стать нормализация и улучшение отношений советской страны с капиталистическими государствами.

Помимо двусторонних соглашений, СССР выдвинул идею заключения региональных, а возможно, и общеевропейского пакта о взаимных действиях и помощи в случае возможной агрессии. Советский Союз считал также важным продолжить усилия по разоружению. В этом плане СССР полагал целесообразным превратить Всемир-

¹⁵ См. «Правда», 26.VII 1930.

ную конференцию по разоружению в Постоянную конференцию мира, в задачу которой входила бы забота о сохранении мира и своевременных мерах по предотвращению войны.

Наконец, Советское государство ставило вопрос о действительных и реальных гарантиях мира, ибо общие пацифистские призывы к миру отнюдь не давали таких гарантий в борьбе против военной угрозы, а в иных случаях даже запутывали положение, отвлекая массы и политических деятелей от действенных мер по предотвращению агрессии.

Весь этот комплекс проблем и в наши дни представляет ценность для решения тех задач, которые стоят перед Европой. Однако буржуазные историки игнорируют подобное рассмотрение событий, связанных с борьбой СССР за создание системы коллективной безопасности в Европе. Подмена советских предложений о создании системы коллективной безопасности рассуждениями об общих аспектах европейской безопасности, имеет совершенно определенную цель принижения международной роли Советского Союза и его вклада в борьбу за мир в период между двумя мировыми войнами. Подобные тенденции выявил и XIV Международный конгресс историков, проходивший в 1975 г. в США, где доклад английского историка Д. Уотта давал искаженную картину борьбы СССР за безопасность в Европе и идеализировал политику Великобритании.

Следует при этом иметь в виду сложность и противоречивость мирового и, в частности, европейского развития. В реальной жизни и советские предложения, и планы западных держав группировались вокруг одних и тех же проблем. И в тех и в других речь шла о гарантиях и двусторонних отношениях, о региональных соглашениях и планах по разоружению. Эта схожесть внешних атрибутов и категорий используется буржуазными историками-международниками, чтобы игнорировать или затушевывать качественное отличие советских проектов от предложений западноевропейских партнеров.

Учитывая большую научную и политическую значимость и актуальность опыта развития международных отношений в Европе в 20—30-х годах, представляется крайне важным продолжать глубокую разработку истории международных отношений в межвоенное время и проводить анализ и критику тех буржуазных теорий и концепций,

которые дают неполную или искаженную картину развития событий в Европе в те годы.

Наконец, важно исследовать и общую проблему действия принципа мирного сосуществования в межвоенный период. В этом плане речь идет прежде всего о том, чтобы показать на опыте прошлого, что упрочение мира в Европе, создание реальных условий и гарантий для предотвращения агрессии и обеспечения европейской безопасности невозможно совместить с антисоветской политикой.

В то же время исторический опыт дает множество свидетельств, что политика мирного сосуществования государств с различным строем, признание Советского Союза как равноправного партнера при решении международных проблем, отказ от дискриминации и враждебности по отношению к СССР создают необходимые условия для стабилизации положения в Европе и укрепления мира на континенте.

Мы остановились лишь на некоторых аспектах истории международных отношений межвоенного времени, вокруг которых ведется острая идеологическая борьба. Буржуазная историография проявляет активность в изучении и других вопросов. Так, обширная литература существует по проблеме непосредственной предыстории второй мировой войны, мюнхенского соглашения, событий 1938—1939 гг. По этим вопросам продолжается издание книг и статей, мемуаров и сборников документов. Во многих книгах, опубликованных в нашей стране в последнее время, содержится глубокий и аргументированный анализ событий 1938—1939 гг., показываются усилия СССР по сохранению мира и предотвращению войны, раскрывается политика попустительства фашистской германской агрессии, которую проводили тогда руководящие деятели Англии и Франции¹⁶. Одновременно советские исследователи подвергают анализу и критике теории, используемые в большинстве работ буржуазных историков-международников.

¹⁶ См., например: *И. Д. Овсяный*. Тайпа, в которой война рождалась. М., 1973; *В. Я. Сиполс*. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939 гг. М., 1974.

В последние годы значительно усилился интерес буржуазных историков к изучению международных отношений послевоенного времени.

Исследования послевоенного 30-летия в области международных отношений отличаются многими особенностями.

Во-первых, больше, чем относительно других исторических периодов, здесь используется комплексный метод, объединение усилий историков, экономистов, социологов и пр. В последнее время в построении различных моделей международного развития участвуют и представители естественных наук, в частности математики и биологи.

Во-вторых, резко возрос интерес к вопросам теории, происходит конструирование общих схем, моделей, в том числе и обращенных в будущее. Анализируются концепции баланса сил, различные варианты интеграции, исследуются соотношения политики и экономики, взаимосвязь регионов и общемирового развития и пр.

В-третьих, расширилась проблематика исследований. В США и ФРГ, Англии и Франции, Швеции, Италии и других странах изданы сотни книг по проблемам международных отношений в Европе, Азии, Африке и Америке. В поле зрения многочисленных авторов — история и современный этап во взаимоотношениях между различными державами и в особенности между социалистическими и капиталистическими странами. Проблема Восток — Запад — одна из господствующих тем в историко-международной науке, со множеством вариаций и оттенков.

Отдельная большая тема буржуазной литературы — проблема взаимоотношений между социалистическими странами, роль мирового социалистического содружества.

В-четвертых, значительно усилилась связь политики и идеологии. Многочисленные труды буржуазных историков-международников посвящены анализу влияния международных отношений на характер идеологического противостояния стран социализма и капитализма.

В-пятых, особое внимание в последние годы обращается на проблемы мирной разрядки, на особенности международных отношений в конце 60-х — начале 70-х годов. В различных капиталистических странах издано множество книг и статей, в которых анализируются самые раз-

нообразные стороны и аспекты мирной разрядки. В числе этих аспектов и исторические сюжеты, проблема использования исторического опыта для решения современных международных проблем.

Мы не будем касаться здесь, разумеется, всего комплекса проблем, которые находятся в поле зрения исследователей, а отметим лишь некоторые моменты.

Прежде всего — это вопрос о происхождении «холодной войны». По истории «холодной войны» на Западе написано много работ, от откровенно реакционных до более умеренных и даже реалистических.

В этих трудах, написанных еще в 50—60-х годах, выявились две основные тенденции. Одна группа историков, преимущественно американских, заложила определенную традицию в освещении истории «холодной войны». Пожалуй, исходным моментом послужили известная статья и книги Дж. Кеннана, который выступил с обоснованием политики «сдерживания коммунизма». В. Аспатуриан, Т. Бейли, Р. Страус-Хюпе, Г. Крейг, У. Чемберлин всячески пропагандировали тезис об «агрессивности» коммунизма, об угрозе США и всему «свободному миру» со стороны Советского Союза после второй мировой войны, о неизменно враждебной политике Советского государства по отношению к странам Запада. Основная идея всех этих «советологов» состояла в том, что Советский Союз несет главную ответственность и вину за возникновение «холодной войны» и за все последующее обострение советско-американских отношений¹⁷.

Эта линия американской историографии продолжается и по сей день во многих работах историков США. Для примера укажем на упоминавшуюся книгу А. Улама, в которой снова излагается идея, что «агрессивность» Советского Союза, характерная-де для периода после второй мировой войны, была свойственна советской политике на всем протяжении после Октябрьской революции.

Однако наряду с этой преобладающей тенденцией среди американских историков в 50-х и 60-х годах существовала и другая точка зрения, пожалуй, наиболее отчетливо выраженная в книге Д. Флеминга «Происхождение

¹⁷ T. Bailey. *America Faces Russia*. New York, 1950; R. Strausz-Hupé, W. Kintner, J. Dougherty, A. Cottrell. *Protracted Conflict*. New York, 1959; W. Chamberlin. *Appeasement: Road to War*. New York, 1962.

«холодной войны». Д. Флеминг возложил ответственность за возникновение «холодной войны» на Запад и прежде всего на Соединенные Штаты Америки. По мнению Флеминга, США сами начали «холодную войну», причем не в 1946 г., а вскоре после 1917 г.¹⁸

Известный вклад в реалистический подход к истории «холодной войны», в обоснование того, что именно на США лежит ответственность за ее возникновение, внес американский общественный деятель У. Фулбрайт. Он писал об этом в целом ряде своих работ и в частности в последней книге «Гигант-калека». Антикоммунистическая идеология, писал Фулбрайт, избавляла нас от необходимости учитывать конкретные факты и конкретные ситуации. «Наша «вера» избавляла нас, как и фанатиков древних времен, от требований эмпирического мышления, от необходимости наблюдать и оценивать действительное поведение государств и их руководителей, с которыми мы имеем дело. Подобно средневековым теологам, мы располагали философией, дававшей на все готовые ответы. И все, что не укладывалось в рамки этой философии, мы с готовностью объявляли фальсификацией или ложью или иллюзией».

Все эти вопросы уже подробно освещались и анализировались во многих работах советских историков¹⁹. Мы здесь предполагаем рассмотреть, в какой мере новые веяния периода мирной разрядки сказываются на освещении буржуазными историками «холодной войны». Интерес к этой проблеме особенно усиливается в связи с тем, что во многих речах и выступлениях политических деятелей Запада говорится о необходимости покончить с наследием «холодной войны» и перейти к эре сотрудничества и переговоров.

В октябрьском номере американского журнала «Форин афферз» в 1972 г. были опубликованы две статьи по этому вопросу — Дж. Кеннана «После холодной войны» и Э. Бжезинского «Как разыгрывалась холодная война».

Дж. Кеннан в последние годы в значительной мере отошел от своих прежних идей и теорий и выступил с заявлениями, в которых призывал к сотрудничеству США

¹⁸ D. Fleming. The Cold War and its Origins, vol. II. New York, 1961, p. 1036.

¹⁹ См., например, Б. И. Марушкин. История и политика. М., 1969.

и СССР, говорил о бесперспективности политики «холодной войны». З. Бжезинский — один из идеологических столпов тех американских кругов, которые уже давно стоят на позициях антикоммунизма и антисоветизма.

Анализируя новые веяния в международной политике, оба советолога много пишут сегодня о периоде «холодной войны» и о тех причинах и факторах, которые привели к современной мирной разрядке. В статье «Как разыгрывалась холодная война» Бжезинский пишет, что он не ставит своей задачей искать ответственных за возникновение «холодной войны»²⁰, и одновременно заявляет, что «холодная война» была продуктом взаимодействия и неизбежных исторических сил, а не следствием человеческих ошибок и зла»²¹.

Как видно, Бжезинский ищет причины «холодной войны» в каких-то нереальных фатальных силах и причинах. Но двумя страницами далее он утверждает, что из-за того, что Советский Союз держал в тайне размеры демобилизации своих войск после войны, у США и Англии были основания бояться мощи советских войск и поэтому они вскоре перешли к враждебности к Советскому Союзу. В этих словах — попытка снова возвратиться к старым идеям американских советологов, которые пытались оправдать действия тогдашних правящих деятелей США и Англии, вскоре после войны начавших проводить политику «холодной войны». Было бы лишним напоминать Бжезинскому об общеизвестных фактах тех лет, о той кампании антикоммунизма и антисоветизма, которая развернулась в США и других странах Запада и имела целью остановить рост демократических и освободительных сил, пришедших в движение в результате войны.

Авторы упомянутых статей не ограничиваются только анализом причин возникновения «холодной войны», но делают краткий экскурс в историю американской политики и отношения США к Советскому Союзу. В этом экскурсе характерно соединение старых постулатов и догм с новыми моментами, с критическим анализом политики США. Показательна в этом смысле статья Дж. Кеннана. Он пишет, что вся американская политика за прошед-

²⁰ «Foreign Affairs», October 1972, p. 181.

²¹ Ibidem.

шие 25 лет сводилась к заполнению политического вакуума, вызванного итогами второй мировой войны, и к проблеме оружия массового уничтожения. Далее Кеннан конкретизирует каждую из этих целей. Любопытно, что Кеннан — один из авторов пресловутой доктрины «сдерживания» не упоминает о «коммунистической угрозе». Он заявляет, что попытка США командовать миром потерпела неудачу²² и что надо вырабатывать новые критерии.

Кеннан пишет далее о несовершенстве НАТО, о необходимости критического изучения всей ситуации и итогов «нашей политики за 25 лет», особо выделяет проблему взаимоотношений США с НАТО, Западной Европой и Японией. Подводя итоги всей американской политики за 25 лет, Кеннан заявляет, что «еще не пришло время для паники, но уже нет оснований и для благодушия»²³.

Статья Дж. Кеннана показывает, что ряд ведущих американских специалистов критически пересматривает историю послевоенной политики США, извлекает уроки из опыта прошедших лет. Эта статья служит показателем отхода некоторых американских «советологов» от многих прежних догм и представлений.

Но вместе с этими критическими признаниями в оценке прошлого сохраняются старые обвинения СССР в агрессивных устремлениях и намерениях. Они выдвигаются теми же авторами упоминаемых статей при исследовании причин современной мирной разрядки в международных отношениях. Оказывается, эти причины лежат в каком-то отходе Советского Союза от прежнего курса. В этом видно намерение буржуазных идеологов продолжать старую линию отрицания преемственной связи и принципиальных основ советской внешней политики. И если ранее подобные утверждения сопровождались полным оправданием политики США, то теперь события изображаются так, что и США и СССР отошли от прежнего «жесткого курса». Кстати, в эту схему укладывается и намерение принять за причины «холодной войны» некое взаимодействие исторических обстоятельств, без излишней концентрации внимания на проблеме ответственности за возникновение «холодной войны».

²² «Foreign Affairs», October 1972, p. 212.

²³ Ibid., p. 214.

В чем же Бжезинский и Кеннан видят причину «отхода» Советского Союза от прежнего курса во внешней политике? Отвечая на этот вопрос, американские советологи оказываются более красноречивыми. Они продолжают искать во внутренней жизни Советского Союза противоречия, некие условия, якобы определившие переход к политике мирной разрядки. К этим условиям З. Бжезинский относит возрастающие требования к улучшению условий жизни, интеллектуальное пнакомыслие и пр.²⁴ Все это составило, по мнению американского «советолога», внутренние основы для поворота в советской внешней политике. Здесь Бжезинский вступает на свою привычную стезю, всячески муссируя старые мифы о неких противоречиях внутри Советского Союза.

Критические признания и аргументы за пересмотр американской внешнеполитической стратегии сочетаются у некоторых американских буржуазных «советологов» с традиционными искаженными оценками реальных причин изменений в международных отношениях, с попытками извратить внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза.

Итак, американские историки-международники сегодня не повторяют обычную схему прошлых лет об ответственности и вине СССР за возникновение «холодной войны», хотя, как видно из статьи Бжезинского, отголоски старых схем еще явственно чувствуются. Выдвигается идея о неких таинственных причинах, фатальном развитии событий. А в дальнейшем прямо утверждается, что сегодняшняя мирная разрядка оказалась возможной из-за отхода Советского Союза от прошлого агрессивного курса и пересмотра в США ряда внешнеполитических доктрин.

Так, З. Бжезинский возвращается «на круги своя» и в более завуалированной и подновленной форме повторяет старые идеи и мифы американской историографии.

Дж. Кеннан идет дальше в своем критическом отношении к выдвинутой им самим политике «сдерживания» коммунизма. Еще в 1957 г. Кеннан заявил: «Я думаю, мы должны остерегаться отклонять идеи только потому, что они совпадают с идеями, выдвинутыми противоположной стороной. Было бы неправильно думать, что предложения Москвы никогда не соответствуют здравым и трез-

²⁴ «Foreign Affairs», October 1972, p. 201.

вым суждениям»²⁵. И вот теперь Кеннан прямо признает, что попытка США командовать миром потерпела неудачу.

Конечно, было бы ошибочным и преждевременным писать о смене вех в американской буржуазной историографии. Да и сам Дж. Кеннан, будучи одним из ведущих идеологов империалистической Америки, остается на позициях своего класса и выражает интересы определенных правящих кругов США. Но очевидно и то, что в современных условиях усиливается дифференциация среди буржуазных историков-международников, что заставляет одних пересматривать некоторые свои старые идеи, а других — модифицировать прежние теории и концепции.

От этого не меняется общая основа и направленность буржуазных теорий, но изменяются методы, делаясь более гибкими, приспособленными к новым условиям международной обстановки и новому этапу идеологической борьбы. Именно это подтверждает и подход многих американских историков к проблемам возникновения «холодной войны».

В последние годы сложился большой новый комплекс проблем, которые можно было бы определить как «мирная разрядка и идеологическая борьба». В нем сталкиваются и переплетаются самые разнообразные тенденции и факторы, охватывая практически все сферы общественной жизни.

Мы остановимся лишь на одном вопросе — на борьбе вокруг понимания и трактовки принципа мирного сосуществования. Выше уже говорилось об освещении в буржуазной историографии вопроса о происхождении советской внешней политики и в частности об истоках теории мирного сосуществования. Но, разумеется, наибольшей остротой отличается идеологическая борьба вокруг современного понимания мирного сосуществования.

Литература, затрагивающая эту тему, очень обширна и многопланова. Важно прежде всего, что все дискуссии по этой проблеме ведутся сейчас на совершенно ином уровне, чем семь — десять лет тому назад. Фактически теперь на Западе мало можно встретить специалистов-международников, которые решились бы отрицать значение

²⁵ G. Kennan. *Russia, the Atom and the West*. London, 1958, p. 61—62.

мирного сосуществования как доктрины и конкретной политики. Один из главных итогов мирной разрядки состоит в том, что политика мирного сосуществования получила международно-правовое признание в важных международных договорах и соглашениях. Теперь борьба ведется в основном в связи с содержанием понятия мирное сосуществование, оценкой его пределов и возможностей, связи мирного сосуществования с мировым революционным процессом, с борьбой народов за социальное и национальное освобождение, за общественный прогресс.

В огромном море книг и статей по этим проблемам, среди различных теорий и точек зрения можно выделить несколько направлений. Ныне, как мы уже отмечали, большинство специалистов-международников признает важность и полезность мирного сосуществования как формы взаимоотношений между Востоком и Западом.

Американский международник М. Шульман писал в статье, посвященной западной философии мирного сосуществования, что «различия социальных систем не должны быть источником конфликта... Наша задача состоит в том, чтобы включить Советский Союз в конструктивную международную систему, где не будет места для чьей-либо гегемонии»²⁶. Дж. Кеннан заявил: «Нет никаких оснований, почему бы две великие державы (США и СССР) не могли бы сосуществовать без вооруженных конфликтов»²⁷. Западногерманский международник фон Бредов писал: «После ряда эффективных шагов, которые положили начало нормализации отношений между государствами с различным общественным строем, должна развиваться политика регулярного сотрудничества, которое оживит согласованные основы и, насколько это возможно в соответствии с более тесным смыслом дефиниции, общественные системы вступят в этап мирного сосуществования»²⁸.

И даже такой известный западногерманский антикоммунист, как К. Менерт, признал в журнале «Остойропа» в статье «Мирное сосуществование — немецкое мнение»: западная концепция исходит из того факта, что «мирное сосуществование в подлинном смысле этого слова озна-

²⁶ «Foreign Affairs», October 1973, p. 50.

²⁷ «Foreign Affairs», October 1972, p. 220.

²⁸ См. «Blätter für deutsche und internationale Politik» (Köln), Hf. 10, Oktober, 1973, S. 1043.

чает, что государства, которые его исповедуют, должны жить в соседстве друг с другом, как две семьи, которые во многих отношениях отличаются друг от друга и соответственно отрицают образ жизни другой, но тем не менее мирно друг с другом общаются»²⁹.

Как писала лондонская газета «Таймс» в январе 1974 г., «смысл разрядки в европейском масштабе состоит в том, чтобы выковать отношения, способствующие сохранению равновесия сил, одновременно создавая условия для более тесного экономического, политического и культурного сотрудничества, а также сотрудничества между людьми в Центральной Европе на благо народам по обе стороны искусственной линии, разделяющей Европу с конца войны. Это неизбежно будет медленный процесс, требующий осмотрительности и осторожности, но нет никаких сомнений в том, что эта игра стоит свеч»³⁰.

Все эти заявления служат несомненным признанием несостоятельности прежних теорий буржуазных идеологов, отрицавших вообще значение мирного сосуществования и объявлявших его тактической уловкой советских коммунистов.

Но, признав реальность и полезность мирного сосуществования, буржуазные теоретики развернули целую систему аргументов и методов, имеющих целью исказить смысл мирного сосуществования, его значение и условия реализации в практике современных международных отношений.

Первое направление этой деятельности состоит в том, чтобы всячески сузить рамки мирного сосуществования, помешать расширению сотрудничества стран социализма и капитализма в области политики, экономики и культуры. Отсюда рождаются идеи об ограниченности контактов со странами социализма, об односторонних выгодах, якобы получаемых от мирной разрядки Советским Союзом. Некоторые буржуазные идеологи пытаются свести мирное сосуществование лишь к отсутствию войны. В такой постановке и «холодная война» выглядит как некое выражение мирного сосуществования. Авторы одной из французских книг о мирном сосуществовании писали, что «мирное сосуществование — это реальность, одна из характерных

²⁹ «Osteuropa», 1974, N 4, April, S. 273.

³⁰ «Times», 5.I 1974.

черт взаимоотношений Восток — Запад со времени окончания второй мировой войны, черт, отмеченных в то же время знаком холодной войны»³¹. К этой группе суждений примыкают и попытки доказывать, что в экономическом плане мирное сосуществование служит средством для Советского Союза получать кредиты и помощь от стран Запада, не имея одновременно возможности поставлять на Запад нужные ему товары. Отсюда делается вывод о неких якобы односторонних преимуществах, получаемых от разрядки странами социализма, и о том, что западные государства должны в порядке компенсации потребовать от Советского Союза уступить в других областях и в частности в сфере идеологии³².

Вторая большая группа аргументов связана со стремлением западных идеологов лишить мирное сосуществование социальной и классовой основы. Это, пожалуй, одна из наиболее распространенных концепций идеологов капиталистического мира. Во многих работах буржуазных международных утверждается, что мирное сосуществование представляет собой лишь традиционный баланс сил, соотношение держав, которое известно миру еще со времен античности. Распространяя политику мирного сосуществования на далекие прошлые времена, буржуазные идеологи снимают вопрос о том, что мирное сосуществование относится к взаимоотношениям государств с противоположными социальными системами. Сведение политики мирного сосуществования к обычному балансу сил ведет к тому, что при изменении этого баланса можно будет отказаться от мирного сосуществования или изменить отношение к нему. С этой точкой зрения связана попытка установить некую преемственность советской внешней политики от политики царской России. Прогрессивный западногерманский деятель Гунар Матиссен писал в связи с подобными теориями: «Чтобы придать мирному сосуществованию вид народно-правового принципа, который отражает не конкретные исторические отношения народов вообще, а именно народов, проживающих в условиях разных общественных систем, его просто идентифицируют с международными отношениями, имеющими силу для всех

³¹ Ph. Bretton, J. P. Chaudet. *La Coexistence pacifique*. Paris, 1971, p. 313.

³² См. «Osteuropa», 1974, N 4, April, S. 274.

государств... Так, бессмысленно говорить об отношениях между капиталистическими государствами, как и между социалистическими государствами, как об отношениях типа мирного сосуществования... В особенности эти концепции касаются пролетарского интернационализма, который, таким образом, должен быть подчинен мирному сосуществованию и как бы растворен в нем»³³.

Пытаясь лишить мирное сосуществование социальной характеристики, игнорировать его как отношения стран с противоположным общественным строем, буржуазные идеологи уделяют большое внимание связи мирного сосуществования с развитием мирового революционного процесса, с положением в социалистическом содружестве, с развитием советской страны и с идеологической борьбой в современном мире. В свое время в различных книгах и статьях, издаваемых на Западе и посвященных советской внешней политике, всячески пропагандировалась идея о несовместимом противоречии в советской политике — поддержки революционных и национально-освободительных движений и политики мирных соглашений со странами капитализма. В 40—60-х годах в капиталистическом мире было создано множество теорий, ставящих задачу помешать советским попыткам «коммунизировать» мир, и одновременно родилась концепция постоянного давления на страны социализма с тем, чтобы добиться изменений во внутреннем строе социалистических стран и ослабить их единство. После неудачи в достижении этих целей с позиции силы, в середине 60-х годов была сформулирована так называемая политика наведения мостов, имеющая задачей добиваться в условиях конфронтации двух систем «внутренней эрозии» социализма. Один из идеологов этой теории, З. Бжезинский в 1965 г. сформулировал ее смысл так: «Запад понимает, что ему не удастся путем прямой политической акции уничтожить политические режимы в Восточной Европе... демонтировать существующую социально-политическую организацию коммунистических государств». А раз так, утверждал Бжезинский, то надо делать ставку на поддержку эволюционных изменений внутри этих государств и внутри блока в целом. И он призывал усилить проникновение чуждых концепций и релятивизацию идео-

³³ «Blätter für deutsche und internationale Politik», 1973, N 12, S. 1278.

логи, которая по-разному, с его точки зрения, толкуется в различных коммунистических странах³⁴.

С этих же позиций решал в свое время Бжезинский и проблему торговли. Он считал полезным и выгодным предоставлять долгосрочные кредиты восточноевропейским странам, но не считал их полезными в торговле с Советским Союзом. Бжезинский прямо связывал проведение политики мирного сосуществования с требованиями изменений в социалистических странах Восточной Европы.

Все это писалось несколько лет тому назад. С тех пор мир претерпел большие изменения, причем отнюдь не по пути, предсказанному американским советологом. Мировое социалистическое содружество еще более окрепло и усилило свою сплоченность и единство действий. Политика «наведения мостов» потерпела полный провал. В мире произошел коренной поворот от конфронтации к сотрудничеству, причем, вопреки советам Бжезинского, многие крупные представители делового мира США и других капиталистических стран устанавливают широкие экономические и торговые связи с Советским Союзом, выражая готовность предоставлять кредиты, понимая обоюдную выгоду и пользу таких связей.

В этих условиях Бжезинский выдвигает новые задачи перед западным миром в целом и США в частности. В упоминавшейся статье о «холодной войне» он пишет о связи внутренних факторов развития двух блоков и международной обстановки. Он заявляет, что переход от антагонистического соперничества к более сложным и смешанным отношениям может оказать более глубокое воздействие на советскую систему, чем на американскую³⁵. В этих словах уже снова проглядывают старые идеи Бжезинского об изменениях в социалистическом содружестве, но выражены они достаточно приглушенно.

И, наконец, Бжезинский ставит все точки над «и».

«Широкие мирные обязательства, — пишет он, — Востока и Запада, хотя и лежащие в рамках чисто экономических аспектов, будут почти незаметно откалывать кусочки от здания коммунистической доктрины, усиливая тем самым компромисс между Востоком и Западом»³⁶.

³⁴ См. *Б. И. Марушкин*. Указ. соч., стр. 254, 258.

³⁵ См. «*Foreign Affairs*», October 1972, p. 189.

³⁶ «*Foreign Affairs*», October 1973, p. 721.

Подобные же идеи в разных вариантах и с различной степенью определенности повторяются во многих других работах специалистов-международников и советологов в капиталистических странах³⁷.

В современных условиях в идеологической сфере усиливается борьба вокруг понимания и трактовки политики мирного сосуществования. Буржуазные теоретики пытаются утвердить свою «философию» мирного сосуществования, которая допускала бы вмешательство во внутренние дела СССР и других стран социализма, позволила бы добиваться ослабления идеологической борьбы и отхода социалистических государств от поддержки борьбы народов за социальное и национальное освобождение, за демократию и социализм.

В 1974 г. группа известных американских и западноевропейских политологов опубликовала сборник «Оценка разрядки», в котором утверждала, что «действительные результаты разрядки, достигнутые с момента ее провозглашения, представляют собой серию разочарований для Запада... Наблюдается общее ослабление позиций Запада в стратегическом, экономическом и политическом отношениях». И далее в сборнике недвусмысленно сформулирована точка зрения, что истинная разрядка возможна лишь при отказе СССР, других социалистических стран от идеологической борьбы, от поддержки национально-освободительных движений³⁸.

В коллективной работе, выпущенной Центром по перспективным международным исследованиям в Майами (США) также делаются попытки доказывать невозможность соглашения между странами с различными системами вследствие будто бы «стремления Советского Союза к мировому господству»³⁹.

Реакционная пропаганда пытается ныне столь же тенденциозно толковать итоги Общевропейского Совещания в Хельсинки. Игнорируя значение принципов европейского

³⁷ См., например, статью западногерманского специалиста К. Зелигера в журнале «Osteuropa», 1973, N 11, S. 930—940, а также статью американского международника М. Шульмана в «Foreign Affairs», October 1972, p. 35—50.

³⁸ «Détente. An Evaluation. Subcommittee on Arms Control US Senate. Washington, 1974, p. 22, 24.

³⁹ L. Goure, F. Kohler, M. Harvey. The Role of Nuclear Forces in current Soviet Strategy. University of Miami, 1974, p. 7, 8, 37—47.

мира, многие буржуазные идеологи требуют от Советского Союза уступок в идеологической области как некую «компенсацию» за большие выгоды, якобы извлекаемые Советским Союзом в вопросах политических и экономических.

* * *

Мы рассмотрели лишь некоторые аспекты идейной борьбы вокруг проблем истории международных отношений на современном этапе. Они показывают, что под воздействием крупных сдвигов в международной обстановке многие буржуазные ученые, журналисты, политологи становятся на реалистические позиции, понимают необходимость покончить с наследием «холодной войны». Однако значительное число буржуазных идеологов продолжает следовать старым теориям и концепциям, лишь несколько модифицировав их и приспособив к новым условиям, и ведет идеологические атаки против стран социализма, против политики разрядки международной напряженности.

«Добиваясь утверждения принципа мирного сосуществования, — говорил Л. И. Брежнев, — мы отдаем себе отчет, что успехи в этом важном деле ни в какой мере не означают возможности ослабления идеологической борьбы. Напротив, надо быть готовым к тому, что эта борьба будет усиливаться, становиться все более острой формой противоборства двух социальных систем»⁴⁰.

В условиях крупных успехов в реализации Программы мира, готовясь к XXV съезду КПСС, советские историки, вместе с представителями других общественных наук, стремятся внести свой вклад в поддержку миролюбивой внешней политики Советского Союза, в разоблачение тех теорий и концепций, которые служат интересам противников мирной разрядки и препятствуют обеспечению прочного мира и международной безопасности.

⁴⁰ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., 1973, стр. 445.

СКВОЗЬ ПРИЗМУ «БАЛАНСА СИЛ»

(критика советологических концепций
советско-американских отношений)

Г. А. ТРОФИМЕНКО

В современных Соединенных Штатах советоведение, или советология, представляет собой одну из «процветающих» отраслей американской политической науки. За послевоенные годы в США было опубликовано несколько десятков тысяч книг и статей, посвященных исследованию «советского феномена» — истории, экономики, политики, идеологии, науки и культуры СССР. Как признают даже в США, поток литературы об СССР сбивает с толку не только студентов, но даже специалистов.

Изучением Советского Союза и его истории занимается несколько тысяч специалистов, работающих в 400 американских университетах и колледжах, где читаются курсы по СССР, и более чем в 150 научно-исследовательских институтах; некоторые из них заняты специально проблемами Советского Союза, а большинство исследует отдельные вопросы, касающиеся СССР, в связи с общими проблемами международных отношений, стратегии, войны и мира, разоружения, демографии и пр.¹ Характерно, что большая и все увеличивающаяся доля публикаций об СССР освещает новейший период в истории нашей страны, после Великой Октябрьской социалистической революции, а преобладающую роль в этих исследованиях занимают статьи и монографии, посвященные анализу внешней политики Советского государства².

¹ Подробнее о специальных «русских центрах» в США см. справку В. П. Филатова в журнале «США: экономика, политика, идеология», 1970, № 4, апрель, стр. 110—114.

² См., в частности «Soviet Foreign Policy and World Communism. A Selected Annotated Bibliography of 7000 Books in 30 Languages». Comp. and ed. by T. Hammond. Princeton (N. J.), 1965.

В условиях такого колоссального потока литературы об СССР рассмотрение различных аспектов анализа (и нередкой при этом фальсификации) американскими буржуазными историками, юристами, политологами, социологами внешней политики Советского государства представляет собой непростую задачу. Чтобы облегчить ее решение из всей этой литературы необходимо выделить ту часть, которая претендует на научный анализ советской внешней политики, отделив ее от большого числа произведений, не имеющих ничего общего с наукой и представляющих собой пропагандистские атаки на внешнюю политику и дипломатию нашей страны с позиций махрового антикоммунизма.

В США выпущены отдельные научные труды, в которых приводится много фактического материала и делается попытка разобраться в политике Советского государства, хотя буржуазное мировоззрение авторов этих работ большей частью мешает им сделать до конца объективные выводы. Однако за вполне «научные» и «солидные» сходят в США и такие «исторические труды», авторы которых, действуя методом «широких аналогий», часто создают «модели» советской истории, по сравнению с которыми пресловутая развесистая клюква начинает казаться вполне реальным растением³.

С точки зрения концептуального подхода американских историков, в частности советологов, к анализу политики СССР, можно выделить несколько школ и направлений. При этом, как отмечает один из американских советологов — профессор и полковник ВВС США Р. Россер, в США имеется группировка ученых, считающих, что при

³ Например английский антрополог Дж. Горер, одно время работавший в США, выступил в 1950 г. с концепцией, согласно которой важнейшим фактором, влияющим на формирование «русского национального характера», служит русский обычай довольно туго пеленать грудных младенцев. Подобная практика, по Гореру, приводит к развитию у взрослых русских определенных черт характера — в частности почтительного отношения к властям (см. *G. Gorer, J. Rickman. The People of Great Russia: A Psychological Study. New York, 1962*). Самое удивительное состоит в том, что, судя по некоторым данным, указанная «концепция» Горера оказалась одной из главных аксиом, положенных в основу исследования русской культуры, проводившегося большой группой американских ученых в конце 40-х — начале 50-х годов по заданию военных ведомств США!

исследовании советской внешней политики «аналитическая задача представляется безнадежной»⁴.

Однако столь пессимистический взгляд отнюдь не свойствен большинству американских советологов. Многие из них стремятся сконструировать общую теорию, беря за основу те или иные «ключевые факторы», определяющие, по их представлениям, советскую внешнюю политику.

Уже упоминавшийся Россер, занимающий пост декана факультета политических наук в академии американских ВВС, выделяет восемь основных теорий относительно доминант советской внешней политики (обособляя при этом еще одну группу собственно советских объяснений внешней политики СССР): геополитическое объяснение, «поиск безопасности», «русское наследие», теории, берущие за основу «национальный (или большевистский) характер», «тоталитаризм», «поддержание власти элитой», реализация национального интереса, влияние марксистско-ленинской идеологии⁵.

Даже беглое ознакомление с классификацией Россера показывает ее искусственность. В частности, вряд ли можно усмотреть большую разницу между теориями, объясняющими внешнюю политику СССР мотивами геополитики, «поиска безопасности» и «национального интереса», ибо все они в конечном счете сводятся к спекуляциям на факте расположения СССР в евроазиатском «хартлэнде» («сердцевинной земле»), как выражаются геополитики. Теории же, основывающиеся на концепциях «тоталитаризма» и «элитизма», отдают не наукой, а антисоветской пропагандой.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Для многих американских советологов наука и пропаганда — просто две стороны одной и той же медали, ибо они ставят своей задачей, по определению Дж. Кеннапа, интерпретировать подобным образом русскую, советскую историю не только для американцев, но и для... самих русских, чтобы оказать «влияние на умы подрастающего поколения». Когда последнее начнет смотреть на историю России глазами американских ученых, писал Кеннан, то оно «преодолест заблуждения марксизма-ленинизма»,

⁴ R. F. Rosser. Introduction to Soviet Foreign Policy. Englewood Cliffs (N. J.), 1969, p. 1.

⁵ Подробнее см. R. F. Rosser. Op. cit., p. 15—38.

после чего для политиков Запада откроются обнадеживающие перспективы⁶.

Обозревая американскую научную литературу 60-х — начала 70-х годов по проблемам внешней политики СССР, можно сказать, что вся эта литература, если группировать авторов по их мотивировкам советского внешнеполитического поведения, в основном укладывается в четыре направления. Это — школа историков, ставящих во главу анализа идеологические соображения; направление, делающее упор на «национальную» подоснову внешнеполитических концепций и акций (включая сюда историческое и социально-психологическое направления, оперирующие понятиями «Великой России» и «русского духа»); направление, опирающееся в анализе советской внешней политики на географические и — в более широком смысле слова — геополитические факторы; и, наконец, школа, считающая отправным пунктом экономическую заинтересованность.

Можно указать и на другие подходы к группировке школ и направлений исследований американскими учеными советской внешней политики⁷. Школы и направления можно также группировать, исходя не из принципа «ключевого фактора» в анализе политики СССР, а из того, какой метод исследования принимается за основу тем или иным советологом; сравнительно-исторический, социально-психологический, международно-правовой и т. д. При этом необходимо учитывать, что в США все чаще предпринимаются попытки использовать для анализа советской внешней политики такие сравнительно новые методы, как исследование операций (теория принятия внешнеполитических решений), системный анализ, контент-анализ и т. д.⁸ Правда, авторы такого рода работ пока

⁶ См. *G. F. Kennan. Contemporary Perspectives.— «Russian Foreign Policy. Essays in Historical Perspective».* New Haven — London, 1962, p. 595—601.

⁷ См., например, *W. A. Glazer. Theories of Soviet Foreign Policy. A Classification of Literature.— «World Affairs Quarterly», vol. 27 (July 1956), p. 128—152.*

⁸ См. *J. F. Triska, D. D. Finley. Soviet Foreign Policy.* New York — London, 1968. Эта работа в 500 с лишним страниц является «экспериментальной» по определению самих авторов и содержит элементы исторического, институционального, функционального анализа и контент-анализа. Одно из первых применений контент-анализа для исследования советской внешней политики — эссе О. Холсти из Стэнфордского университета (ныне

что стремятся по возможности избегать своих собственных оригинальных выводов и в основном подтверждают выводы, сделанные представителями традиционных методов исследования.

Наконец, можно сгруппировать американских советологов в различные школы в зависимости от историко-философских концепций, которых субъективно придерживаются отдельные ученые. В таком случае можно относить советологов к тем или иным традиционным американским историческим школам, таким, как прагматисты, идеалисты, «ревизионисты», «реалисты» и пр. Каждая из этих школ претендует на то, что она обладает монополией на «конечную истину», и каждая из них оказала в свое время определенное влияние на концепции американского советоведения вообще и его внешнеполитических разделов в частности ⁹.

профессора политических наук в университете Дьюка). Холсти использовал контент-анализ для сравнительного исследования реакций СССР и Китая на американские внешнеполитические акции.— См. *O. R. Holsti. External Conflict and Internal Cohesion: The Sino-Soviet Case.— «Communist Party States». Indianapolis — New York, 1969, p. 353—385.*

Для целей политического контент-анализа Холсти приспособил разработанную группой американских ученых систему так называемого общего осведомителя — автоматизированную систему контент-анализа с помощью ЭВМ, берущую предложение за основу единицы информации. Политический словарь, составленный Холсти, состоит из 3600 корней слов, что, исходя из правил словообразования, действующих в английском языке, обеспечило общую емкость словаря порядка 10 тыс. слов.

Попыткой системного анализа можно считать и опубликованную в 1970 г. работу профессора Колумбийского университета У. Уэлча: *W. Welch. American Images of Soviet Foreign Policy. An Inquiry into Recent Appraisals from the Academic Community. New Haven — London, 1970.* Уэлч анализирует не саму советскую внешнюю политику, а исследования о ней, опубликованные за предшествующие 12 лет ведущими американскими советологами. Эти работы Уэлч группирует по признаку «образа России», который в них рисуется: начиная от «мрачноугрожающих» и кончая «теплеющими». Уэлч по сути дела приходит к выводу, что большинство американских советологов до недавнего времени формулировало свои представления не на основе фактов и документов, а под влиянием предвзятых антикоммунистических стереотипов.

⁹ В последние годы в США успешно развивается еще одна школа, так называемых неоревизионистов — ученых, подвергающих, по американским понятиям, «ревизию» традиционные взгляды, безусловно оправдывающие внешнеполитическую деятельность американского правительства в период после вто-

В настоящее время в области американской исторической науки и политологии, равно как и в области советоведения, господствует школа «политического реализма».

Один из виднейших, если не самый видный, из ныне здравствующих представителей этой школы — профессор Чикагского университета Г. Моргентау считает «главной вехой политического реализма», позволяющей находить собственный путь в лабиринте международной политики, «концепцию интереса, определенную в терминах силы»¹⁰. Этот интерес (государственный или «национальный» интерес, поскольку «политические реалисты» не оперируют классовыми понятиями) может видоизменяться в различные исторические периоды, но каждый раз находит выражение во внешней политике государств через посредство силы, под которой разумеется военная сила в чистом виде и политические, экономические, духовные, демографические ресурсы той или иной нации.

На этой платформе, рассматривающей отношения между государствами как по преимуществу силовые уравнения, сходятся представители самых различных методов, концепций и направлений исследований. К представителям школы «политического реализма» принадлежат историки так называемого либерального направления, типа са-

рой мировой войны. Представители этой школы, такие, как В. Вильямс, Д. Флеминг, Д. Горовиц, Дж. Моррей, Г. Алпровиц, Г. Колко, Б. Кохран критикуют послевоенную политику правящих кругов США с довольно реалистических позиций, в частности, возлагают на правительство США ответственность за развязывание «холодной войны». См., например, *W. A. Williams. The Tragedy of American Diplomacy.* Cleveland, 1959; *W. A. Williams. The Contours of American History.* Chicago, 1966; *D. F. Fleming. The Cold War and Its Origins, 1917—1966, vol. I—II.* Garden City (N. Y.), 1961; *J. P. Morray. From Yalta to Disarmament. Cold War Debate.* London, 1962; *D. Horowitz. The Free World Colossus: A Critique of American Foreign Policy in the Cold War.* New York, 1965; *G. Alperovitz. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. The Use of Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power.* London, 1966; *G. Kolko. The Politics of War. The World and the United States Foreign Policy (1943—1945).* New York, 1968; *J. and G. Kolko. The Limits of Power.* New York, 1972; *B. Cochran. Harry Truman and the Crisis Presidency.* New York, 1973. См. в русском переводе: *У. Вильямс. Трагедия американской дипломатии.* М., 1960; *Г. Алпровиц. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам,* М., 1968.

¹⁰ *H. Morgenthau. Politics among Nations. The Struggle for Power and Peace.* New York, 1967, p. 5.

мого Г. Моргентгау, Дж. Кеппана, М. Шульмана, Ф. Нила, и советологи, занимающие вопиюще антикоммунистические позиции, вроде Б. Вольфа, С. Поссопи или Г. Немеяера. Философию «политического реализма» разделяют историки и политологи, рассматривающие советскую внешнюю политику как функцию идеологии, вроде А. Улама, Ф. Мосли и Ф. Баргхорна, историки типа Г. Фейса, исходящие из концепции «национального интереса», политологи, такие, как Г. Кан, склонные мыслить в геополитических категориях, и «экономисты» типа У. Ростоу. С нею согласны и апологетические защитники американской империалистической системы и политики, как, например, Э. Бжезинский, и известные критики этой системы, как, скажем, Р. Стил.

Труды представителей школы «политического реализма», фальсификация ими истории внешней политики и международных отношений Советского Союза были подвергнуты подробному анализу в работах советских историков: В. П. Потемкина, В. М. Хвостова, Г. А. Арбатова, Н. Н. Иноземцева, А. Н. Яковлева, Н. Н. Яковлева, Г. Н. Севостьянова, А. О. Чубарьяна, В. Л. Израэляна, В. И. Лана, Е. И. Поповой, А. Е. Купиной, В. А. Валькова, А. А. Каренина, Ю. И. Игрицкого и др. В особенности следует отметить фундаментальную монографию Б. И. Марушкина «История и политика» (М., 1969), специально посвященную анализу американской буржуазной историографии советского общества. В работе Марушкина и в других исследованиях советских историков содержится аргументированная критика таких стереотипов американского советоведения касательно внешней политики СССР, как теория «преемственности» — попытка ассоциировать внешнюю политику советского социалистического государства с внешней политикой царской России, — как надуманная концепция о несовместимости доктрины мирного сосуществования с марксистско-ленинской теорией, как миф об агрессивности СССР.

В этой статье ставится задача рассмотреть некоторые концепции американских ученых, искажающие картину взаимоотношений Советского Союза с капиталистическими государствами Запада. Речь прежде всего идет об интерпретации имп советской внешней политики как политики, базирующейся на традиционном принципе «баланса сил». Сторонники такого подхода к анализу советской

внешней политики, с нашей точки зрения, пытаются механически приложить к СССР внешнеполитический принцип, который традиционно был основным для Соединенных Штатов и других государств Запада.

Представители школы «политического реализма» «баланс сил» всегда понимали прежде всего как единую международную систему отношений между государствами, находящимися в известном равновесии по отношению друг к другу и по отношению к системе в целом. Именно на таком «равновесии сил» в течение нескольких столетий, начиная с эпохи Возрождения, основывались отношения между государствами Европы. На «балансе сил» был основан европейский мир в период после наполеоновских войн и образования Священного Союза, легшего в основу так называемого концерта европейских держав. С вступлением этих держав в стадию империализма сама концепция «баланса сил» не претерпела заметных изменений. Первая мировая война, согласно этой теории, велась не во имя изменения существующей системы империалистических международных отношений, а лишь с целью «поправок» в этой системе, поправок — территориальных и иных, которые отразили бы изменившиеся силовые характеристики участников этой системы.

Теорию «баланса сил» как специфическую теорию международных отношений следует отличать от конкретного анализа соотношения экономических и военных сил между различными государствами, в частности государствами, представляющими различные социально-экономические системы¹¹.

Естественно, что ученые, стоящие на почве марксистско-ленинской теории, требующей прежде всего учитывать

¹¹ В том, что марксистский термин «соотношение сил» не равнозначен западной концепции «баланса сил», отдают себе отчет и некоторые американские советологи. Так в «Словаре избранных коммунистических терминов», приложенном к одному из американских учебников по коммунизму (правильнее сказать — по антикоммунизму) для старших классов средней школы, имеется следующее определение: «Соотношение сил — общий «баланс» сил в мире; специфический термин, изобретенный коммунистами взамен концепции баланса сил и используемый ими для демонстрации того, что «соотношение» благоприятно для коммунизма и идет против «империализма». — R. V. Allen, H. Bartlett, K. Colegrove. Teaching Aids by R. M. Perdew. Democracy and Communism. Theory and Action. Princeton (N. J.), 1967, p. 508.

объективную реальность, не могут не придавать первостепенного значения проблеме соотношения экономических и военных сил СССР и США, всего социалистического содружества и противостоящего ему капиталистического лагеря. «Вклад мировой системы социализма в общее дело антимпериалистических сил определяется прежде всего ее растущей экономической мощью,— подчеркивается в Основном документе, принятом Московским Международным Совещанием коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г.— Быстрое развитие народного хозяйства стран социалистической системы, опережающее по своим темпам экономический рост капиталистических государств, выход социализма на передовые позиции по ряду направлений научно-технического прогресса, открытие Советским Союзом пути в космос — все эти реальные итоги созидательного труда народов социалистических стран в решающей степени содействуют перевесу сил мира, демократии и социализма над империализмом»¹².

Однако представители англосаксонской исторической школы, усиленно разрабатывая теорию «баланса сил», противопоставляют ее марксистско-ленинскому классовому подходу к анализу международных отношений. Эта теория призвана подменить анализ реальных внешнеполитических интересов классов, господствующих в тех или иных государствах, рассмотрением надклассового или внеклассового национального «силового интереса» государств как международно-правовых единиц, лишенных специфических социально-политических характеристик.

Разумеется, мнимая надклассовость концепции «баланса сил» отнюдь не устраняет сугубо классового характера политики, основывающейся на этой концепции.

Г. Моргентгау отмечает, что относительно Европы принцип «баланса сил» Соединенные Штаты последовательно проводили в жизнь на протяжении всей своей истории. «Они выступали против любой европейской державы, будь то Великобритания, Франция, Германия или Россия, у которой появлялись шансы добиться превосходства над своими европейскими конкурентами и тем самым поставить под угрозу господствующее положение Соединенных

¹² «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы. М., 1969, стр. 302.

Штатов в Западном полушарии, а в конечном счете — и безопасность самих США. И наоборот, США поддерживали любую европейскую нацию, которая, как им казалось, могла восстановить равновесие сил путем оказания «успешного сопротивления потенциальному победителю»¹³.

Подобной точки зрения на «баланс сил» как на основу международного порядка придерживается большинство американских представителей школы «политического реализма», в частности, историки и политологи Дж. Кеннан, Г. Фейс, У. Росту, Г. Киссинджер, М. Шульман, В. Аспатуриан, Э. Бжезинский, Р. Страус-Хюпе, С. Поссони.

При этом «равновесие сил» большей частью понимается американскими историками в узком смысле равновесия военных сил, в лучшем случае — экономических сил наций, входящих в сбалансированную систему. «Ядром борьбы между западными державами и коммунистическим блоком все еще остается военно-технологическая гонка»¹⁴, утверждает Р. Страус-Хюпе.

Это представление, абстрагирующееся от важных классовых, социальных, психологических явлений и обстоятельств, во многом избегающее качественных оценок и ограничивающееся лишь количественным сопоставлением экономических, военных, демографических показателей, получило в последние годы дополнительную поддержку со стороны западных стратегов-теоретиков, оперирующих методами системного и структурного анализов, теорией игр и другими логико-математическими моделями и направивших внимание на почти нетронутую перечисленными методами ниву международных отношений.

Описывая применяемый американскими «математическими стратегами» подход, американский математик А. Рапопорт следующим образом характеризует принцип «баланса сил»: «Общей целью игры, основанной на равновесии сил (целью всех игроков вместе взятых, в отличие от их индивидуальных целей), было не сохранение мира,

¹³ *H. L. Morgenthau. A New Foreign Policy for the United States. New York — Washington — London, 1969, p. 158.* Подробнее о роли доктрины «баланса сил» во внешней политике США см. *А. А. Каренин. Теория «баланса сил».* — «Вопросы истории», 1975, № 2, стр. 74—92.

¹⁴ «National Security. Political, Military and Economic Strategies in the Decade Ahead». Ed. by D. M. Abshire and R. V. Allen. New York — London, 1963, p. 15.

а сохранившие системы. Победитель в войне обязан был обеспечить, чтобы побежденный участник игры был вновь включен в систему и не утратил способности сражаться вновь в дальнейшем, поскольку, как знать, в следующий раз он может оказаться и союзником»¹⁵.

Однако образование Советского социалистического государства подсекло под корень глобальную систему империалистического баланса сил, ибо на арене мировой истории вышла новая социально-экономическая система, которая отказывалась играть по империалистическим «правилам игры».

Молодое социалистическое государство не только не стремилось сохранить старую систему баланса сил, но самим своим существованием привело к радикальной перегруппировке социально-политических сил в мире. При новой расстановке значение приобретал не столько международный баланс государственных сил, существующих в рамках национальных границ, сколько баланс классовых сил, находящихся в противоборстве друг с другом не только в рамках национальных границ, но поверх границ и независимо от расстояний. Подчеркивая это обстоятельство, В. И. Ленин говорил: «У нас есть международный союз, который нигде не записан, не оформлен, ничего не представляет из себя с точки зрения «государственного права», а в действительности в разлагающемся капиталистическом мире представляет из себя все»¹⁶.

Разрыв молодой Советской республики с империализмом, опубликование тайных договоров, которыми царская Россия была связана с капиталистическими державами в общей политике грабежа и колониального угнетения, отказ Советского правительства от аннексионистских неравноправных положений этих договоров и соглашений привели к созданию совершенно новой международной ситуации. Страна, которая долгое время была одним из столпов системы империалистического порядка в Европе, внезапно оказалась вне этой системы. Само возникновение Советского государства заложило фундамент новой системы подлинно международных, а не просто межправительственных отношений.

¹⁵ А. Руппорт. *Strategy and Conscience*. New York — Evanston — London, 1964, p. 183.

¹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 243.

Молодое социалистическое государство стало естественным центром притяжения всех социально-классовых сил, боровшихся против империалистического угнетения и эксплуатации. В. И. Ленин писал: «Все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей...»¹⁷

Таким образом, классовый конфликт из конфликта внутри единой системы эксплуататорских государств превратился, с победой советской власти в России, в конфликт между двумя противоположными социально-экономическими системами.

Американские буржуазные историки в подавляющем своем большинстве, естественно, признают существование двух различных социально-экономических систем. Например, первая глава большой работы Дж. Кеннана «Россия и Запад при Ленине и Сталине» так и озаглавлена: «Конфликт двух миров»¹⁸.

Однако в анализе конкретной исторической действительности даже те американские историки и политологи, которые формально исходят из признания «двух систем», практически стремятся втиснуть весь сложный комплекс проблем, связанных с глобальным противостоянием двух социально-экономических систем и развитием мирового революционного процесса, в прокрустово ложе концепции «баланса сил».

Г. Киссинджер в работе «Ядерное оружие и внешняя политика» весь анализ советской внешней политики после второй мировой войны (на чем основывались его рекомендации по части политики американской) сводил к рассмотрению изменения в балансе военных сил в результате успехов Советского Союза в технологии производства ядерного оружия, хотя сам же подчеркивал, что соотношение сил между США и СССР отнюдь не тождественно соотношению их ядерных арсеналов. В течение почти всего первого десятилетия после второй мировой войны, конста-

¹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 163.

¹⁸ См. G. F. Kennan. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston — Toronto, 1961, p. 3.

тировал Киссинджер, — «Соединенные Штаты были практически неуязвимы для советского ответного удара. И тем не менее это был тупик в том смысле, что нам ни разу не удалось перевести наше военное превосходство в политическое преимущество... Наша ядерная монополия... не дала нам возможности добиться стратегического изменения в нашу пользу»¹⁹. Киссинджер перечислял причины, приведшие к такому парадоксальному на первый взгляд положению («соображения гуманности» со стороны США, «недостаток ясности в понимании происходящих процессов»), но обходил молчанием главные факторы, связанные с кардинальным изменением обстановки в мире в результате социально-политических сдвигов, следовавших за второй мировой войной с решающим участием в ней Советского Союза: образование системы социалистических государств и гигантский подъем революционно-освободительной борьбы народов. Именно эти факторы наряду с военной мощью СССР стали могучим средством сдерживания агрессивных происков мирового империализма в условиях временной американской монополии на ядерное оружие.

Другой американский историк, профессор университета штата Пенсильвания В. Аспатуриан утверждает, что влияние Советского государства и его роль в мире «определяются не привлекательностью его идеологии, а огромными размерами его мощи и его решимостью применить эту мощь в своих эгоистических интересах»²⁰. Еще один известный американский специалист по советской истории, М. Шульман, занимавший долгое время пост директора Русского института Колумбийского университета, утверждает, что в своей внешней политике Советское правительство все более руководствовалось «необходимостью политики баланса сил внутри международной системы наций — государств»²¹.

В статье, написанной в 1968 г., об отношениях США и СССР М. Шульман риторически вопрошал: «Является ли конфликт (между США и СССР — Г. Т.) в основе своей конфликтом между двумя идеологиями, двумя

¹⁹ *H. A. Kissinger. Nuclear Weapons and Foreign Policy. New York, 1957, p. 12—13.*

²⁰ «*Current History*», November 1968, p. 204.

²¹ *M. D. Shulman. Stalin's Foreign Policy Reappraised. Cambridge (Mass.), 1963, p. 240.*

политическими системами, двумя военными машинами?» Он отвечал, что конфликт следует понимать в первую очередь как «конфликт между двумя сверхвыдающимися военными державами, соревнующимися за военную власть и политическое господство»²².

В последние годы — после известных кардинальных изменений, происшедших в отношениях между США и СССР в результате официального признания Вашингтоном принципов мирного сосуществования и соответствующей перестройки политики США — М. Шульман уже более тонко подходит к анализу американско-советских взаимоотношений. В статье, опубликованной в журнале «Форин афферз» в октябре 1973 г., он выделяет семь уровней (аспектов) во взаимоотношениях между США и СССР: военно-стратегическое соревнование, соревнование в области обычных вооружений и вооруженных сил, политическое соревнование, экономическое соревнование и сотрудничество, идеологический конфликт, связи в области культуры, функциональное сотрудничество в решении таких общечеловеческих проблем, как охрана окружающей среды, борьба с болезнями и т. д., и т. п.²³ Тем не менее, как мы видим, он по-прежнему на первое место выдвигает военные аспекты соперничества и игнорирует аспект классовой борьбы между двумя системами. «Идеологический конфликт» между двумя системами, по Шульману, есть не выражение коренной непримиримости идеалов социализма и капитализма, а всего-навсего следствие «продолжающейся опоры Советского Союза на фактор внешнего идеологического противника как прием, необходимый для советской системы политического контроля»²⁴.

Наконец, американский историк У. Росту, конструируя в своем «некоммунистическом манифесте» концепцию о различиях в стадиях экономического роста государств как основной причине различия их поведения на международной арене, также полностью отбрасывает в сторону категорию общественной формации и сводит все к борьбе великих держав за пресловутый «баланс сил». При этом Росту не проводит никакого различия между Россией

²² *M. D. Shulman. Relations with the Soviet Union.*— «Agenda for the Nation». Washington, 1968, p. 373, 374.

²³ *M. D. Shulman. Toward a Western Philosophy of Coexistence.*— «Foreign Affairs», October 1973, p. 36—39.

²⁴ *Ibid.*, p. 38.

конца XIX — начала XX в. и Советским государством, заявляя о «внутренней последовательности» трех «великих военных конфликтов XX в.: первой мировой войны, второй мировой войны и «холодной войны»²⁵. «Дифференциальное изменение в балансе сил,— заявляет он,— которое можно проследить в связи с наступлением тех или иных стадий экономического роста... призвано было служить попеременно как источник то страха, то соблазна для России; кроме того, оно должно было представлять хроническую опасность для Франции, Британии и Соединенных Штатов. Стратегический статус последних оказывался коренным образом и постоянно затронутым двумя последствиями роста и индустриализации — созданием единой взаимодействующей арены силы, охватывающей всю северную половину земного шара, и возникновением уязвимых мест внутри нее, в результате чего у Германии, России и Японии на различных стадиях создавалось представление, что стремление к евразийской гегемонии возможно и привлекательно»²⁶.

Весь этот подход к истории, ставящий во главу угла исключительно соображения «баланса сил», имеет весьма четкую и определенную цель. Она состоит, с одной стороны, в том, чтобы исключить из исторического исследования внешней политики СССР качественно новые характеристики, присущие этой политике именно как политике социалистического государства, и изобразить политику СССР как лишь модернизированную разновидность «экспансионистской политики царской России». С другой стороны, этот же прием призван затушевать классовый характер внешней политики западных государств, в частности США, по отношению к Советскому Союзу. Естественно, что в сочинениях западных историков, посвященных внешней политике СССР, эти выводы навязываются читателю не прямо в лоб, а внушаются путем довольно тонких рассуждений и объективного, по видимости, анализа конкретных ситуаций.

Одна из таких ситуаций — это комплекс событий, связанных с возникновением первого в мире социалистического государства и реакцией западных держав на эти события.

²⁵ W. W. Rostow. *The Stages of Economic Growth*. Cambridge (Mass.), 1961, p. 114.

²⁶ *Ibid.*, p. 116.

В работах американских историков, представляющих школу «политического реализма», приводится весьма произвольное объяснение причин враждебности руководителей держав Антанты к молодой Советской республике. Основной и почти единственной причиной этой враждебности и фактически причиной вооруженной интервенции иностранных держав в Россию объявляется... отрицательное отношение Советского правительства к мировой войне и отказ Советской республики от участия в такой войне, т. е. в установлении нового «балакса сил», в соответствии с новыми «силовыми характеристиками» государств. Классовые мотивы отменяются как несущественные!

Так, например, в своих лекциях о внешней политике, прочитанных весной 1969 г. в Колумбийском университете, один из виднейших американских экспертов по СССР, недавно умерший Ч. Болен, занимавший пост посла США в Советском Союзе в 1953—1957 гг., говорил следующее: «Соединенные Штаты в течение этого периода (после 7 ноября 1917 г.— Г. Т.) заняли очень критическую позицию по отношению к новому советскому режиму, точно так же, как это сделали и другие союзные правительства. Первоначальной причиной было то, что Советское правительство решило договориться о сепаратном мире с кайзеровской Германией»²⁷. Дж. Кеннан также утверждает, что западные лидеры того времени были озабочены отнюдь не тем, что революция в России свергла власть буржуазии, а якобы исключительно тем, что Советское правительство не желало продолжать участвовать в военных действиях держав Антанты против Германии и тем самым произвольно нарушило общепринятые «правила игры» по «балансу сил».

Советские историки, пишет Кеннан, утверждают, что «западный мир в 1917 г. под влиянием своих собственных капиталистов не имел большей заботы, чем вызов, брошенный ему русской революцией, что он был целиком поглощен проблемой того, каким образом вступить в противоборство и уничтожить гигантскую силу справедливости и правды, а именно, коммунистическое движение, которое возникло на мировом горизонте и грозило уничтожить все, что было дорого и близко мировому капиталу с его

²⁷ Ch. E. Bohlen. The Transformation of American Foreign Policy. New York, 1969, p. 53.

эгоистическими интересами. Когда вы читаете большую часть советских материалов, вам никогда не придет в голову, что в то время шла мировая война и что именно проблемы этой войны были проблемами реальной важности для государственных деятелей Запада»²⁸.

Между тем, лидеры стран Антанты и США были не просто озабочены проблемой сохранения Восточного фронта, который начал разваливаться еще при Керенском. Для западных лидеров, не понимавших, да и просто не знавших по-настоящему, что собой представляют большевики, неприемлемость нового строя в России вытекала из «чуждо-вищного», с точки зрения империалистов, советского предложения немедленно прекратить войну, да еще без аннексий и контрибуций! Именно это «предательство», как говорил Клемансо, новой властью в России «общего дела» вызвало бешеную ненависть империалистов к этой власти и вместе с тем показало им, что новый социальный строй в России — явление совершенно иного порядка, чем те, с которыми они сталкивались до сих пор.

Классовое чутье руководителей стран Антанты подсказывало им, что новый социальный строй, ставший государственным строем России в октябре 1917 г., строй принципиально, концептуально неприемлемый для них, враждебный им совсем по-иному, чем была враждебна им кайзеровская Германия. Однако никто из этих лидеров не знал научного социализма, программы большевиков настолько, чтобы сразу же, в первые дни после революции, точно судить о характере переворота в России²⁹. Если почитать, например, сообщения лондонской «Таймс» или

²⁸ *G. F. Kennan. Russia and the West under Lenin and Stalin, p. 11.* Здесь мы рассматриваем подход Дж. Кеннана к анализу внешней политики СССР лишь с точки зрения использования Кеннаном теории «баланса сил». Подробный критический обзор работ Кеннана по истории Октябрьской революции и политике Советского Союза см. в статье П. П. Яковлева в журнале «История СССР», 1960, № 5.

²⁹ В мемуарах различных государственных деятелей (например, Ллойд Джорджа, Клемансо, Лансинга, Гувера), написанных спустя много лет после событий, их собственные действия и оценки, естественно, рисуются весьма четкими, основанными на глубоком знании явлений. Однако зачастую эти «глубокие знания» и «безошибочные анализы» оказываются знаниями и анализами, сформировавшимися лишь ко времени написания мемуаров, но относимыми авторами к моменту непосредственных событий.

нью-йоркских газет в первые дни после Октябрьского переворота в Петрограде, то в них говорилось не о большевиках или советской власти, а о «максималистском перевороте», об «экстремистах» и «пацифистских агитаторах».

Однако лидеры стран Антанты довольно скоро уяснили антикапиталистический, антиимпериалистический характер нового социального строя в России — не только через оценку категорически отрицательного отношения Советского правительства к продолжению войны, но и через анализ социально-экономических мероприятий советской власти. Уже 20 ноября 1917 г. лондонская «Таймс» отметила, что главная черта серии декретов Совета народных комиссаров — «ограбление одного класса и передача его имущества другому классу». Эта экспроприация экспроприаторов вызвала приступ бешеной ненависти в капиталистических кругах Запада к Советскому правительству.

Правящими кругами США победа социалистического строя в России была воспринята как вызов намечавшемуся господству на мировой арене нетронутых войной Соединенных Штатов. В мире, как отмечает Ганс Моргентау, в результате Октябрьской революции образовался новый центр силы и политического влияния. Этот новый социальный строй в России начал служить моделью и примером для других народов, жаждавших социального освобождения, в то время как Соединенные Штаты, вступившие в стадию империализма, могли надеяться навязать другим народам «американский образ жизни», «американскую модель» исключительно силой оружия или по крайней мере грубого экономического давления.

Американская правящая элита, которая на примере массового подъема рабочего движения в своей стране в 20-е годы с ужасом ощутила гигантскую силу мирового морального влияния большевизма, чувствовала неодолимую потребность исказить смысл революционных событий, по своему истолковать их в целях идеологической борьбы с революционным брожением масс в США. Отсюда — теория о непародном, немассовом характере Октябрьской социалистической революции в России, об «искусственном и насильственном» распространении революционного движения из Москвы³⁰. Обратная сторона этой теории — кон-

³⁰ Подробнее см. *Б. И. Марушкин. История и политика. М., 1969, стр. 162—175, 336—344 и др.*

цепция, что борьба международного империализма, направленная на подавление революционного движения, вытекает не из классовых, экономических, политических и иных интересов буржуазии, а есть всего-навсего некая «ответная» и «общенациональная» защитная реакция на «агрессивные устремления Москвы».

Дж. Кеннан, например, даже позволяет себе пронизировать над марксистским положением о «международной социальной силе, известной под именем «буржуазии» и обладающей единством идеологии..., которая руководит действиями западных правительств»³¹, называя это утверждение выдумкой большевиков.

«Антисоветизм на Западе, — утверждал он, — ...был в основном неразборчивой, изумленной и возмущенной реакцией на первые акции советского режима. Многие деятели западных правительств стали ненавидеть советских лидеров за то, что последние *делали*»³². Американская политика относительно СССР, вторит ему Болен, — «всегда была ответом на советские акции. Мы не имели никаких зловещих замыслов, никакой тайной цели и, конечно же, никаких империалистических устремлений в нашей политике, а просто действовали в ответ на вызов, который бросал нам Советский Союз»³³.

При этом американские историки всегда считают необходимым подчеркнуть, что, говоря о «поведении» Сове-

³¹ G. F. Kennan. *Russia and the West under Lenin and Stalin*, p. 193.

³² *Ibid.*, p. 190.

³³ Ch. E. Bohlen. *Op. cit.*, p. 115—116. Интересно сравнить эти высказывания Кеннана и Болена с замечаниями известного английского политического деятеля и публициста Э. Бэрка, жившего в эпоху Французской буржуазной революции, сильно испугавшей реакционные круги Европы. Выражая отношение английских правящих классов к революционной Франции Бэрк писал: «Я никогда не думал, что мы можем заключить мир с этой системой (Францией.— Г. Т.) потому, что мы не соперничали друг с другом из-за какого-либо объекта, а находились в состоянии войны именно с системой. Как мне представляется, мы были в войне не с ее поведением, а с самим ее существованием, убежденные в том, что ее существование и ее враждебность были одним и тем же» (E. Burke. *Works*, vol. VIII. London, 1826, p. 214—215). Нельзя не увидеть, что в своем анализе истинных причин враждебности консервативной английской буржуазии к республиканской Франции Бэрк был честнее современных американских буржуазных историков, рассуждающих о «плохом поведении Советов»!

тов, они имеют в виду именно внешнюю политику Советского государства, а отнюдь не его внутренние социально-экономические мероприятия. В статье о западном подходе к проблеме мирного сосуществования Кеннан, например, писал в 1960 г.: «Холодная война — и об этом надо заявить со всей категоричностью — существует не потому, что народы на Западе возражают против того, чтобы русский народ имел социализм или любую другую систему, какую он захочет»³⁴.

Таким образом, согласно Кеннану и Болену, враждебность первоначально существовала лишь с одной стороны — со стороны русских революционных рабочих и крестьян, социалистического государства. С другой же — капиталистической — стороны была некая изначальная благожелательность и непредубежденность по отношению к социалистическому строю в России, и эта благожелательность разрушилась лишь под влиянием «недружественных внешнеполитических целей и акций» последней. С такого рода позиций объясняют Кеннан и Болен не только отношение держав Антанты к Советской России в первые месяцы ее существования, но и все дальнейшие конфликты между США и СССР, между капитализмом и социализмом вообще.

Короче говоря, вся эта схема сводится к излюбленному тезису американских буржуазных историков о сдерживании «агрессивных и экспансионистских устремлений» Советского Союза западными державами, в первую очередь Соединенными Штатами. Тенденциозность подобного подхода американских советологов и политиков к анализу внешней политики Советского государства не ускользает от внимания объективномыслящих буржуазных ученых в самих США. Так, в специальном докладе по проблемам антикоммунизма в США, подготовленном в 1969 г. группой американских ученых и журналистов для американской организации квакеров, отмечалось: «В Соединенных Штатах, частично из-за неправильного представления о роли силы, революционные перемены стали отождествлять с иностранной агрессией и подрывной деятельностью. Независимый радикализм отметался как невозможный и нежелательный. И поскольку инициатива по части соци-

³⁴ G. F. Kennan. Peaceful Coexistence: A Western View.— «Foreign Affairs», January 1960, p. 178.

альных перемен воспринималась как коммунистический экспансионизм, любой копртраг Соединенных Штатов превращался в моральный крестовый поход»³⁵.

Конкретная американская стратегия «сдерживания коммунизма» была, как известно, разработана в государственном департаменте США под руководством Кеннана и принята на вооружение правительством США лишь в 1947 г. Однако американские советологи стремятся приложить концепцию сдерживания ко всему периоду отношений между США и СССР, капитализмом и социализмом вообще, с момента Октябрьской революции и по сегодняшний день, изобразить классовую политику мировой буржуазии, нацеленную на уничтожение первого в мире социалистического государства, как... оборонительную!

Подобные теоретические построения Ч. Болена, А. Улама, Ф. Баргхорна и других американских советологов опровергаются фактами самой жизни, практической политикой капиталистических государств. Эти факты показывают, что с первых дней существования Советского государства политика империалистических правительств по отношению к нему определялась сугубо классовыми интересами международной буржуазии, поставившей своей целью сокрушить тот общественный строй, одно лишь существование которого подрывало механизм капиталистической эксплуатации и угнетения в их собственных странах.

«Никакая реальная гармония,— писал У. Черчилль Ллойд Джорджу,— невозможна между большевизмом и нынешней цивилизацией. Ребенок должен быть задушен в колыбели»³⁶.

Факты, свидетельствующие о непрерывных попытках вмешательства империалистических держав во внутренние дела Советского Союза в годы перед второй мировой войной, настолько очевидны, что Г. Моргентхау, несмотря на все свои антипатии к социалистическому строю, отмечает, что внешняя политика Советского Союза «в ее первой фазе, длившейся до победы во второй мировой

³⁵ «Anatomy of Anti-Communism. A Report prepared for the Peace-Education Division of the American Friends Service Committee». New York, 1969, p. 55.

³⁶ Цит. по: *L. Broad. Winston Churchill: A Biography*. New York, 1958, p. 186.

войне, служила цели защиты советского эксперимента от враждебной интервенции»³⁷.

Та же классовая цель изменения внутреннего социального строя в СССР, ликвидации социализма, была поставлена лидерами США как основная цель американской внешней политики и после второй мировой войны. «Успех советской системы как формы внутренней власти все еще окончательно не доказан... Таким образом, внутренняя жизнеспособность и постоянство движения все еще не должны рассматриваться как гарантированные»³⁸, — писал 22 февраля 1946 г. из Москвы в шифровке в госдепартамент США тот же Дж. Кеннан (занимавший в то время пост поверенного в делах посольства США в Москве), как бы не ведая, что недавно закончившаяся Великая Отечественная война на весь мир убедительно продемонстрировала великую жизнеспособность советского строя. А уже летом 1947 г. Кеннан теоретически сформулировал концепцию «сдерживания коммунизма», прямо нацеленную на изменение внутреннего строя в СССР с помощью американского давления, на «отбрасывание» социализма³⁹. При этом агрессивные цели авторов этой доктрины удобно прикрывались рассуждениями о «сдерживании экспансионистских тенденций русских» с целью сохранения «баланса сил».

Сам Кеннан, пытаясь доказать в своих мемуарах, опубликованных в 1968 г., что мировая общественность якобы «неправильно поняла» его в 1947 г., тем не менее подтверждает, что его доктрина преследовала цель «размягчения советской власти»⁴⁰. Не менее откровенно говорит теперь об этой доктрине и Г. Киссинджер. «Подлинная цель сдерживания, — пишет он, — в конце концов состояла в том, чтобы вызвать внутреннюю трансформацию Советского Союза»⁴¹. В начале 50-х годов эта поли-

³⁷ *H. Morgenthau. A New Foreign Policy for the United States*, p. 58.

³⁸ «*Foreign Relations of the United States, 1946*», vol. VI. Eastern Europe. The Soviet Union. G. P. O. Washington, 1969, p. 707; отрывки из текста этой телеграммы также приведены в приложении к первому тому мемуаров Кеннана (*G. F. Kennan. Memoirs 1925—1950*. London, 1968. Annex C, p. 547—559).

³⁹ X. [*G. F. Kennan*]. *The Sources of Soviet Conduct*. — «*Foreign Affairs*», July 1947, p. 570—582.

⁴⁰ *G. F. Kennan. Memoirs*, p. 365.

⁴¹ *H. A. Kissinger. Central Issues of American Foreign Policy*. — «*Agenda for the Nation*», p. 607. В книге, посвященной анализу

тика была продолжена в провозглашенной государственным секретарем США Д. Ф. Даллесом доктрине «освобождения» социалистических стран от ...социализма!⁴²

«Основной целью американской национальной политики является создание и обеспечение структуры мировых отношений, совместимой с ценностями США и свободного мира. Эта цель *выходит далеко за рамки узких интересов национальной безопасности США или чисто сдерживающих операций против коммунистической экспансии*» (подчеркнуто мной.— Г. Т.)⁴³, — откровенно говорилось в авторитетном докладе, подготовленном университетом Джонса Гопкинса для сенатской комиссии по иностранным делам в 1959 г.

На протяжении послевоенного периода представление американских историков о «силовой картине» мира претерпело трансформации. Примерно до конца 50-х годов они видели мир резко разделенным на «свободный мир», в который включались все несоциалистические страны, и «коммунистический блок», находящиеся в состоянии практической, хотя и необъявленной, войны друг с другом, в состоянии «тотальной конфронтации», для описания которой не годились никакие политические цвета, кроме белого — для себя и черного — для противника. При такой ситуации всякий нейтраллизм в несоциалистическом мире рассматривался американскими идеологами и учеными как «предательство» (отсюда печально знаменитый даллесовский тезис об «аморальности» нейтраллизма)⁴⁴, а внеш-

причин возникновения «холодной войны», Г. Фейс замечает, что послание Трумэна конгрессу, в котором была сформулирована стратегия «сдерживания», было «бахвальством... наполненным самодовольным предположением, что США имели необходимую силу, чтобы реализовать свои желания или свою волю в любом месте земного шара» (*H. Feis. From Trust to Terror. The Onset of the Cold War, 1945—1950. New York, 1970, p. 86*).

⁴² «Сдерживание и освобождение,— откровенно говорил Кеннан,— всего лишь две стороны одной и той же медали» (*G. F. Kennan. Realities of American Foreign Policy. London, 1954, p. 88*).

⁴³ «Developments in Military Technology and their Impact on United States Strategy and Foreign Policy. A Study prepared at the Request of the Committee on Foreign Relations. United States Senate». G. P. O. Washington, 1959, p. 1.

⁴⁴ См. выступление Д. Ф. Даллеса в сельскохозяйственном колледже штата Айова.— «The New York Times», 10.VI 1956.

няя политика США квалифицировалась как «крестовый поход за свободу», требовавший тотальной мобилизации всех ресурсов «свободного мира». При таком видении мира американские политики и выражавшие их точку зрения ученые в определенной мере отходили от традиционной концепции «баланса сил», когда США выступают в роли некоего третьего — «суперарбитра», и рассматривали международные отношения в биполярном плане противостояния двух «идеологических коалиций».

В конце 50-х — начале 60-х годов тезис о, так сказать, «коалиционной биполярности» уступил место положению о «биполярном противостоянии» двух держав — Соединенных Штатов и Советского Союза. Это привело к выделению в «особую категорию» третьих стран, как союзных, так и нейтральных, возможное отличие политических позиций которых от позиций главных антагонистов и друг от друга, хотя и признавалось, но вместе с тем объявлялось не имеющим никакого существенного влияния на общий «баланс сил». Г. Моргентау, например, писал, что «полярность между Соединенными Штатами и Советским Союзом ...стала преобладающей отличительной чертой международной политики. Мощь США и СССР стала столь превосходящей по сравнению с силой их фактических или возможных в будущем союзников, что они определяют баланс сил между собой лишь посредством их собственного доминирующего веса...»⁴⁵

Такая точка зрения продержалась почти до конца 60-х годов, когда американские историки и политики «вдруг» обнаружили, что «век сверхдержав близится к концу. Военная биполярность не только не предотвратила политическую многополярность, а фактически способствовала ей... Новые нации чувствуют себя защищенными фактом соперничества сверхдержав и их национализм ведет ко все более смелым утверждениям своеволия»⁴⁶. Так писал Г. Киссинджер в 1968 г., а вслед за ним тезис о «многополярности мира» стали развивать многие другие американские историки и политологи.

Один из парадоксов эволюции взглядов американских политологов вообще и советологов в частности на международные отношения заключается в том, что они

⁴⁵ *H. Morgenthau. Politics among Nations, p. 336.*

⁴⁶ *H. Kissinger. Central Issues of American Foreign Policy.— «Agenda for the Nation», p. 588.*

всегда стремятся приписать советским ученым такое «видение мира», которое служит как бы зеркальным отражением их собственного. С потрясающим единодушием, свидетельствующим не только о субъективно-идеалистической основе мировоззрения многих представителей школы «политического реализма», но и об англосаксонском высокомерии, американские историки выдают за точку зрения советских историков ту же самую — лишь диаметрально противоположную по полярности — картину мира, которую в тот или иной период они изображают как реально существующую, а «реально существует» та, которая в наилучшей степени отражает субъективные интересы внешней политики буржуазного государства.

В разгар «холодной войны» и «крестового похода за свободу» социалистический лагерь изображался в американских исследованиях как «тоталитарный монолит», источник и проводник «международного коммунистического заговора», призванного «уничтожить» правительства стран «свободного мира»; в период господства концепции о «биполярности сверхдержав», противостоящих друг другу и возвышающихся гигантами среди моря «второразрядных наций», поведение СССР в равноправном содружестве социалистических стран изображалось абсолютно аналогичным поведению США в «атлантическом партнерстве»; наконец, с переходом к концепции «многополярности» трудности, которые испытывают США в раздираемом противоречиями капиталистическом лагере, автоматически переносятся на... коммунистическое движение! И хотя многие из такого рода «концепций» задним числом — по прошествии какого-то времени — критикуются самими американскими советологами как несостоятельные, в каждый данный момент «расцвета» той или иной модной антикоммунистической концепции она воспринимается как догма — «истина в последней инстанции», почти не требующая доказательств⁴⁷.

⁴⁷ Скажем, в 1969 г. американский политолог М. Кэртис, профессор политических наук в университете Ратджерса, мог написать: «Тезис, что существует международный коммунистический заговор, ответственный за раздувание всяческой оппозиции существующим правительствам, граничит с параноическим» (*C. Friedrich, M. Curtis, B. Barber. Totalitarianism in Perspective. Three Views. New York — Washington — London, 1969. p. 561*). Однако в начале и середине 50-х годов этот тезис был «альфой и омегой» американской советологии.

Имеется и еще одно обстоятельство, которое игнорировали американские историки, оперирующие понятием «баланса сил». Так называемое противостояние СССР — США они продолжали рассматривать исключительно как противостояние военных сил. Они отказывались рассматривать это противостояние в плане соревнования между двумя социальными системами, которое характеризуется не просто соотношением военных сил США и СССР или соответствующих военно-политических союзов, а выражает соотношение социальных сил в мировом масштабе.

В тех случаях, когда американские историки делали попытку рассматривать отношение Советского Союза (в плане его внешней политики) к мировому революционному движению, они скатывались к вульгарной концепции прагматического «использования» Советским Союзом революционных сил в мире. Типичны в этом отношении рассуждения В. Аспатуриана в работе, выполненной по заказу Стэнфордского университета и посвященной «системному анализу» поведения Советского Союза. «Бросая взгляд в прошлое, — пишет Аспатуриан, — можно сказать, что Советский Союз использовал (не обязательно умышленно) свой контроль над мировым революционным движением как фактический суррогат, заменяющий другие признаки статуса и поведения великой державы. По мере того как Советский Союз развивал свою экономическую и военную мощь, мировое революционное движение соответственно переставало быть для него по-прежнему полезным: в нем больше не было необходимости, ибо Советы приобрели обычные средства влияния, соответствующие статусу великой державы»⁴⁸.

В этом утверждении американского советолога что ни слово — то фальсификация.

Парализующее, сдерживающее влияние социалистического содружества на силы империализма, выражаемое формулой «ядерного паритета», действительно означало определенное изменение во взаимодействии трех главных революционных сил современности: системы социалистических государств, международного рабочего движения и национально-освободительного движения. Если в первый период своего существования Советское социалистическое

⁴⁸ V. V. Aspaturian. *The Soviet Union in the World Communist System*. Stanford University (Calif.), 1966, p. 73.

государство еще было недостаточно сильно, чтобы эффективно противодействовать атакам мирового империализма на революционные силы, и, наоборот, само его существование в значительной мере зависело от сдерживающего влияния других революционных сил на империализм, то в настоящее время именно Советский Союз, социалистическая система в целом, оказывают решающее сдерживающее влияние, пресекая контрреволюционные происки империалистических сил по отношению к другим отрядам мирового революционного движения.

Речь идет не об «использовании» Советским Союзом революционных сил, как утверждают буржуазные фальсификаторы, а о товарищеской взаимопомощи различных революционных отрядов друг другу на основе принципов международной пролетарской солидарности. Вот чего не хотят понимать Аспатуриан и его единомышленники.

Оценивая факторы, приведшие к провалу интервенции 14 капиталистических государств против молодой Советской России, В. И. Ленин говорил весной 1921 г. на Всероссийском съезде транспортных рабочих: «Вы знаете, что против нас в течение трех с половиной лет воевали все богатейшие державы мира. Та военная сила, которая стояла против нас и которая поддерживала Колчака, Юденича, Деникина и Врангеля,— вы прекрасно знаете, каждый из вас участвовал в войне,— во много раз, безмерно и безусловно, превышала наши военные силы... Как же это могло случиться, что они ставили задачу победить Советскую власть и не победили? Как это могло быть? Ответ мы имеем точный. Это могло быть и это случилось потому, что пролетариат во всех капиталистических странах был за нас... Не мы победили, ибо наши военные силы ничтожны, а победило то, что державы не могли пустить в ход против нас всей своей военной силы»⁴⁹.

Возвращаясь к этой же мысли еще раз — в конце 1921 г.— В. И. Ленин подчеркивал: «Именно эта поддержка, именно сочувствие к нам трудящихся масс — и рабочих и крестьянских, земледельческих масс — во всем мире, даже в державах, наиболее нам враждебных, именно эта поддержка и это сочувствие были последним, самым решающим источником, решающей причиной того, что все

⁴⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 134.

направленные против нас нашествия кончились крахом, что союз трудящихся всех стран, который нами был объявлен, закреплен, а в пределах нашей республики и осуществлен, что он оказал действие на все страны»⁵⁰.

Такова была ситуация в первые годы советской власти. Теперь, в условиях, когда социализм в СССР победил полностью и окончательно, в условиях существования и роста сил мировой социалистической системы, ситуация коренным образом изменилась. Ныне СССР, система социалистических государств служит мощным гарантом для революционных народных движений. Международный империализм уже не имеет возможности полностью использовать все свои силы для подавления революционных, в том числе национально-освободительных, движений по причине того, что значительная часть этих сил парализуется сдерживающим эффектом мировой системы социализма. Это подтвердилось и в ходе суэцкого кризиса 1956 г., и в ходе американской военной авантюры против Кубы в апреле 1961 г., и во многих других случаях, когда империалистические державы пытались организовать вооруженную интервенцию в контрреволюционных целях.

«Опираясь на свою непрерывно растущую экономическую и оборонную мощь, мировая система социализма сковывает империализм, ограничивает его возможности осуществлять экспорт контрреволюции»⁵¹, — подчеркивается в Основном документе, принятом Международным Советанием коммунистических и рабочих партий в Москве в июне 1969 г.

С этим обстоятельством американские историки и теоретики, выступающие с концепцией «баланса сил», долгое время не хотели считаться. И лишь «урок Вьетнама» начал постепенно отрезвлять некоторых из представителей американской школы «политического реализма», заставил их сделать кое-какие выводы из очевидного факта «невсесильности» США, что признал еще Дж. Кеннеди в бытность свою американским президентом⁵². Теперь же теория «многополярности мира» уже прямо устанавлива-

⁵⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 293.

⁵¹ «Международное Советание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», стр. 304.

⁵² См., например, выступление президента Кеннеди в Сиэтле. — «The New York Times», 17.XI 1961.

ет, что «политическая многополярность делает невозможным навязывание американских замыслов»⁵³.

Признание, что навязать американские замыслы невозможно, было равносильно признанию провала политики «с позиции силы», проводившейся Вашингтоном в 50-е и 60-е годы.

Эта констатация была не достижением абстрактно-теоретического мышления, а стала выводом из американской внешнеполитической практики в течение четверти века после окончания второй мировой войны: на путях силы оказалось невозможно не только добиться американской гегемонии — «Рах Америгана», но даже сколь бы то ни было улучшить внешнеполитические позиции США. Тупик, в который завела США «политика силы», и постепенный переход к более реалистическим представлениям об окружающем мире (в отличие от былых черно-белых представлений) привели Вашингтон к установлению конструктивного диалога с «потенциальными оппонентами», в первую очередь — с Советским Союзом.

Советско-американские переговоры на высшем уровне 1972—1974 гг. и большая серия важных внешнеполитических соглашений привели к коренному перелому во взаимоотношениях двух стран, резко улучшили обций политический климат в мире.

Такая позитивная трансформация советско-американских отношений не могла не сказаться и на концепциях американских советологов. Сколь бы критически ни относились они к идеям социализма и коммунизма, они вынуждены учитывать дух времени, в какой-то мере более реалистически смотреть на положение дел в мире, на возможности советско-американского сотрудничества. Ведь, если говорить откровенно, в том, что в течение четверти века между США и СССР велась «холодная война», есть немалая доля вины тех же советологов, ориентировавших американское правительство на то, что политика военного нажима на СССР и его экономического бойкота «даст должные результаты».

Теперь многие из тех, кто в 40-е и 50-е годы рекомендовал администрации США жесткий курс по отношению к СССР, начинают смотреть на вещи по-иному. Многие из

⁵³ *H. Kissinger. Central Issues of American Foreign Policy.— «Agenda for the Nation», p. 589.*

американских специалистов по «русскому вопросу» все чаще рассматривают отношения между СССР и США не только в аспекте соперничества, но и с точки зрения выявления сфер совпадения внешнеполитических интересов двух стран, сфер сотрудничества.

Выступая в слушаниях по вопросам разрядки, проводившихся в конце 1974 г. комиссией сената США по иностранным отношениям и аналогичной комиссией палаты представителей, многие видные американские советологи высказывались в гораздо более конструктивном духе, чем можно было бы ожидать судя по их прошлым позициям.

«С конца второй мировой войны,— говорил, выступая в комиссии сената США Дж. Кеннан,— мы по привычке рассматривали феномен международного коммунизма как самую крупную из всех угроз, маячащих на нашем международном горизонте, как всепоглощающую проблему, которой должны быть посвящены наша стратегия и дипломатия». Однако, продолжал Кеннан, в мире существуют гораздо более беспокоящие проблемы, вроде нехватки энергоресурсов, загрязнения окружающей среды, перенаселенности и т. д. «Мы не можем в одиночку решить все эти проблемы в мировом масштабе. Можно было бы считать успехом, если бы перед лицом этих проблем мы смогли сохранить развитие нашей собственной национальной жизни. Но если бы мы смогли направить на их решение часть того внимания и ресурсов, которые мы сейчас уделяем военной обороне перед лицом международного коммунизма, и если бы мы смогли получить помощь некоторых коммунистических стран в осуществлении этих задач, то тогда, я полагаю, мы бы не только использовали свою энергию и ресурсы более реалистическим образом, но мы смогли бы обнаружить, что сама проблема международного коммунизма уменьшилась в результате переключения нашего внимания — и их внимания — с тех страхов и привычек, которые разъединяют нас, на проблемы, общие для всех нас»⁵⁴.

Вышеупомянутый М. Шульман подчеркнул, выступая в той же комиссии, что США «слишком долго позволяли военным аспектам усилий по сдерживанию распростране-

⁵⁴ «Détente. Hearings before the Committee on Foreign Relations. United States Senate, 93-d Congress, 2-nd session on United States Relations with Communist Countries». G. P. O. Washington, 1975, p. 66—67.

ния коммунистического влияния быть главным оселком нашей внешней политики»⁵⁵.

Даже такой завзятый антисоветчик, как бывший посол в СССР (1962—1966 гг.), а затем — профессор центра перспективных международных исследований университета Майами (штат Флорида) Ф. Колер, и тот, при всем своем скепсисе и подозрительности относительно «советских намерений», отметил в комиссии по иностранным делам палаты представителей, что «разрядка, по моей оценке, — это очень хорошая игра для наций; она, несомненно, лучше, чем конфронтация или балансирование на грани войны, что в прошлом очень часто было характерно для наших отношений с Советским Союзом... Я полагаю, что если рассматривать это дело реалистично, без иллюзий, то в общей перспективе результаты последних двух лет не были неблагоприятны для Соединенных Штатов. Я думаю, что все это — важные шаги в очень длительном процессе. Меня не беспокоит то, что мы вступили во все эти соглашения (с СССР.— Г. Т.), фактически я очень обрадован»⁵⁶.

Однако, приветствуя разрядку и улучшение советско-американских взаимоотношений, многие американские теоретики часто рассматривают складывающуюся новую структуру международных отношений как... возвращение к принципу «баланса сил». Выступая с такого рода концепциями, эти теоретики в значительной мере опираются на официальную трактовку разрядки Вашингтоном. В интервью журналу «Тайм» 3 января 1972 г. президент Никсон, например, заявил: «Мы должны помнить, что единственным временем в истории земли, когда на протяжении какого-то длительного периода сохранялся мир, было время баланса сил. Лишь тогда, когда одна из стран становится неизмеримо более мощной по сравнению с ее потенциальным конкурентом, возникает угроза войны. Так что я верю в мир, в котором Соединенные Штаты могущественны. Я думаю, наш мир был бы более безопасным, более совершенным миром, если бы были сильные, здоровые Соединенные Штаты, Европа, Советский Союз, Китай, Япония, и при том каждое государство уравнове-

⁵⁵ Ibid., p. 110.

⁵⁶ «Détente. Hearings before the Subcommittee on Europe of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives, 93-d Congress, 2-nd session». G. P. O. Washington, 1974, p. 73.

шивало бы другое, а не играло бы одно против другого, если бы они имели равный баланс»⁵⁷.

Комментируя эти установки американской администрации, З. Бжезинский, возглавлявший в то время Институт по проблемам коммунизма Колумбийского университета, писал: «Концептуальная база никсоновской внешней политики включает в себя в основном традиционный подход с позиции баланса сил, но более бисмарковский, нежели меттерниховский... В отличие от статичного меттерниховского баланса, опирающегося на консервативное идеологическое единообразие, бисмарковский баланс был основан на движении и гибкости, на том, чтобы застигать врасплох как друзей, так и врагов»⁵⁸.

Естественно, как это стало уже общепринятым для американских теоретиков, «балансовый» подход США к международным отношениям тут же был автоматически распространен некоторыми из них и на советскую политику, которой так же стали приписываться «балансовые» мотивы при осуществлении разрядки международной напряженности! «Имеющиеся к настоящему времени свидетельства указывают на то, что Советский Союз выражает готовность вести международную игру в соответствии с правилами Никсона»⁵⁹, — писал в 1973 г. известный американский специалист в области стратегии Р. Осгуд, игнорируя то общеизвестное обстоятельство, что не Советский Союз подписался под «правилами» «холодной вой-

⁵⁷ «Time», 3.I 1972, p. 26.

⁵⁸ Z. Brzezinsky. U. S. Foreign Policy. The Search for Focus.— «Foreign Affairs», July 1973, p. 715. Один из главных творцов внешней политики США в 70-е годы, государственный секретарь США Г. Киссинджер, любящий повторять изречение «железного канцлера», что политика «есть искусство возможного, наука относительного», касаясь обвинений Бисмарка в оппортунизме, писал: «Бисмарк был превыше всего приспособленец. Обвинение в оппортунизме, однако, порождает ключевой вопрос о способности к государственному руководству. Любой государственный деятель, желающий оказать влияние на события, должен быть в определенной мере приспособленцем. Настоящее различие надо проводить между теми, кто приспособливает свои цели к реальности, и теми, кто стремится сформировать саму реальность в свете своих целей» (H. A. Kissinger. The White Revolutionary.— Reflections on Bismark.— «Daedalus», Summer 1968, p. 910).

⁵⁹ R. E. Osgood. Introduction: The Nixon Doctrine and Strategy. «Retreat from Empire? The First Nixon Administration». Baltimore — London, 1973, p. 15.

ны» или «джентльменского» ведения войны горячей, которые ему долгие годы пытались навязать США, а Соединенным Штатам пришлось в конце концов подписаться под принципами мирного сосуществования, которые Советское государство провозгласило и отстаивало с момента своего рождения.

Однако большинство американских политологов, в том числе многие видные советологи, стали чаще приходиться к выводу, что в условиях второй половины XX в., в ядерную эпоху политика «баланса сил» не может рассматриваться как рациональная даже для Соединенных Штатов, не говоря уже о том, чтобы приписывать подобные мотивы Советскому Союзу. Классический «баланс сил» типа европейского баланса после наполеоновских войн, отмечают многие американские теоретики, неосуществим в современную эпоху. Баланс сил, доказывают они, все время требует поправок в «равновесии» при изменении «весов» балансирующих государств в силу их внутреннего развития. Иначе говоря, баланс сил невозможен без регулярно повторяющихся конфликтов — силовых проб⁶⁰. В современных условиях любой такой конфликт с целью внесения «поправок в равновесие» мог бы повести к всеобщей ядерной катастрофе. Поэтому строить отношения на механизме «баланса сил» значит подвергать очень большому риску судьбы всеобщего мира, а следовательно, и судьбу самих США, признают американские критики концепции «нового баланса».

«Структура мира» не может быть создана путем восстановления давно канувшей в Лету эпохи⁶¹, — отметил известный американский теоретик внешней политики С. Хоффман в статье, специально посвященной проблеме «баланса сил» в 70-е годы. Перечисляя причины, делающие невозможной в современную эпоху «игру» по правилам классического баланса, С. Хоффман отмечает, что так называемый пятиугольный мир (пять «центров силы» — США, СССР, КНР, Западная Европа, Япония), на который преимущественно ориентируются американ-

⁶⁰ И в самом деле: в тот период, который считается буржуазными теоретиками чуть ли не периодом «вечного мира», в Европе состоялось несколько крупных войн: крымская война, итальянская война, франко-прусская война и т. д.

⁶¹ S. Hoffmann. Weighing the Balance of Power.— «Foreign Affairs», July 1972, p. 643.

ские политики и теоретики, рассуждающие о «новом балансе», состоит из государств весьма неравных по своим экономическим и военным потенциалам (что при традиционном подходе уже давно должно было бы привести к «пробе сил» с целью «восстановления равновесия»). «Использование ядерного оружия совершенно очевидно не может быть техникой балансирования»⁶², — пишет Хоффман, подчеркивая, что в прошлом «балансирование» осуществлялось почти исключительно с помощью войны. В то же время в военном отношении мир все еще биполярен, учитывая громадное превосходство военных потенциалов СССР и США по отношению к другим государствам. Далее «существует асимметрия между идеологией коммунистов и нашими концепциями, которые предусматривают порядок как самоувечивающееся статус-кво, как паутину процедур и норм, а не как все время меняющийся результат социальной борьбы»⁶³.

Эти и другие факторы не позволяют, по Хоффману, говорить о возможности восстановления «баланса сил». Мнение Хоффмана о неадекватности политики «баланса сил» современной обстановке в мире, даже если речь идет лишь о политике западных держав, разделяется многими другими американскими теоретиками. Но некоторые из них идут дальше, подчеркивая новые явления современной жизни, требующие новых критериев для их оценки, новых концепций внешней политики.

Известный американский политолог С. Браун, сотрудник Брукингского института, подчеркивает, что основные черты новой международной системы, постепенно возникающей вместо прежней, коренным образом отличаются и от «биполярной системы холодной войны», и от «предыдущих систем баланса сил». «Если международную мощь страны определять как ее способность добиваться того, чтобы другие мирились с ее целями, — пишет Браун, — тогда в системе, характеризующейся множественными и взаимопересекающимися коалициями, формируемыми с целью решения разнообразных проблем, свойства силы будут существенным образом отличаться от тех, которыми характеризовалась биполярная по своей сути система. В новой системе наиболее влиятельными странами по всей

⁶² S. Hoffmann. Op. cit., p. 621.

⁶³ Ibid., p. 629.

вероятности будут те, кто окажется главными конструктивными участниками в широком наборе коалиций для совместных или многосторонних мероприятий» (в решении проблем, волнующих человечество)⁶⁴. На первое место как основная характеристика мощи государства все более выдвигается не военная сила, констатирует Браун, а его технико-экономические способности и другие невоенные формы силы⁶⁵.

Такая критика «баланса сил» не могла не сказаться и на официальных установках Вашингтона. Во внешнеполитическом послании конгрессу от 3 мая 1973 г. президент США, уточняя предыдущие официальные формулировки по вопросу «баланса сил», разъяснял: «Мы стремимся к стабильной структуре, а не к классическому балансу сил. Безусловно, национальная безопасность должна основываться на определенном равновесии между потенциальными соперниками... Таким образом, некий баланс сил внутренне присущ любой международной системе, и ему найдется место и в той системе, создание которой мы предусматриваем. Но это — не всеподавляющая концепция нашей внешней политики. Прежде всего, наш подход отражает реальности ядерного века. Классическая концепция баланса сил включала непрерывное маневрирование с целью получения второстепенных преимуществ над другими. В ядерную эру это и нереалистично и опасно. Это нереалистично потому, что, когда обе стороны обладают такой колоссальной мощью, небольшие дополнительные улучшения в позиции не могут быть переведены в осязаемые реальные преимущества или даже в используемую политическую силу. И это опасно потому, что попытки добиться каких-либо тактических выгод могут повести к конфронтации, которая могла бы оказаться катастрофической»⁶⁶.

⁶⁴ S. Brown. *New Forces in World Politics*. Washington, 1974, p. 112.

⁶⁵ В связи с этим некоторые американские теоретики говорят о демилитаризации традиционного баланса сил (см. выступление Х. Уилера из Центра по изучению демократических институтов на конференции «*Pacem in Terris III*».— «*The Nixon — Kissinger Foreign Policy: Opportunities and Contradictions*», vol. I. Santa Barbara (Calif.), 1974, p. 120).

⁶⁶ «*United States Foreign Policy for the 1970's. Shaping a Durable Peace. A Report by President Richard Nixon to the Congress. May 3, 1973*». Washington, 1973, p. 230.

Однако, несмотря на эти реалистические заявления, определенные круги в США, как показывают их действия — маневрирование на Ближнем Востоке, вокруг Кипра, их мероприятия в области повышения качества стратегических вооружений и т. д., все же пытаются добиться определенных тактических выгод — «маргинальных преимуществ», надеясь, что накопленные таким образом частные преимущества послужат им «рычагом», используемым против других государств для решения тех или иных проблем на американских условиях.

«Балансовый» подход, имеющий в США двухсотлетнюю традицию, настолько глубоко укоренился в сознании нынешних американских политологов, что даже те из них, кто формально отвергает концепцию «баланса сил» как генеральную доктрину международных отношений, в своих практических рекомендациях — часто невольно, а иногда и сознательно — скатываются на все те же «балансовые» схемы, только преподносимые, как говорится, в новой упаковке. На все это можно было бы не обращать особого внимания, если бы во всех этих схемах не присутствовало — явно или скрытно — желание подключить к той или иной системе «балансирования» и Советский Союз.

Тот же С. Браун, рисуемый в принципе более или менее реалистическую картину складывающейся новой системы международных отношений, когда военная сила не оказывается более главным инструментом влияния, тем не менее много внимания уделяет «взаимозависимостям между Севером и Югом», иначе говоря, тому же «балансу сил» между индустриально развитыми государствами Западной Европы, выступающими в коалиции с государствами Восточной Европы (подразумевается — на аполитичной основе) против развивающихся государств, расположенных к югу от них⁶⁷.

З. Бжезинский также критикует теории «баланса сил», отстаиваемые, как он выражается, «словыми реалистами»⁶⁸.

«Концепция отсутствия постоянных противников и постоянных друзей (одна из основных посылок «баланса сил»). — Г. Т.), — пишет он, — может стать заразной и

⁶⁷ См. S. Brown. Op. cit., p. 114, 188.

⁶⁸ Z. Brzezinsky. U. S. Foreign Policy. — «Foreign Affairs», July 1973, p. 718.

ударить рикошетом по Соединенным Штатам скорее, чем это можно предполагать»⁶⁹.

Тем не менее, тот же Бжезинский уже много лет разрабатывает различные схемы именно силовых коалиций, призванных сплотить капиталистические государства — «западные демократии» — для борьбы против развивающихся стран и для оказания давления на социалистические страны (в случае, если последних не удастся привлечь на идеологизированной основе в «директорию» индустриально развитых государств).

В книге «Между двумя эпохами. Роль Америки в технотронную эру» Бжезинский в 1970 г. писал: «Движение в направлении такого сообщества по всей вероятности потребует двух широких и переклестывающих один другого этапов. Первый из этих этапов включал бы создание общинных уз между Соединенными Штатами, Западной Европой и Японией, равно как с другими развитыми странами (например, Австралией, Израилем, Мексикой). Второй этап включал бы расширение этих связей на более развитые коммунистические страны. Некоторые из них... могут двигаться к более тесному международному сотрудничеству быстрее, чем другие, и в связи с этим два этапа не обязательно должны быть строго разграничены»⁷⁰. Бжезинский договаривался в своих проектах до того, что поставленной перед «реальностью» этого «нового баланса» Москве придется «поддерживать эффективные связи с восточноевропейскими столицами» чуть ли не через Бонн или Вашингтон.

В последние годы Бжезинский несколько отошел от примитивного антикоммунизма 50—60-х годов⁷¹. «Как вести дела с коммунистическим миром — пишет он, — остается ключевой проблемой внешней политики США, однако этот вопрос может не быть более центральной проблемой этой политики»⁷². Сам он, пытаясь практиче-

⁶⁹ Ibid., p. 719.

⁷⁰ Z. Brzezinski. *Between Two Ages. America's Role in the Techno-tronic Era*. New York, 1970, p. 296—297.

⁷¹ О чем свидетельствует даже факт смены названия возглавляемого им института. Институт по проблемам коммунизма Колумбийского университета ныне переименован в Исследовательский институт по международным изменениям — факт символический!

⁷² Z. Brzezinski. *U. S. Foreign Policy*. — «Foreign Affairs», July 1973, p. 721.

ски претворить в жизнь концепцию, изложенную им в вышеназванной книге, энергично включился в работу по налаживанию сплочения США, стран Западной Европы и Японии, войдя в так называемую трехстороннюю комиссию, занимающуюся этими проблемами и состоящую из ученых, общественных деятелей и бизнесменов указанных стран. «Без тесного американско-европейско-японского сотрудничества, — пишет Бжезинский, — крупнейшие проблемы современности не могут быть эффективно решены» и поэтому «активное развитие такого трехстороннего сотрудничества должно ныне стать центральным приоритетом политики США»⁷³.

Надо сказать, что в целом, несмотря на заметное движение в сторону реализма, американская советология все еще довольно медленно освобождается от груза старых стереотипов и предрассудков, накопленных (и во многом созданных) ею в годы «холодной войны». Даже тогда, когда американские советологи, казалось бы, начинают выступать с «повых позиций», руководствуясь, так сказать, «конструктивными побуждениями», они часто предлагают такие модели советско-американского сотрудничества, от которых за версту отдает великодержавным гегемонизмом. Показательна в этом отношении серия работ, задуманных и в основном выполненных недавно скончавшимся патриархом американской документальной историографии Г. Фейсом⁷⁴.

Фейс, долгие годы проработавший в архиве государственного департамента США, уже в конце 60-х годов почувствовал необходимость переосмысления американско-советских взаимоотношений (как это с другой стороны почувствовали американские ученые, создавшие школу неоревизионистов). Однако как истинный представитель официальной школы Фейс не пошел по пути критики проявлений американской внешней политики, можно сказать,

⁷³ Z. Brzezinsky. U. S. Foreign Policy, p. 723.

⁷⁴ Работы эти посвящены «всеохватывающему рассмотрению отношений между Западом и Советским Союзом», как говорилось в издательских рекламных его последних книг. См. в частности H. Feis. Churchill — Roosevelt — Stalin. Princeton, 1957; *idem*. Between War and Peace: the Potsdam Conference. New York, 1960; *idem*. Contest over Japan. New York, 1967; *idem*. The Birth of Israel. The Tossed Diplomatic Bed. New York, 1969; *idem*. From Trust to Terror: The Onset of the Cold War, 1945—1950. New York, 1970.

породивших «холодную войну, а начал выскивать в послевоенной истории взаимоотношений между СССР и США прецеденты для концепции «кондоминиума двух сверхдержав», вполне милой его сердцу.

Основной его тенденцией было показать и доказать соперничество-сотрудничество двух великих держав в послевоенную эпоху в интересах, так сказать, глобального гегемонизма и негласного раздела «сфер влияния». Тем самым Фейс как бы стремился установить исторический прецедент для продолжения подобного рода политики в настоящее время. Нечего и говорить, что, рисуя с подобных позиций политику СССР в Европе, Азии и на Среднем Востоке, Фейс намеренно приписывает Советскому Союзу те самые великодержавные устремления, которые безусловно присутствовали (и присутствуют) во внешней политике Соединенных Штатов Америки. Советский Союз, как неоднократно подчеркивали советские руководители, готов к развитию делового сотрудничества с США на основе принципов мирного сосуществования, но он никогда не согласится на проведение политики, которая хотя бы отдаленно походила на установление мировой гегемонии двух великих держав.

В беседе с французским журналистом Л. И. Брежнев говорил в связи с этим: «Советский Союз не сделаешь меньше, чем он есть, если бы даже это кому-либо и захотелось. Если страна с такой большой территорией, с таким населением — «сверхдержава», — ну, что я могу по этому поводу сказать? Пусть называют так, кому нравится это слово. Но, разумеется, термин «сверхдержава» и содержание, которое в него пытаются вкладывать, не имеют никакого отношения к политике, которую проводит наша партия, проводит наше государство»⁷⁵.

Наряду с этими направлениями усиление антисоветских тенденций в политике нынешнего пекинского руководства привело к возрождению в кругах американских политологов и историков концепций «баланса сил», в его, так сказать, классическом виде, поскольку-де советско-китайские разногласия дают США возможность восстановить утраченную ими роль «мирового балансира». С подобными предложениями выступили такие американские специалисты, как Р. Мурстин и М. Абрамович, написав-

⁷⁵ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. IV. М., 1974, стр. 433.

шие по заданию РЭНД корпорейшн специальное исследование о перспективах политики США относительно КНР ⁷⁶, Т. Соренсен ⁷⁷, Э. Рейшауэр — бывший посол США в Японии, затем профессор Гарвардского университета ⁷⁸, Г. Моргентау ⁷⁹, Ч. Джонсон — председатель центра по изучению Китая Калифорнийского университета в Беркли ⁸⁰, и многие другие, не говоря уже об усиленном обыгрывании этой темы американскими журналистами.

Все эти факты свидетельствуют, что в условиях огромных перемен в мире многие американские советологи, вынужденные признать необходимость реалистического осмысления новой ситуации, политики разрядки, все еще далеки от подлинного реализма и пытаются выдать за «новый реализм» обветшалые исторические схемы и концепции. Очевидно именно поэтому и переживает традиционная американская советология заметный упадок в последнее время. Как свидетельствует «Форчун» — авторитетный журнал американских деловых кругов, — даже американские бизнесмены (не говоря о политиках), несмотря на острую пужду в знаниях об СССР в период разрядки, развития делового сотрудничества, отказываются «покупать» советы американских советологов, в массе своей воспитанных на догмах и традициях «холодной войны» ⁸¹. Однако тот же журнал призывает не к свертыванию советологии, а к тому, чтобы вдохнуть в нее новые силы. Все это — лишнее свидетельство остроты идеологической борьбы, которая продолжается в мире в различных областях, в частности по вопросам истории, теории и практики международных отношений.

⁷⁶ См. *R. Moorsteen, M. Abramowitz. Remaking China Policy. U. S. China Relations and Governmental Decisionmaking. Cambridge (Mass.), 1971.*

⁷⁷ См. выступление Т. Соренсена на конференции по проблемам американо-китайских отношений в Нью-Йорке в марте 1969 г.: «*The U. S. and China. The Next Decade*». New York, 1970, p. 201.

⁷⁸ См. *F. O. Reischauer. Transpacific Relations.— «Agenda for the Nation»*, p. 443.

⁷⁹ См. *H. Morgenthau. A New Foreign Policy for the United States*, p. 193—206.

⁸⁰ См. *Ch. Johanson. A China Policy for the Seventies.— «U. S. Foreign Policy: Perspective and Proposals for the 1970's»*. New York, 1969, p. 167.

⁸¹ См. «*Fortune*», September 1975, p. 156—162.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ США И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. И. УТКИН

Активные попытки США осуществить свои планы относительно Западной Европы, а главное, — столкновение американских и западноевропейских интересов породили весьма обширную политико-историческую литературу.

Главный вопрос спора среди американских историков и политологов заключается в рациональности поддержки консолидации Западной Европы, стремящейся обрести положение нового мирового центра. В условиях поражения во Вьетнаме политическая элита США начинает пересмотр системы внешнеполитических приоритетов, анализирует и пересматривает место в этой системе Западной Европы.

Подчеркивая губительность политики «излишней» вовлеченности в далеких, периферийных районах мира, американские специалисты по внешней политике пошли по трем направлениям. Часть сторонников создания «шкалы региональной ценности» с умноженной энергией указывает на первостепенное значение для США Западной Европы и ее эволюции. США должны укрепить свои узы с этим регионом — таков совет этого открыто «атлантического» направления.

Другая часть политических экспертов создает идеи «структуры мира» — уравновешенной системы взаимоотношений между складывающимися центрами силы; среди этих центров (обычно их насчитывают пять: США, СССР, КНР, Западная Европа и Япония) Западной Европе отводится место первостепенной мировой силы, как экономической, так и политической. Подобная позиция означает усиление внимания к Западной Европе со стороны США, хотя здесь, в отличие от первого направления, она (Запад-

ная Европа) ставится в один ряд с таким союзником, как Япония, что означает более уравновешенный подход.

Третья группа специалистов на основе опыта 60-х годов сделала вывод, практически диаметрально противоположный заключениям первого направления. Западная Европа, которая, по мнению представителей этого направления, показала свою активность в торгово-промышленной экспансии, грозит превратиться не только в энергичного конкурента, но и в непримиримого соперника США по всем линиям мировой эволюции.

Таким образом, среди историков и политологов США весьма явственно образуются три главных направления в интерпретации современных и будущих связей США с Западной Европой, три отличных друг от друга вида предлагаемой оптимальной для США политики по отношению к Западной Европе.

Первое направление предлагает усилить борьбу за создание Атлантического сообщества — союза США и Западной Европы, предполагающего образование общих институтов.

Это «атлантическое направление», активным лобби которого стал Атлантический совет США, выдвинуло идеологическое обоснование выгоды для Америки западноевропейской интеграции, указало на возможности введения этой региональной интеграции в русло более масштабной — атлантической (в той или иной форме).

Практически любой вид аргументации в пользу активизации европейской политики США начинался с обоснования идеи, что в системе приоритетов американской внешней политики в период после Вьетнама Западная Европа должна занимать ведущее место. Так, во время слушаний весной 1970 г. в подкомиссии по Европе Комиссии по иностранным делам палаты представителей американского конгресса один из ведущих специалистов Белого дома по Европе М. Хиллебрандт высказал согласие с растущим убеждением, что система национальных приоритетов США требует пересмотра¹. Каким должен быть этот пересмотр, уточнил директор Центра международных исследований Нотрдамского университета С. Кер-

¹ «U. S. Relations with Europe in the Decade of 1970's». Washington, 1970, p. 28.

тес: «Западная Европа должна быть пунктом номер один в нашем списке приоритетов»².

Американские буржуазные историки и политологи, выражая стремление американской буржуазии избежать провалов, подобных вьетнамскому, внесли свою лепту в переосмысление «очередности целей» США в мире. К примеру, в коллективном сборнике, носящем характерное название «После Вьетнама», профессор Калифорнийского университета Л. Липсон, называя прежнюю политику «трагедией ошибок», на первом месте жизнепо важных для США зон поставил Северную Атлантику³. Определяя основные для США сферы мировой политики, В. Лайнбери указывал на «неоспоримый приоритет Западной Европы»⁴. Атлантическое направление американской историографии и политологии, основываясь на этом тезисе, развило идеи укрепления американо-западноевропейских связей. Оно построило свою идейную деятельность, основываясь на априорной уверенности в дружественном к США развитии ЕЭС как будущего мирового центра.

Одним из первых теоретических результатов деятельности активизировавшегося атлантического направления стало вышедшее под эгидой Атлантического совета исследование двух членов этого совета — У. Берджеса и Дж. Хантли «Европа и Америка — следующие десять лет». Первый из авторов — У. Берджес был в свое время представителем США в НАТО и при Европейской организации экономического сотрудничества (ЕОЭС). Берджес возглавлял так называемую группу четырех, по рекомендациям которой ЕОЭС включила в себя США и Канаду и была преобразована в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Ныне Берджес — вице-президент Атлантического совета. Его соавтор Хантли в течение многих лет в качестве дипломата наблюдал за работой органов НАТО, «общего рынка» и других американских и европейских организаций. Как специалист по атлантическим делам, он работал исполни-

² Ibid., p. 119.

³ L. Lipson. Vietnam. Western Europe. Latin America: Where do Our Vital Interests Lie? — R. Cregg, Ch. Kegley (eds). After Vietnam. The Future of American Foreign Policy. Garden City, 1971, p. 97.

⁴ W. Lineberry. The United States in World Affairs. New York, 1972, p. 251.

тельным секретарем Атлантического института в Париже. Введение к книге написал президент Атлантического совета Л. Мерчент, прежний посол США в Канаде и заместитель государственного секретаря США.

Представляя две большие исследовательские организации, а именно, Атлантический совет, находящийся в США, и Атлантический институт (Париж), Берджес и Хантли использовали документацию и материалы, предоставленные этими организациями, и материалы многих международных конференций, встреч американских и западноевропейских политиков, экономистов, общественных деятелей.

Уже во введении раскрывается главная идея и основной мотив книги — возрождение идей «великого проекта» начала 60-х годов, концепции двух равных «столпов Атлантики». Мерчент с сожалением говорит об утере энтузиазма к выдвинутому президентом Кеннеди «великому проекту», предусматривавшему создание экономического (а затем, возможно, и политического) объединения стран двух наиболее развитых зон капиталистического мира. Виной провала этого плана Мерчент считает «непримиримость де Голля, соединенную с мощными, но политически и экономически близорукими группировками»⁵. Наступило время, полагает Мерчент, дать новый импульс идее межатлантической интеграции, ибо за прошедшее десятилетие сложилась новая обстановка; «международный бизнес, не ожидая политических трансформаций, миновал национальные границы, чтобы ввести в производство новые изобретения, новую технологию, новые идеи управления», — и все это произошло, акцентирует на этом пункте внимание Мерчент, именно в зоне Атлантики⁶.

Для представителей атлантического направления было важно перевести достижения американского бизнеса в экономике в политическую область как основание для создания «атлантического сообщества». Поэтому они выступили с новыми инициативами. Проект создания странами ЕЭС «общего валютного резервного пула» подал Берджесу и Хантли идею превращения пула в полноправный Европейский центральный банк, который путем

⁵ *W. Burgess, J. Huntley. Europe and America: the Next Ten Years. New York, 1970, p. 6.*

⁶ *Ibid., p. 8.*

долларового давления можно будет преобразовать в грандиозный «Атлантический» центральный банк.

К этому предложению (о фактическом переходе к общей валюте) по масштабам был близок такой экономический рецепт Берджеса и Хантли: «Страны Атлантического бассейна должны принять в качестве долгосрочной цели создание между собой зоны свободной торговли»⁷. Вот аргументация этого проекта: 1) последует быстрый рост взаимных инвестиций; 2) повсеместно возрастет деловая активность; 3) облегчится борьба с нетарифными барьерами; 4) будет создан механизм разрешения разногласий по поводу оценки таможенных барьеров — источника разногласий, уменьшившего ценность договоров по «раунду Кеннеди».

Создание общего банка и таможенного союза — такие цели выдвигали Берджес и Хантли как идеологи проатлантического крыла американского бизнеса. Их предложения не были спонтанным выражением идей, импровизацией. Напротив, это результат многочисленных дискуссий в американских политических и деловых кругах.

Главным отличием теории Берджеса и Хантли от позиций многих американских сторонников западноевропейской интеграции служит утверждение, что Западная Европа, даже будучи объединенной от Нордкапа до Анатолии, «слишком мала для мировых проблем». Представителей влиятельных политических кругов Америки беспокоило создание «сепаратного» западноевропейского объединения, они видели опасность создания «третьей силы» с неопределенным политическим курсом. Поэтому Берджес и Хантли, в частности, выдвинули максимально убедительные, по их мнению, аргументы в пользу всеатлантического, а не чисто западноевропейского единства, практически, в пользу объединения Западной Европы под эгидой и под эффективным контролем США. Западноевропейскую интеграцию они рассматривали как нераздельную часть, как этап единой атлантической интеграции.

Продолжая линию атлантического крыла американской политической элиты, свое обоснование проатлантической политики представил Г. Молли, преподающий в Институте заграничной службы при государственном департаменте США. Ранее он работал в крупнейших исследо-

⁷ Ibid., p. 119.

вательских центрах, в том числе в Атлантическом институте (Париж) и Институте исследования внешней политики (Филадельфия). Молли выпустил свою книгу под эгидой Атлантического совета США. Предисловие написал один из видных деятелей этого совета, У. Берджес. Выражая точку зрения Атлантического совета, развивая свои прежние взгляды, Берджес убеждал в необходимости для США поддерживать — и по возможности ускорять — западноевропейское экономическое и политическое объединение, так как «политика противодействия европейскому единству не может быть эффективной: она вызвала бы огромное недовольство на противоположном берегу Атлантики и могла бы лишь задержать построение Соединенных Штатов Европы, не предотвратив осуществления этого проекта в конечном счете»⁸.

Берджес спустя три года после выхода собственной книги продолжает доказывать, что политика поддержки западноевропейской интеграции не имеет альтернативы, она выгодна Америке, ибо служит двойной цели: «Предотвратить создание антиамериканской «третьей силы» на европейском континенте и блокировать развитие неоизоляционистских тенденций в Соединенных Штатах. Большая европейская автономия и равное разделение политической ответственности и финансового бремени в НАТО, в ОЭСР и других атлантических органах содействовали бы созданию гармоничных трансатлантических отношений в грядущие годы»⁹. С подобных же атлантических позиций написана вся книга, а создание Атлантического сообщества рассматривается как исторический императив.

Г. Молли подводит к мысли, что национальные государства — как главные политические и экономические организмы в прошлом — начинают изживать себя, что «ориентация исключительно на «государствоцентрическую» систему в международной политике не адекватна и нереалистична»¹⁰.

В книге Молли отношение США к Европейскому сообществу ставится в зависимость от политической эволюции последнего. У будущей, политически единой, если

⁸ G. Mally. *The European Community in Perspective. The New Europe, the United States, and the World.* Lexington, 1973, p. XV.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid., p. 11.

таковая осуществится, Западной Европы будет, как пишет Молли, три возможных пути: «первый, политически независимый и в военном смысле нейтральный статут, основанный на предположении, что Европа будет способна играть роль третьей сверхдержавы, помимо Соединенных Штатов и Советского Союза; второй — поворот в союзной стратегии посредством заключения соглашения с Советским Союзом как альтернатива Атлантическому союзу; третий — продолжающееся трансатлантическое партнерство с Соединенными Штатами». По мнению Молли (и в этом выражается главная посылка его работы), реален лишь третий вариант. Молли не верит в улучшение взаимоотношений Запада и Востока Европы. Это вполне понятно в позиции американского специалиста, для которого соображения «холодной войны» сохранили свою ценность. Менее понятна его уверенность в невозможности для Западной Европы достичь самостоятельности по отношению к США. На этот счет Молли прямо утверждает: «Концепция «третьей силы», хотя и возможная когда-нибудь, в грядущем, тем не менее едва ли способна воплотиться в реальность в ближайшее время»¹¹.

Как видим, Молли не верит в возможность самостоятельного, отличного от американского, курса Западной Европы в мировых делах. Простая констатация этой уверенности звучит не убедительно, и Молли останавливается перед камнями преткновения атлантизма, в частности, перед французским противодействием «атлантизации Европы». Признавая большое значение независимой политики Франции, Молли тем не менее уверяет читателя, что не эта страна будет определять общую направленность политики ЕЭС. Такой лидирующей страной он представляет связанную «особыми отношениями» с США Англию: «Будущая ориентация Европейского сообщества будет в решающей степени определяться политикой Объединенного королевства, как второго (ФРГ — первый), наиболее важного «направленного вовне» члена Общего рынка»¹². Складывается впечатление, что Молли переоценивает «атлантический» элемент в политике Англии. Несомненно, правящие круги этой страны в известной мере определили итоги четвертьвековых «особых отношений» как

¹¹ Ibidem.

¹² Ibid., p. 180.

недостаточные для Англии, приведшие ее едва ли не к изоляции в Европе и в мире в целом.

При любой степени субъективных устремлений те, кто будет формировать политику ЕЭС, не могут не учитывать острейшие спорные вопросы в атлантическом диалоге. Американский исследователь сам называет эти проблемы: протекционистская единая сельскохозяйственная политика ЕЭС, преференциальные соглашения со средиземноморскими и другими странами. Резко отрицательный эффект, по мнению Молли, оказала на атлантические связи «новая экономическая политика» американской администрации. Еще одна важнейшая сфера противоречий — расходы в НАТО. США, по Молли, «несут непропорционально большую долю расходов по обороне западного мира»¹³.

Оценивая перспективы, Молли не может игнорировать указанных противоречий. Он вынужден признать, что «все же существует много европейцев (большинство из них, — но не все — французы), выступающих за создание «пезависимой Европы», которая не обязательно будет антагонистом Соединенных Штатов, но будет следовать своей, возможно нейтральной, внешней политике визави с коммунистическим миром и развивающимися нациями»¹⁴. Итак, выражая надежду на рост атлантической солидарности, Герхард Молли констатирует существенные автономные устремления Западной Европы.

Оценивая перспективы, этот идеолог атлантизма приходит к заключению, что в 70-е годы «атлантическое партнерство» все же продвинется вперед¹⁵. Молли разбирает основные институты «атлантического диалога» и именно в увеличении числа этих институтов и расширении их функций он видит залог «атлантической конвергенции». Г. Молли выразил точку зрения тех проатлантических кругов, которые верят, что рост ЕЭС как консолидированного мирового центра соответствует основным линиям американской политики в Европе и служит коренным американским интересам; поэтому следует поощрять, стимулировать западноевропейскую интеграцию, надеясь на будущую солидарность и не требуя особых гарантий.

¹³ G. Mally. Op. cit., p. 223.

¹⁴ Ibid., p. 253.

¹⁵ Ibid., p. 231.

Не все атлантисты готовы с таким легким сердцем отказаться от гарантий относительно будущей дружественности Западной Европы. Один из важнейших инструментов вмешательства США в европейские процессы выделили в своей монографии четыре сотрудника Брукингского института (одного из ведущих американских центров изучения международных проблем). Коллектив во главе с Дж. Ньюхаузом затронул проблему присутствия американских вооруженных сил в Европе спустя более четверть века после окончания второй мировой войны. Точка зрения на американские войска в Европе прямо зависит от общей позиции в проблеме американско-западноевропейских отношений. Как пишет в предисловии к исследованию директор Брукингского института К. Гордон, для сторонников максимально тесных связей двух регионов военное присутствие США — это инструмент «сохранения тесного атлантического сотрудничества в широком диапазоне проблем». Для сторонников трезвой, «реальной» политики, без жестко связывающих обстоятельств, американские войска в Европе — «наиболее экономичное средство выполнения требований национальной безопасности»¹⁶. Атлантическое ядро в США твердо стоит на первой точке зрения.

Раскрывая основной «атлантический» мотив своей работы, Дж. Ньюхауз и его коллеги прямо выражают беспокойство по поводу того, что «Америка забудет, что защита ее интересов начинается в Западной Европе»¹⁷. Используя тезис о жизненной важности для Америки западноевропейского региона, они пытаются поддержать сторонников тесного союза с США в Западной Европе и утихомирить своих американских критиков. Ради этого они, прибегая к традиционным аргументам периода «холодной войны», развивают целую систему доказательств, имеющих целью убедить европейских союзников, будто сама Западная Европа заинтересована в том, чтобы установить с США прочные длительные связи, поскольку именно эти связи якобы обеспечивают стабильность взаимоотношений Востока и Запада¹⁸. Здесь мы видим один из

¹⁶ J. Newhouse, M. Croan, E. Fried, T. Stanley. U. S. Troops in Europe. Issues, Costs, and Choices. Washington, 1971, p. VII.

¹⁷ Ibid., p. 85.

¹⁸ Ibid., p. 145.

наиболее ярких примеров использования атлантистами их обычного с конца 40-х годов идейного оружия: Запад должен быть един, чтобы не пасть, будучи разделенным, перед Востоком. Убедительность этого аргумента прогрессирующим образом ослабевала по ходу ломки заторов «холодной войны», но это положение все еще остается важным оружием атлантической пропаганды.

Поощрение поддержки всех форм западноевропейского роста в надежде на то, что этот рост введет в конечном счете Западную Европу в «атлантическую семью», становится все менее популярным по мере обнаружения тех конфликтных моментов, где нахождение общего, единого подхода оказывалось все более трудным. В 70-е годы это — торговая политика, валютные разногласия, оплата американского присутствия в Европе, создание зон преференциальной торговли, энергетическая политика, такие виды конкурентной борьбы, как соревнование в авиации и использовании ядерной энергии.

Отчасти из рядов самих атлантистов формируется более трезво рассматривающее трансатлантический диалог второе направление, которое мы здесь назовем «позитивистским» или «прагматическим». Действительно, взяв на вооружение понятия «центры силы», «равновесие влияния», «баланс силового притяжения», целая школа американских историков и политологов выступила с проектами некоего упорядоченного распределения влияния в мире, некоей системы мировой стабильности, с созданием которой уменьшилась бы вероятность резких сдвигов, нежелательных кризисных ситуаций. В этой идеальной структуре международных отношений США и Западная Европа более трезво оценили бы свои интересы и свои возможности.

Это направление, в отличие от первого (атлантического), не требовало особых, предпочтительных американо-западноевропейских связей (тем более общих институтов). С другой стороны, оно не выступило противником экономико-политического роста Западной Европы, так как считало этот рост необходимым для строительства стабильной мировой структуры, одним из полнокровных полюсов которой должна была стать Западная Европа.

В американской историографии уже довольно давно существует сходная по взглядам школа «реальной политики» во главе со своим патриархом Г. Моргентау. По-

этому указанные официальные и полуофициальные взгляды попали на уже подготовленную почву. К примеру, элементы подобного видения мира видны в книге профессора университета штата Огайо К. Густавсона «Европа в мировом сообществе после 1939 г.» Сам взгляд на историю Западной Европы как на автономный, отнюдь не обязательно обусловленный связями с США (позиция атлантистов) процесс ведет автора к более объективным выводам, среди которых содержится мысль о самостоятельном развитии двух регионов.

Густавсон считает, что типична для тенденций западноевропейского развития трансформация английской позиции. Англия проделала сложный путь от форпоста американского влияния на Западную Европу до униженных просьб о включении в «общий рынок», как бы знаменуя этим силу западноевропейского центра притяжения. Густавсон, не ограничивая себя атлантическими шорами, отмечает, что американское экономическое наступление породило в Западной Европе стремление отгородиться, найти противоядие, избежать колонизации. «Боязнь подобной перспективы,— писал он,— начала вытеснять страх перед возможным вторжением русских»¹⁹. Это означало, что рамки НАТО как инструмента «холодной войны» не могли больше сдерживать внутрисоюзнических разногласий, которые в целом аккумулировались в противопоставлении Западной Европы Америке.

Стремление показать американско-западноевропейские отношения на фоне более глубоких трансформаций 70-х годов явственно выступает в идейном основании сборника «Американская внешняя политика и меняющийся мир», вышедшем под редакцией профессора Калифорнийского университета А. Джонса. Джонс во вступительной статье исходит из того, что в 70-е годы внешняя политика стала «более американской» — в ее основу была положена концепция «подлинных национальных интересов», что, по его мнению, сделало ее похожей на курс Рузвельта в период второй мировой войны, когда наблюдалось тесное сотрудничество великих держав антигитлеровской коалиции²⁰.

¹⁹ G. Gustavson. Europe in the World Community since 1939. Boston, 1971, p. 493.

²⁰ A. Johns (ed.) U. S. Foreign Policy in a Changing World. The Nixon Administration, 1969—1973. New York, 1973, p. 28.

Поиски «стабильного мира» заставили авторов сборника более прохладно относиться к атлантическим связям. В специально посвященной этому вопросу статье профессора Калифорнийского университета Р. Либера особо отмечается охлаждение отношений между США и Западной Европой. Однако Либер подает этот факт без атлантистской аффектации и, успокаивая читателя, заявляет, что о разрыве пока говорить преждевременно. «Наследие, объединяющее Западную Европу и Соединенные Штаты, еще существует. Связи в области экономики, политики, культуры и прежде всего обороны сохраняются и свидетельствуют, что Америка и Европа в обозримом будущем останутся тесно взаимосвязанными»²¹. Либер не предлагает особых мер по атлантическому строительству, его, по сути, удовлетворяет нынешняя степень близости США и Западной Европы.

Как видим, отходя от узкой схемы атлантизма, «позитивисты» не склонны жертвовать всеми направлениями внешнеполитической инициативы США ради атлантического курса. Если атлантисты считают политику активизации где бы то ни было, кроме атлантической зоны, недалёковидной, то «позитивисты» придерживаются противоположного взгляда.

Следуя канонам классической теории «баланса сил», профессор Калифорнийского университета П. Сибири выступил в своей книге «Соединенные Штаты в мировой политике» противником атлантического сосредоточения фокуса внешней политики, сторонником сокращения слишком обширных обязательств по отношению к кому бы то ни было. Сибири положительно оценил тенденцию «ослабления американского универсализма», по его мнению США нужна не политика генеральной линии, четко очерченного приоритета и избранного региона-союзника, а стратегия «широких коалиций»²². Требование менее обязательного партнерства в приложении к Западной Европе могло означать лишь стабилизацию существующих отношений, а не более глубокую взаимозависимость.

Рассматривая американско-западноевропейские отношения с определенно позитивистских позиций, многие поли-

²¹ A. Johns (ed.) Op. cit., p. 168.

²² P. Seabury. The United States in World Affairs. New York, 1973, p. 116.

тики вовсе не считают, что американское военное присутствие — главное связующее звено двух регионов. За такое звено нередко выдается экономическая связь, абсолютизируемая как экономическая взаимозависимость США и Западной Европы. Так, С. Серфати доказывает, что 300 тыс. американских солдат в Европе едва ли что могут добавить к американским бизнесменам²³. Западная Европа, как считают противники атлантической «вовлеченности», настолько нуждается в США как экономико-технологическом партнере, что это естественным образом ставит пределы западноевропейскому сепаратизму. В то же время, полагает С. Серфати, «атлантизм» как схема будущего обречен. Предел «атлантизму» ставит стратегическая ситуация, а именно, нежелание Западной Европы погибнуть ради США. Серфати считает, что происходит явственная «деатлантизация», рождается «неприсоединившаяся (Западная. — А. У.) Европа».

К сторонникам более «объективистски» выдержанной политики США по отношению к Западной Европе следует отнести авторский коллектив из Колумбийского университета, выпустивший в 1973 г. две монографии, интерпретирующие атлантические проблемы. В книге «Американское оружие и меняющаяся Европа» четыре специалиста во главе с У. Шиллингем показывают, что рост противоречий по спорным вопросам представляется весьма реальным. Этот рост резко усилится, если Западная Европа продвинется по пути интеграции и обретет больше самостоятельности в мировых делах. Тогда, предупреждают американские политологи, «трапсатлантические противоречия, касающиеся Ближнего Востока, Африки и Азии, могут в будущем обостриться»²⁴. Обострение атлантической солидарности на периферии даст дополнительный импульс основным проявлениям центробежной тенденции: «Сомнения в надежности американской ядерной гарантии... и продолжительные неудачи в выработке приемлемой как для Западной Европы, так и для Северной Америки системы раздела военного бремени могут по-

²³ S. Serfaty. America and Europe in the 1970's: Integration or Disintegration.— «Orbis», Spring 1973, p. 95.

²⁴ W. Schilling, W. Fox, C. Kelleher, D. Puchala. American Arms and a Changing Europe. Dilemmas of Deterrence and Disarmament. New York — London, 1973, p. 138.

дорвать основания Атлантического союза»²⁵. Такой поворот событий был бы, считают авторы книги, нежелательным, ибо окончательное отчуждение Западной Европы ослабило бы американские позиции в мире.

В чем же видят выход эти исследователи, ощущающие опасность «атлантического раскола»? Они не заблуждаются относительно силы «атлантической солидарности»; в конечном счете, заявляют они, наиболее полно интересам США служила бы прямая военная вовлеченность. Данные политологи приходят к выводу, что необходимы постоянное американское присутствие в Европе и соответствующие американские гарантии²⁶. Но второе не может и не должно заменять первого. У. Шиллинг и его коллеги доказывают, что США не должны «уходить» из Европы, оставляя ей лишь свои гарантии. «Ключевым фактором продолжительной эффективности американского ядерного сдерживающего средства служит американская политическая вовлеченность, а не предполагаемый урои, который США могут нанести противнику»²⁷. Таким образом, не ратуя за всемерное форсирование межрегиональной дружбы (что превращало бы этих политических экспертов в откровенных атлантистов), представители Центра изучения международных отношений при Колумбийском университете выступают за традиционное отношение к Западной Европе как к стандартному центру силы — пытаюсь овладеть если не контролем, то мощным рычагом воздействия на процесс его развития. Таким рычагом им кажется военное присутствие США в данном регионе.

Обращаясь к будущему, эти американские специалисты предвидят еще большее ослабление Западной Европы как атлантического союзника.

В Западной Европе конца 70-х годов они видят преобладание левоцентристских коалиций, обостренное внимание к внутренним проблемам, «что сделает Западную Европу еще менее заинтересованной в жертвах ради поддержки эффективной организации атлантической безопасности»²⁸.

²⁵ *W. Schilling, W. Fox, C. Kelleher, D. Puchala. Op. cit., p. 163.*

²⁶ *Ibid., p. 166.*

²⁷ *Ibid., p. 174.*

²⁸ *Ibid., p. 100.*

Направление, представленное в данном случае коллективом во главе с У. Шиллингом, не склонно с такой охотой выдавать желаемое за действительное и ждать автоматической атлантической конвергенции. Здесь верят в возможность тесных отношений двух империалистических центров, но полагают, что при этом США должны владеть ощутимой гарантией, а именно мощным контингентом своих войск в Европе.

Выступая уже как редакторы, У. Фокс и У. Шиллинг развивают идеи, которые сводятся к тому, что организация НАТО недостаточно тесным образом связывает межатлантических союзников. Механизм НАТО, по их мнению, не дает достаточных импульсов для эффективного атлантического строительства. Наблюдая за политизацией НАТО и за перспективами углубления западноевропейской интеграции, К. Кнорр приходит к мысли, что «экономическое объединение не влечет за собой политическую интеграцию»²⁹. Такое заключение ведет к выводу, что, добейся даже США усиления экономической взаимосвязи с Западной Европой, оформить эту взаимозависимость политически было бы крайне трудно. Автор другой статьи в сборнике, В. Басик, считает, что средством гармонизации политики двух регионов к концу текущего десятилетия станет «научно-техническое сотрудничество Западной Европы и США»³⁰. В сборнике также отчетливо видно стремление избавиться от неоправданных иллюзий относительно идентичности американских и европейских интересов; в то же время авторы его согласны с положением о большой важности Западной Европы для США. Они предлагают различные средства конкретного контроля США над западноевропейским развитием.

В целом направление, которое мы условно назвали «позитивистским», отражает серьезные сомнения прежних несколько «охладевших» атлантистов в естественном слиянии экономических потенциалов и политических курсов стран североатлантического бассейна. Не удовлетворяясь рецептами «атлантического» направления относительно добровольного компромиссного нахождения общих

²⁹ К. Knorr. *Economic Factors in Future Arrangements for European Security.*— W. Fox, W. Schilling (eds). *European Security and the Atlantic System.* New York, 1973, p. 21.

³⁰ Ibid., p. 57.

экономико-политических оснований, представители «позитивистского» направления предлагают, во-первых, не забывать более важных императивов широкой мировой политики (не замыкаться в Северной Атлантике), содействовать, прежде всего, «строительству устойчивой мировой структуры», во-вторых, в своей политике в Западной Европе исходить не из «альтруизма» и сомнительных надежд, а из поисков средств эффективного контроля над европейским развитием. Книги представителей данного направления более реалистично отразили межатлантические отношения 70-х годов, пережили исходящие из глубины 40—50-х годов идеи, выраженные современными атлантистами.

Гораздо дальше в своей критике «атлантизма» ушло третье — «критическое» направление историографии американо-западноевропейских отношений, которое заняло позицию, диаметрально противоположную поддержке западноевропейской интеграции.

Третье направление основано на том течении политической мысли, которое противопоставляет себя официальной политике поддержки западноевропейской интеграции еще в 60-е годы. В 70-е годы интенсивность критики атлантических схем увеличилась еще более. В 60-е годы опасения американских политологов и политических писателей основывались часто на умозрительных предсказаниях опасности поддерживать ЕЭС как возможного конкурента. В следующем десятилетии, когда многие из худших опасений прошлого стали реальностью, антиатлантисты получили в свои руки весомые аргументы против стимулирования интеграционных процессов ЕЭС и попыток создания с этим блоком тесной взаимосвязи.

Как продолжение исторического для США спора между «изоляционистами» и «интервенционистами» в 70-е годы появились первые серьезные апологии возвращения во внешней политике к некоей форме изоляционизма, понимаемого как частичный отказ от послевоенных обязательств и от новых обязательств. В данном случае следует выделить книгу Р. Такера (профессора университета Джонса Гопкинса) «Новый изоляционизм: угроза или обещающая альтернатива?», в которой доказывается, что развитие ракетно-ядерного оружия создало положение, когда заинтересованность США в дружественности того или иного региона (имелась в виду, разумеет-

ся, прежде всего, Западная Европа) резко уменьшилась. Рассуждая на тему о будущем соотношении сил в Западной Европе, Р. Такер приходит к выводу, что утеря Западной Европой стратегической важности для США может и должна привести к сокращению американской вовлеченности в европейские дела³¹.

Изоляционистские настроения стимулировали рост «критического» направления. Оно включало различные оттенки критического отношения к послевоенному внешнеполитическому курсу США. Именно на фоне общей ревизии глобального интервенционизма это направление предлагает искать оптимальную европейскую политику Америки. Критики правительственного курса не случайно усматривали истоки поражений американской дипломатии в «излишней» вовлеченности в европейские дела: «Ограниченная дипломатическая деятельность, начатая в Европе, была трансформирована в общий метод для вербовки всего мира в наш лагерь, и эта амбициозная политика потерпела неудачу. Мир стал слишком сложным для американской внешней политики, рожденной среди страхов и энтузиазма много дня»³².

Сборнику «Американская внешняя политика в международной перспективе» (редакторы Д. Хенкок и Д. Ростоу) в целом присущ критический подход к проблеме отношений между атлантическими союзниками. Говоря о фрагментаризации политического мира, авторы сборника имели в виду и рост межсоюзнических разногласий. Так, Г. Кан утверждал, что «в ближайшие годы Япония, Западная Германия и Франция... во все более возрастающей степени будут играть роль буфера, будут вести политику, все более осложняющую обстановку, политику, резко ограничивающую двусторонний характер мировой политики, который нам казался незыблемым в послевоенные годы»³³. Подобный пессимизм по отношению к ближайшим союзникам показателен как свидетельство разочарования существенной части политологической элиты в «атлантических фантазиях» (пользуясь выражением Д. Каллео).

³¹ R. Tucker. A New Isolationism: Threat or Promise? New York, 1972, p. 47.

³² D. Hancock, D. Rostow (eds.) American Foreign Policy in International Perspective. Englewood Cliffs, 1971, p. 140.

³³ Ibid., p. 303.

Д. Каллео, профессор университета Джонса Гопкинса, вынес это выражение в заглавие своей книги: «Атлантическая фантазия. США, НАТО и Европа». Ради блага Америки Каллео призывает покончить с «навязчивой идеей федерации»; путь оздоровления, укрепления отношений между Америкой и Европой он видит в освобождении Западной Европы от американской опеки и предоставлении европейским странам большей самостоятельности. Каллео исходит из того, что результатом послевоенной внешнеполитической экспансии оказалась «слишком большая вовлеченность в мировые дела», а интересы Америки и ее мощь оказались «отвлеченными вовне»³⁴. Разбирая вопрос о чрезмерных «обязательствах» США за границей и о том, как можно с почетом выйти из этого положения, Каллео считает, что начинать надо с Европы, «где в нас не нуждаются»³⁵. Во-первых, потому что растет недовольство европейцев «продолжающейся гегемонией США в НАТО», и во-вторых, «это мешает давно назревшему общему политическому урегулированию в Европе»³⁶. Стоимость союза, полагает Каллео, слишком велика для США, в то же время надежность НАТО как объединительного инструмента уменьшается. По мнению Каллео, в 60-х годах началась дезинтеграция блока и остановить ее значило бы встать поперек пути исторического развития. Каллео предсказывает возникновение западно-европейской военной коалиции, которая вытеснит НАТО с ее американским контролем из Европы. Опасность ранней конфронтации двух регионов собственно и вызывает критическое отношение Каллео к атлантическому курсу.

В книге, написанной Д. Каллео вместе с Б. Роулэндом три года спустя — «Америка и мировая политическая экономия», развивается та же критика атлантического курса США. Как считают эти американские исследователи, США переоценили свои силы. Западная Европа превратилась в экономического колосса, и хотя США еще осуществляют «военную опеку, во все большей степени начинает сказываться недостаточность их экономических

³⁴ D. Calleo. *The Atlantic Fantasy: the U. S., NATO and Europe*. Baltimore, 1970, p. 3.

³⁵ *Ibid.*, p. 23.

³⁶ *Ibid.*, p. 22.

возможностей»³⁷. В этом сущность ошибок схем, основанных на добровольном следовании Западной Европы за США. Каллео и Роулэнд не щадят основанных на шатком базисе теорий; «атлантизм» для них это «необычная амальгама несопоставимых идей»³⁸. В данном случае ясна открытая полемическая борьба с «атлантизмом» периода покорности Западной Европы. Каллео и Роулэнд весьма убедительно показывают, как экспансия американских фирм в Западной Европе породила обеспокоенность западноевропейцев и в конечном счете их согласованные мероприятия против господства заокеанской державы. В таких условиях атлантическое развитие превращается в атлантический антагонизм. Основной тенденцией Каллео и Роулэнд считают плюралистический раскол некогда единого «западного мира» под американской эгидой. Есть ли смысл, заявляют они, помогать могущественному конкуренту еще более консолидировать свою мощь?

Говоря о первом послевоенном периоде, благоприятном для распространения американского влияния, и об его окончании, Каллео и Роулэнд высказываются весьма откровенно. «В эти годы Соединенные Штаты действовали как мировой центральный банк, опирающийся на... экономическую систему, которая никогда не сможет пережить восстановления и консолидации Западной Европы»³⁹. Вся логика развития ЕЭС как экономического блока говорит о предстоящей ему борьбе с прежней господствующей силой. И в этом случае Соединенным Штатам не помогут их многомиллиардные капиталовложения в Западной Европе, которые, по мнению авторов книги, представляют собой отток необходимых самой Америке финансовых средств. Быстрое расширение числа европейских филиалов американских фирм также в конечном счете породит лишь раздражение европейцев, желающих избавиться от контроля. Каллео и Роулэнд не видят достаточных сдерживающих средств для обуздания укрепляющегося в североатлантической зоне политического и экономического национализма. Поэтому они видят в «атлантическом строительстве» заведомо обреченное предприятие.

³⁷ *D. Calleo, B. Rowland. America and the World Political Economy. Atlantic Dreams and National Realities. Bloomington — London, 1973, p. 15.*

³⁸ *Ibid., p. 17.*

³⁹ *Ibid., p. 108.*

Критическое направление с особым креном в сторону футурологии представил профессор Джорджтаунского университета Т. Гейгер. В его книге «Судьба Запада. Будущее атлантических наций» предсказывается превращение Западной Европы в новую сверхдержаву на основе союза Англии, Франции и ФРГ, которые (каждая по собственным причинам) предпочтут относительному равенству в Атлантическом союзе попытку возвышения в мире на основе, в частности, создания собственных ракетно-ядерных сил стратегического назначения. Окажутся ли действительными союзные связи Атлантического договора? На этот счет автор высказывает большие сомнения: «НАТО с некоторыми изменениями в составе и функциях членов будет, вероятно, существовать еще неопределенно долго даже при условии появления обособленного национального прототипа «сверхдержавы» в Западной Европе. Но в дальнейшем НАТО, вероятнее всего, превратится в обычный пакт о взаимной помощи с ограниченной и скорее номинальной интеграцией вооруженных сил даже на командном уровне, но без размещения войск и баз США в Европе»⁴⁰. При такой исторической перспективе притягательность курса на атлантическую солидарность, естественно, ослабевает.

Важную веху в струе критического направления составила вышедшая под эгидой Вашингтонского центра внешнеполитических исследований коллективная монография «Отказ от империи». Заметим, что в создании этой книги сказалось влияние критически настроенного центра исследований внешней политики при университете Джонса Гопкинса, а сама книга вышла в издательстве этого университета. Это свидетельствует об определенной централизации антиатлантических усилий, о чем еще несколько лет назад говорить было трудно.

Авторы «Отказа от империи» в исследовании межсоюзнических отношений пытались осмыслить значение позитивных перемен в мире — определенного смягчения напряженности в системе западного союза. В этой конъюнктуре, по словам известного американского исследователя Р. Осгуда, «произошел поворот от стратегии, опиравшейся на союзы, к стратегии, при которой интересы союзов

⁴⁰ *Th. Geiger. The Fortunes of the West. The Future of the Atlantic Nations. Bloomington — London, 1973, p. 220—221.*

сопоставляются с интересами развития новых и более благоприятных взаимоотношений с противниками»⁴¹. Улучшение советско-американских отношений неблагоприятным образом сказалось на союзах, основанном которых были постулаты «холодной войны». В первую очередь речь идет, разумеется, о НАТО.

Говоря об эволюции трансатлантических отношений, Р. Осгуд предсказывает дальнейшее обособление и отчуждение Западной Европы. Исходя из весьма обстоятельного анализа, он полагает, что «большой переменой (в атлантических отношениях.— А. У.), которую можно вполне резонно предположить, был бы переход от военной зависимости союзников в отношениях с Соединенными Штатами к значительной военной автономии»⁴².

Р. Осгуд считает такой поворот событий, такую перемену в патовой субординации не только возможной, но и по сути дела «неизбежной»: «Единственной реалистической альтернативой нынешней структуры взаимоотношений может быть упорядоченный переход мощи и ответственности от США к их главным европейским союзникам и Японии»⁴³. Однако Р. Осгуд, трезво рассматривая такой исторический поворот в соотношении относительной значимости Западной Европы и США, отнюдь не заверяет в будущей дружественности западноевропейских партнеров. Для него характерны такие откровения: «Многие американцы, открыто поддерживающие достижение европейского единства, более равных трансатлантических отношений и всего, тому подобного, ...рассматривают выделение Западной Европы как нежелательное, даже если оно достижимо. Они не только боятся, что независимая и объединенная Европа столкнется с Америкой в экономических делах, они боятся также, что европейская ядерная сила, достаточно мощная, чтобы быть независимой, в опасной степени осложнит двусторонний стратегический баланс»⁴⁴. Высказывать вслух подобные опасения в условиях официальной поддержки западноевропейской интеграции — дело неблагодарное; поэтому,

⁴¹ *R. Osgood. The Diplomacy of Allied Relations: Europe and Japan.—R. Osgood a. o. Retreat from Empire; The First Nixon Administration. Baltimore, 1973, p. 14.*

⁴² *Ibid.*, p. 173.

⁴³ *Ibidem.*

⁴⁴ *Ibid.*, p. 192.

было бы резонно предположить, что в дискуссионном порядке среди американских политологов высказывается немало сходных критических взглядов, подвергающих сомнению полуофициальную схему: создание с благословения американцев западноевропейского ядра и последующее углубление совместных связей, сводящееся в итоге к некоему Атлантическому сообществу. В 1972—1973 гг. в аргументации противников поощрения западноевропейской интеграции появляется новое важное положение, проиллюстрированное упомянутой книгой: выделение Западной Европы может отрицательно сказаться на ходе двустороннего советско-американского диалога. Учитывая первостепенную значимость последнего, авторы данной книги делают вывод, что поворот в советско-американских отношениях, начатый в 1972 г., добавил в «сомнения» атлантистов новый важный элемент.

В критическое направление, нацеленное на переосмысление атлантической историографии, следует включить привлечший большое внимание сборник Бруклинского института, вышедший под редакцией прежнего директора совета планирования в государственном департаменте Г. Оуэна — «Следующая фаза во внешней политике». В статье, посвященной американско-западноевропейским отношениям, Дж. Ньюхауз выступил с весьма критическими относительно правоверного атлантизма позиций. Он акцентировал внимание на отрицательных для США итогах западноевропейского развития. Интеграционное движение в Западной Европе «ныне воспринимается все возрастающим числом информированных американцев с подозрением, если не с враждебностью»⁴⁵. Прекращение роста американского сельскохозяйственного экспорта в Европу, одновременное вторжение на традиционные американские экспортные рынки продукции западноевропейского сельского хозяйства, энергично поддерживаемого субсидиями, — вместе с конкуренцией в промышленном секторе усилили протекционистские устремления в США. Закрывая соглашения все с новыми и новыми государствами в дополнение к уже действующим преференциальным соглашениям, страны ЕЭС усугубили американские страхи, отнюдь не развеянные «допуском Англии в эгои-

⁴⁵ J. Newhouse. The United States and Western Europe.— H. Owen (ed.) The Next Phase in Foreign Policy. Washington, 1973, p. 32.

стичный «общий рынок». Во все большей степени американцы видят Европейское сообщество скорее конкурирующим торговым блоком, чем эвентуальным партнером в создании более стабильного мирового порядка. Эти чувства в сильной степени влияют на взгляды части конгресса и общественности в целом»⁴⁶. Нарисовав эту весьма тревожную картину, Ньюхауз, чьи взгляды на перспективы американо-западноевропейских отношений изменились, насколько мы можем сравнить с его прежними работами, в сторону большего спектицизма, пытается найти слабые места в развитии Западной Европы, сферы предрасположенности к компромиссам, ее болевые точки.

Основной, так же как и прежде, он считает зависимость Западной Европы от США в военной области. «Поддержание нынешнего уровня численности американских войск позволит Соединенным Штатам оказывать влияние на события в Европе, в то время как значительное снижение этого уровня увеличит риск потери влияния на важнейший регион, где на карту поставлено больше всего»⁴⁷.

В эпоху роста влияния экономического фактора сугубо военное доминирование имеет значение, по оценке американских исследователей, только в «геополитическом» смысле, поэтому предполагаемое Ньюхаузом военное укрепление в Западной Европе, хотя и играет в стратегическом и историческом плане роль, не может решить текущих, злободневных задач американо-западноевропейских отношений. Эти задачи связаны прежде всего с экономикой, с тем фронтом, против которого американские дивизии в Европе мало что могут сделать. Поэтому вопрос об отношении к западноевропейскому центру все же приходится решать на главной, принципиальной основе: за или против консолидации ЕЭС. Ньюхауз признает неизбежную двусмысленность официальной внешней политики. Говоря о текущем этапе, он признает, что «хотя поддержка европейского единства была на протяжении двух десятилетий постоянной чертой американской политики, европейцы далеки от уверенности, что Вашингтон продолжает благожелательно относиться к тесно организованному Европейскому сообществу»⁴⁸. В качестве косвенных признаков он

⁴⁶ Ibid., p. 33.

⁴⁷ Ibid., p. 43.

⁴⁸ Ibid., p. 46.

приводит отказ американского правительства выразить ныне американскую заинтересованность в европейском единстве в ясных выражениях и т. п. Подобное «молчание», по его словам, было «интерпретировано в Европе как предстоящая решающая перемена в американских целях»⁴⁹. Толкование последнего положения в ту или иную сторону представляет собой особый вопрос, нас здесь интересует признание известным специалистом возможности подобных перемен. «Критическое» направление американской историографии не только не исключало возможности таких перемен, но и неоднократно аргументировало их желательность.

Завершая рассмотрение трех основных течений в американской литературе по проблемам отношений с Западной Европой, попытаемся определить соотношение высказанных идей с официально провозглашенным и практически осуществляемым курсом Вашингтона.

В течение всего послевоенного периода принципиальной линией США в их внутрисоюзнической политике было строительство Атлантического сообщества. В планах до начала 60-х годов прогнозировалось объединение средних и малых стран Западной Европы вокруг большой Америки. С возникновением ЕЭС, ростом его удельного веса и автономности, США устами президента Кеннеди предложили Атлантическое сообщество в виде «атлантического партнерства» с двумя номинально равными партнерами (американской и западноевропейской). Провал этого «великого проекта» в 60-е годы породил первый большой общенациональный спор между атлантистами и их противниками. Выход США на рубеж 70-х годов как потесненного «одного из трех», а не всемогущего некогда лидера капиталистического мира, predetermined более сбалансированный подход к проблеме межатлантических взаимоотношений. Прежняя уверенность уступила место подозрительному отношению. Администрация Никсона в целом восприняла атлантизм своих предшественников; теоретически она относилась с одобрением к западноевропейскому движению в сторону большей сплоченности вплоть до создания политически автономного союза: «Две сильные державы на Западе добавили бы западной дипломатии гибкость и могли бы лучше распределить ответственность

⁴⁹ J. Newhouse. Op. cit., p. 46.

в принятии решений»⁵⁰. Однако декларация о желательности западноевропейской автономии уже мало кем среди политологической элиты США воспринималась буквально, как безоговорочная и простая политика. Как справедливо определил Г. Осгуд, политика президента Никсона была направлена на «сохранение и консолидацию послевоенной атлантической системы, а с нею и роли гегемона, принятой Соединенными Штатами в европейских делах после окончания второй мировой войны»⁵¹. Вместе с тем правительство Никсона пыталось ввести свою европейскую политику в русло более широкой стратегии, предполагавшей «более сложную», чем основанную на гегемонии атлантической зоны, структуру.

В начале 70-х годов американская дипломатия неоднократно подавала как перспективу американской внешней политики именно «строительство» пятиполюсного мира. Очевидно, дискуссия в историографии рубежа 60—70-х годов способствовала формированию такой концепции. С другой стороны, официальное провозглашение этой схемы расширяло соответствующую ей апологетическую струю в политологической литературе.

Идейная борьба в правящих кругах Америки отражает тенденцию к пересмотру основ политики в отношении к Западной Европе, нахождению такого оптимального курса, который, с одной стороны, был бы более умеренным и гарантировал США от внешнеполитических фиаско, с другой — помог бы избежать в какой-то степени международной изоляции в результате резкого ослабления межсоюзнических связей. Американо-западноевропейские отношения всегда были одним из стержней внешней политики США, и ослабление в этом регионе как результат дезинтеграции атлантизма затронуло бы самые существенные интересы американского империализма. Поэтому выбор пути во взаимоотношениях с западноевропейским центром вызывает столь ожесточенные дебаты, изучение которых помогает ориентации в академических спорах и пониманию поворотов внешнеполитического курса США.

⁵⁰ «U. S. Foreign Policy for the 1970s. A Report to the Congress by R. Nixon». Washington, February 9, 1973, p. 40.

⁵¹ R. Osgood *a. o. Op. cit.*, p. 209—210.

АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А. И. МАРТЫНОВ

Вторая мировая война, приведшая к глубоким изменениям внешнеполитического курса Соединенных Штатов в сторону глобализации, вызвала неизбежные изменения в их тихоокеанской военно-политической стратегии. Отныне она стала преследовать не только цель передела сфер политического и экономического влияния и вытеснения из колоний западных союзников США. Развитие мирового революционного процесса, приведшего к образованию социалистического лагеря, в частности в Азии, а также подъем национально-освободительного движения породили, особенно на первом послевоенном этапе, жесткий антикоммунизм американского внешнеполитического курса, обнажив его классовое эксплуататорское содержание, прикрываемое разговорами о защите «национальных интересов» и обеспечении «безопасности».

Американская буржуазная историография международных отношений на Тихом океане следовала за эволюцией внешнеполитической стратегии США от «изоляционизма» к «глобализму», отражая в зеркале политических и историографических концепций новые цели и задачи. Исторические и политические исследования американских специалистов по международным отношениям были призваны обосновать и оправдать в идеологическом и пропагандистском отношении новую направленность внешней политики США в Азии, хотя это и происходило порой в условиях острых столкновений мнений. Не случайно, именно после второй мировой войны среди американских теоретиков международных отношений наблюдается резкая активизация направления «политического реализма», идеализирующего абсолют силы и сводя-

щего на практике свою линию к поддержке «баланса сил» в мировом масштабе (причем выбор средств объясняет расхождение мнений в этой школе), но опять-таки такого «баланса», который был бы выгоден США. «Реалисты» выступили с уничтожающей критикой так называемой идеалистической школы по вопросу о подлинных причинах войны, в частности между США и Японией. Представители идеалистической школы, по выражению известного специалиста по проблемам Азии У. Ньюмана, занимались «моралистическим упрощением», утрируя роль отдельных факторов в стратегическом планировании и определяя войну как «борьбу добра и зла»¹. Таких взглядов придерживался, например, известный американский публицист У. Липпман в книге «Цели США в войне»². «Реалисты» так называемого ревизионистского направления нападали на внешнеполитическую линию администрации Ф. Рузвельта на Тихом океане, считая ее излишне «жесткой». Эти историки не исключали компромисса с милитаристской Японией. «Если бы японские цели исключали установление контроля над Китаем ниже Великой стены и если бы они ограничились поглощением Кореи и установлением определенного контроля над районами Маньчжурии—Монголии,— писал профессор университета в Беркли Р. Скалапино,— то окончательный конфликт с Западом был бы, возможно, предотвращен»³.

Подобная точка зрения, созвучная английским и французским «мюнхенцам» и совпадавшая со взглядами консервативно настроенных американских политиков и военных, обуславливалась классовой направленностью и вытекала из идеологических установок «холодной войны», предусматривавших ревизию принципов, на которых базировалось советско-американское сотрудничество в годы войны. Таких воззрений придерживалась целая группа международныхников, среди которых можно выделить Ф. Уитмера, К. Латуретта, С. Бемиса, Х. Болдуина, Д. Даллина.

¹ *W. L. Newman*. How American Policy Toward Japan Contributed to War in the Pacific. 1953.— «Readings in American Foreign Policy», vol. 2. Chicago, 1968, p. 16.

² *W. Lippman*. U. S. War Aims, 1944.— Ibid., p. 3.

³ *R. Scalapino*. The United States and Japan.— *W. Thorp* (ed.). The United States and the Far East. Englewood-Cliffs (N. J.), 1962, p. 29.

В условиях послевоенного мира, когда развитие американской внешней политики стало определяться «глобализмом» интересов США, начало резко возрастать значение отдельных региональных направлений. Ведущее место принадлежало, конечно, политике в Европе и в Азии.

Видный американский дипломат и экономист У. Торп писал в этой связи, что к концу 60-х годов «делам Дальнего Востока в государственном департаменте Соединенных Штатов придавалось такое же значение, как и европейским делам»⁴.

Однако до 1950 г. приоритет Европы был бесспорен, и США не имели достаточно четко сформулированной политической стратегии на Тихом океане, что в решающей степени объяснялось незавершенностью процессов в основных странах этого региона. Гражданская война в Китае, продолжение оккупации Японии, колониальные войны Голландии и Франции в Индонезии и Индокитае тормозили конкретизацию будущих субрегиональных программ американской внешней политики.

На первом послевоенном этапе дипломатия США была вынуждена вести относительно осторожную линию, чтобы не раскрыть преждевременно неоколониалистской сущности своих устремлений. Именно в этот период американская пропаганда наиболее широко использовала версию «идеалистов» об антиколониализме США, противопоставляя их политическую платформу откровенному колониализму Англии, Франции и Голландии, подавлявших силой оружия народные движения в своих колониях. Так, например, У. Липпман писал об «американской антипатии к империализму» в отличие от «английского меркантилизма»⁵. Марксистская наука не умаляет значения применения методов психологического анализа, однако на примере указанного рассуждения видно, что у Липпмана отсутствует классовый анализ процессов политического и экономического развития каждого общества. Представители буржуазной историографии прибегают к субъективистскому методологическому приему, подменяя научный подход произвольными схемами, упрощенчески вводя ненаучные понятия и псевдокатегории.

⁴ W. Thorp (ed.). Op. cit., p. 3.

⁵ W. Lippman. Op. cit., p. 11.

Однако «идеалисты» были отнюдь не монополистами «антиколониальной» концепции. Видные американские идеологи других направлений, специалисты по Азии, такие, как Г. Вайнэке, Р. Чанг, Л. ван Слайк, Дж. Мартин, У. Джонстон и многие другие, также активно пропагандировали тезис об «антиколониализме» США. Послевоенная политика США на Тихом океане опровергает это положение. Ее неоколониалистическая сущность проявилась в ходе агрессии США в Индокитае. Исторический опыт народов молодых независимых государств заставил их понять, где сосредоточены силы неоколониализма. Эта теория перестает быть популярной даже в самих США. Так, например, один из видных американских представителей так называемого критического направления, Р. Стил не без оснований отмечал, что на протяжении нескольких лет европейцы жаловались на наивность, демагогию и свехупрощенчество, с позиций которых Соединенные Штаты рассматривали свои колониальные проблемы. Теперь они, писал Р. Стил, поменялись ролями, и Вашингтон жалуется, что «европейцы не понимают того бремени, которое он был вынужден взвалить на себя в Латинской Америке, Азии и Африке»⁶. Пытаясь выяснить причины провала попыток спекулировать на колониальном прошлом США, Р. Стил вынужден признать, что в подобных представлениях было «больше оптимизма, чем анализа, поскольку они игнорировали пропасть между расами, культурами, богатством и силой, отделяющую бедные нации от Соединенных Штатов, и тот способ, с помощью которого мы взяли на себя роль, отвергнутую их европейскими господами»⁷. Такой анализ не носит научного характера, ибо здесь мы вновь сталкиваемся с отказом буржуазного ученого признать классовую природу антагонизма в отношениях ведущей страны капиталистического лагеря с молодыми независимыми странами, сбросившими путы колониализма.

Борьба за мировую гегемонию в первые послевоенные годы породила крайнюю воинственность внешнеполитического курса США. Его жесткий, догматический «антикоммунизм», воплотившийся в доктринах «сдерживания», «массированного возмездия», тесно сплетался с

⁶ R. Steel. Pax Americana. New York, 1967, p. 274.

⁷ Ibid., p. 276.

их неокOLONиалистическими устремлениями. Политика США на Тихом океане ориентировалась на поддержание, по выражению видного американского международного У. Уилкокса, так называемого стратегического баланса⁸, обеспечивавшего военное и политическое превосходство США на Тихом океане. Его основными составными элементами были борьба за Китай, Японию и создание военных блоков и союзов в этом регионе с участием и под руководством Соединенных Штатов. Параллельно идеологический арсенал американской внешней политики того периода характеризовался неомессианскими настроениями и крайним экстремизмом в оценках.

Политика США в Китае по своим первоначальным замыслам потерпела крах, став по выражению одного из наиболее серьезных американских специалистов по Китаю Тан Цзу, «крупнейшим поражением внешней политики США»⁹.

Слепой антикоммунизм не давал возможности американским руководителям разобраться в уроках поражения в Китае. Наиболее типичными в этом отношении могут служить высказывания бывшего государственного секретаря Д. Ачесона, содержащиеся в его сопроводительном письме к «Белой книге» об отношениях США и Китая в 1944—1949 гг., подготовленном при самом непосредственном участии посла Ф. Джессапа. Ачесон, например, всерьез утверждал, что китайские «коммунистические лидеры... открыто заявили о своем подчинении иностранной державе — России...»¹⁰. И это говорилось в тот момент, когда американские руководители были широко информированы о подлинных настроениях Мао Цзедуна и его ближайшего окружения. Не случайно Л. ван Слайк в предисловии к повому изданию «Белой книги» называет письмо Ачесона «самым спорным документом тома»¹¹.

⁸ *W. Wilcox. Politics of Insecurity and Strategic Assymetry.*— «International Journal», vol. XXIV, N 1, Winter 1968—1969, p. 30.

⁹ *Tang Tsou. America's Failure in China 1941—50*, vol. 1. Chicago — London, 1967, p. VII.

¹⁰ «The China White Paper». August 1949. Originally Issued as United States Relations with China with Special Reference to the Period 1944—49. Department of State Publication 3573. Reissued with the Original Letter of Transmittal to President Truman from Secretary of State Dean Acheson and with a New Introduction by L. P. van Slyke. Stanford (Calif.), 1967, p. XVI.

¹¹ *Ibidem.*

После провала в Китае волна антикоммунистической истерии, разжигавшейся маккартистами, буквально захлестнула США. Ее жертвами стали даже некоторые сотрудники госдепартамента — Дж. Винсент, Дж. Сервис и Дж. Дэвис, о которых в 1967 г. один из ведущих американских синологов Дж. Фэйрбэнк сказал, что «эти люди были настоящими специалистами по Китаю и сейчас у нас нет никого подобного им»¹². Большой резонанс, и не только в США, получило слушание в 1951—1952 гг. в конгрессе дела Института тихоокеанских отношений, отдельные сотрудники которого были критически настроены к режиму Чан Кай-ши, «дело Америкэша». Членами этой группы были также видные специалисты в области американской синологии, как Ф. Барнс, Т. Биссон, Дж. Фэйрбэнк, Х. Исаакс, А. Джэкобс, Э. Латтимор, О. Латтимор, Н. Пфаффер, Э. Сноу, Р. Уоттс¹³. Надо ли удивляться, что в этих условиях бывший до войны руководителем дальневосточного отдела госдепартамента С. Хорнбек заявил в августе 1950 г., что «коммунистический Китай может превратиться в шоссе, по которому будет распространяться влияние Советов, и в базу, с которой коммунистические вооруженные силы нанесут удар в южном и восточном направлениях, т. е. в направлении Австралии и Соединенных Штатов»¹⁴. Прimitивизм таких рассуждений не только отвечал канонам «холодной войны»; в определенной степени они отражали уровень внешнеполитических представлений широкого круга американских международных работников, многие из которых занимали высокие государственные посты.

Лишь спустя десять лет представитель нового поколения американских синологов А. Д. Барнетт напишет, что «многое из того, что мы должны знать об общем революционном процессе в современных обществах, еще не достигших современной стадии развития, может быть понято из провалов некоммунистического режима в Китае именно до 1949 г.»¹⁵ Тщательный учет, по мнению Барнетта, всех ошибок в прошлом будет способствовать раз-

¹² Ibid., p. 11 предисловия.

¹³ С 1952 по 1956 г. они были лишены возможности открыто публиковать свои работы.

¹⁴ «Readings in American Foreign Policy», vol. 2, p. 46.

¹⁵ A. D. Barnett. China on the Eve of Communist Takeover. New York, 1968, p. V.

работке наиболее эффективной стратегии, направленной на борьбу с революционным мировым процессом. Так оружие исторического анализа ставится на службу интересам господствующего класса.

В неменьшей степени на формирование американской политики на Тихом океане влиял фактор Японии¹⁶, значение которого для целей политики США сильно возросло после провала их планов в Китае. Руководители Соединенных Штатов рассматривали Японию как барьер на пути распространения коммунизма в Азии и как противовес влиянию СССР на развитие политической ситуации в этом регионе. Именно поэтому американская буржуазная историография полна стандартных фальсификаций, преуменьшающих роль Советского Союза в разгроме японского милитаризма, преувеличений роли американских атомных бомбардировок Японии, которые одни сами по себе поставили якобы ее на колени, как утверждает, например, Г. Фейс¹⁷.

В то же время такие американские исследователи, как М. Вайнштейн, Р. Скалапино, Дж. Эммерсон, Л. Олсон, Г. Фейс, Э. Рейшауэр, Р. Роузкэпс, всеми способами стремятся представить американскую оккупационную политику в Японии как некое демократическое благо для ее внутреннего развития, хотя оккупация эта, как известно, была связана с ограничением суверенитета страны и с подчинением Японии требованиям американской стратегии на Тихом океане, особенно в первые 15 послевоенных лет¹⁸.

Углубление японо-американских противоречий заставило американских ученых и политиков более трезво оценивать успехи американской дипломатии в Японии. В появившейся в 1967 г. первой части мемуаров Дж. Кеппана выражается несогласие с действиями американского

¹⁶ Об американской историографии японо-американских отношений см. Ю. М. Мельников. США и Япония.— «Американская историография внешней политики США 1945—1970». М., 1972, стр. 266—284.

¹⁷ H. Feis. Contest over Japan. New York, 1967, p. 8—9.

¹⁸ H. Feis. Op. cit.; R. N. Rosecrance. Australian Diplomacy and Japan 1945—1951. Sydney, 1962; E. O. Reischauer. The United States and Japan. Cambridge (Mass.), 1957; M. E. Weinstein. Japan's Postwar Defense Policy 1947—1968. New York—London, 1971; J. Emmerson. Arms, Yen and Power. The Diplomatic Dilemma. New York, 1971.

правительства в вопросе о подписании мирного договора с Японией в 1951 г. и при заключении договора об обеспечении взаимной безопасности. Кеннан с сожалением отмечает, что понимание официальным Вашингтоном «возможного влияния его собственных актов и политики на поведение Советов не простиралось далее примитивного вопроса о том, сдержали мы или не сдержали Советское правительство в его предполагаемом желании начать военные атаки во всех направлениях»¹⁹. Противоположной точки зрения придерживается бывший дипломат, а ныне сотрудник Центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета Дж. Эммерсон, который, как и большинство его коллег, считает, что заключение американо-японского договора о безопасности было «неизбежным», поскольку США, стремясь к «сдерживанию» Советского Союза, «не ожидали сотрудничества» с СССР²⁰.

Как известно, подписание договора в Сан-Франциско на американских условиях исключило возможность участвовать в нем для многих стран Азии, не говоря уже о социалистических странах. Односторонние действия США и их союзников обострили обстановку на Дальнем Востоке. Одновременно американская дипломатия пыталась держать Японию в политической изоляции, о чем предпочитают умалчивать представители американской буржуазной историографии. США выступили самым активным противником нормализации японо-советских отношений. В этих условиях подписание советско-японской совместной декларации от 19 октября 1956 г. имело исключительно важное значение не только для дальнейшего развития японо-советских отношений, но и для всей Азии.

Однако американская буржуазная историческая наука упрямо продолжает отстаивать тезис, что якобы лишь «несговорчивость» Советского Союза служит причиной затягивания подписания мирного договора с Японией. Дональд Хеллман объясняет это даже «враждебностью» Советского Союза к Японии, хотя он вынужден признать, что инициатором прекращения состояния войны между СССР и Японией была именно советская сторона²¹.

¹⁹ G. F. Kennan. *Memoirs 1925—1950*. Boston, 1967, p. 395.

²⁰ J. K. Emerson. *Op. cit.*, p. 70.

²¹ D. C. Hellman. *Japanese Domestic Policies and Foreign Policy. The Peace Agreement with the Soviet Union*. Berkeley — Los Angeles, 1969, p. 32.

Насколько далеко заводит некоторых американских политиков идолопоклонство антикоммунизму видно на примере рассуждений профессора университета штата Иллинойс М. Вайнштейна. Поскольку его работа одна из последних, тем более вызывает недоумение его утверждение о «неверности» Советского Союза своим договорным обязательствам, которое он иллюстрирует «нарушением русскими пакта о нейтралитете с Японией» от 13 апреля 1941 г.²² Как известно, несмотря на этот пакт, японские милитаристские круги продолжали проводить провокационную политику, создававшую угрозу дальневосточным границам СССР. О вступлении Советского Союза в войну против Японии просили на Крымской конференции 1945 г. сами же западные державы, сознавая, что это значительно сократит сроки войны на Тихом океане. Поэтому попытки буржуазных историков представлять верность СССР союзническому долгу как «нарушение обязательств» — злостная и умышленная фальсификация истории.

Подавляющее большинство американских исследователей приветствуют «особые» отношения, сложившиеся между США и Японией в рамках «системы Сан-Франциско». Однако сейчас американская буржуазная историография гораздо более реалистически оценивает современное состояние и будущее этих отношений. Так, Р. Уорд вынужден признать, что они «исключительно сложны и содержат множество элементов напряженности, так же как и взаимного удовлетворения»²³.

Ныне в США появились исследования по Японии, в которых критикуется господствовавшая прежде точка зрения, что политика Японии в вопросах военной «безопасности» была лишь производной от американской политики на Дальнем Востоке. Так, М. Вайнштейн считает, что кабинет Иосиды и его преемники имели свои планы относительно обеспечения военной безопасности Японии. В приводимом им меморандуме министра иностранных дел Ашиды от 28 июня 1947 г. отстаивался принцип «раздельной ответственности» за поддержание военной безопасности Японии в противовес планам американской

²² M. E. Weinstein. Japan's Postwar Defense Policy 1947—1968. New York — London, 1971, p. 31.

²³ R. E. Ward. The Legacy of Occupation.— «The United States and Japan». Ed. by H. Passin. Englewood-Cliffs (N. J.), 1966, p. 37.

дипломатии взять на себя эту ответственность целиком. Несомненно, подобная линия американской стороны проводилась с учетом развития ситуации в Китае. Американский историк Р. Файфилд, который тяготеет к поддержке официальных версий, уверяет, что если бы в Японии победил коммунизм, то «возникла бы серьезная опасность для всей позиции некоммунистического мира вдоль огромной дуги от Северо-Восточной до Южной Азии»²⁴.

Доктрина «глобального сдерживания коммунизма» постепенно стала стержнем американской политики на Тихом океане, и уже в 1950 г. администрация Трумэна предприняла ряд акций по ее активному претворению в жизнь. Профессор университета штата Вирджиния Норман Гребнер писал в этой связи, что «к лету 1950 г. одной только китайской революции оказалось достаточно для демонстрации советских экспансионистских тенденций по отношению к Азии»²⁵. Беспочвенность таких утверждений очевидна, но так велики были просчеты американского правительства, приведшие к войне в Корее, что даже сейчас американские буржуазные историки не в силах преодолеть инерции старых представлений.

Беспристрастный и объективный разбор причин конфликта в Корее продолжает оставаться для американских историков своеобразным политическим табу. Однако нет-нет, да и промелькнут в современных работах утверждения, в той или иной мере расходящиеся с официальной точкой зрения. Так, в работе Т. Хиггинса в очень осторожной форме выражается сомнение относительно принятой в буржуазной историографии оценки причин войны в Корее. Ссылаясь на известную подстрекательскую речь Даллеса в Сеуле в июне 1950 г., Т. Хиггинс многозначительно заявляет, что «коммунисты обнаружили, что опасность, связанная с идеалами, заключается в том, что другим также необходимо иногда защищать их на практике»²⁶. А такие историки, принадлежащие к группе критиков официальной политики, как И. Ф. Стоун, Л. Губерман и П. Суизи, прямо утверждают, что начало военных дейст-

²⁴ R. H. Fifiel'd. Southeast Asia in United States Policy. New York, 1963, p. 384.

²⁵ N. A. Graebner. Global Containment: The Truman Years.— «Current History», August 1969, p. 79.

²⁶ T. Higgins. Korea and the Fall of McArthur. A Précis in Limited War. New York, 1960, p. 17.

вий в Корею было спровоцировано режимом Ли Сын Мапа с помощью США²⁷. Р. Стил отмечает, что война в Корее осуществлялась в рамках «доктрины Трумэна», которая после этого превратилась в «общее обязательство противостоять коммунизму везде не только путем экономической и военной помощи, но и прямым американским военным вмешательством, где это необходимо»²⁸.

В целом на протяжении всего послевоенного периода американская военно-политическая стратегия на Тихом океане была рассчитана на сдерживание освободительных процессов в этом регионе путем баланса сил и на включение максимально большего числа стран Азии в глобальную схему стратегического баланса сил, благоприятного для США. Глобализм американской внешней политики приходил в столкновение не только с национальными интересами народов стран Азии, но и с региональными устремлениями их западных союзников. Наиболее ярким примером такого соперничества стали американско-французские противоречия в Индокитае.

В Соединенных Штатах существует обширная литература по этому вопросу. Однако представляется необходимым выделить две монографии, посвященные целиком или частично периоду 40—50-х годов. Это работы бывшего дипломата Ч. Купера и научного сотрудника Совета по международным отношениям Э. Хэммер²⁹.

Общее в них — утверждение о симпатиях, которые якобы питала американская сторона к стремлению народов Индокитае к политическому самоопределению. Однако оба исследователя вынуждены признать, что такого рода американские заявления всегда носили неофициальный характер³⁰, они преследуют цель представить в более выгодном свете американскую политику в Индокитае, которая в своих многих проявлениях отличалась крайним экстремизмом и нетерпимостью по отношению к национально-освободительному движению его народов.

²⁷ I. F. Stone. The Hidden History of the Korean War. New York — London, 1969; см. также статьи И. Ф. Стоуна в журнале «Monthly Review»: «Sound the Alarm» (September 1950), «The Crisis from Three Angles» (January 1951), «Korea — One Year Later» (August 1951).

²⁸ R. Steel. Op. cit., p. 23.

²⁹ Ch. Cooper. The Lost Crusade. America in Vietnam. New York, 1970; E. J. Hammer. The Struggle for Indochina. Stanford (Calif.), 1966.

³⁰ См. Ch. Cooper. Op. cit., p. 40; E. Hammer. Op. cit., p. 129.

Хотя политика США в Индокитае стала более или менее четко формулироваться лишь с 1950 г., это отнюдь не означает, как пытаются утверждать американские историки, что она являла собой «пассивное согласие с интерпретацией Потсдамского соглашения англичанами, французами и китайцами»³¹. Отсутствие определенной программы у администрации Трумэна было обусловлено невозможностью для США взять в то время на себя роль Франции в Индокитае, а также яростным сопротивлением французских колониальных кругов усилению там американского влияния. В нашумевшем исследовании вьетнамской проблемы, предпринятом по заданию бывшего руководителя Пентагона Р. Макнамары, которое было предано гласности при весьма неожиданных и невыясненных до конца обстоятельствах, оценка политики США в Индокитае отличается от оценок других буржуазных историков в первую очередь тем, что она идет гораздо дальше в выявлении подлинного характера американских целей. «В конечном счете,— говорится в этом исследовании,— политика США определялась не принципами Атлантической хартии, ни антиколониализмом президента (Рузвельта.— А. М.), а требованиями военной стратегии и несговорчивостью Англии по колониальному вопросу»³².

Такой вывод авторов секретного исследования наносит серьезный удар по мифу об антиколониализме США, поддерживавшемуся на протяжении всех послевоенных лет. Однако нельзя согласиться с другим выводом этого исследования, а именно, что США занимали позицию нейтралитета в колониальной войне Франции во Вьетнаме³³. Отсутствие чрезмерной активности американской дипломатии до совещания в Женеве отнюдь не было выражением «нейтралитета» США. Американская сторона, имея своей конечной целью вытеснение Франции из Индокитая, на первых порах занимала до известной степени позицию выжидания.

Поражение режима Чан Кай-ши в Китае привело к резкой активизации усилий Соединенных Штатов, вызвавших обострение положения в Азии и приведших к

³¹ Ch. Cooper. Op. cit., p. 47.

³² «The Pentagon Papers». The Defense Department History of United States Decisionmaking on Vietnam. The Senator Gravel Edition, vol. I. Boston, 1971, p. 2.

³³ Ibid., p. 3.

созданию военно-политических блоков и союзов на Тихом океане. Начало войны в Корее стало проявлением этой новой линии. Теоретически Даллес сделал попытку ее обоснования в майском номере журнала «Лайф» в 1952 г. Провозглашая необходимость «нового курса» в Азии, он объявлял политику «сдерживания» негативной альтернативой. Даллес сделал акцент на применении «наступательной военной силы»³⁴. Не случайно политическая ситуация на Тихом океане, в частности война в Корее, способствовала вызреванию и появлению даллесовской доктрины «массированного возмездия», которая подверглась критике даже в самих США. Часть американских буржуазных историков весьма скептически, и даже более того, критически подходит к вопросу о ее целесообразности для достижения внешнеполитических целей США. Так, специалист в области военно-морской истории Б. Броди назвал ее «экстравагантной», а один из первых специалистов по проблеме сдерживания У. Кауфман охарактеризовал ее как «не отвечающую минимальным требованиям доверия»³⁵.

Как официальная внешнеполитическая доктрина «массированное возмездие» обосновывалось в свое время подавляющей массой американских буржуазных историков. Тем не менее, если бы риторика ее творцов воплотилась на практике, то это привело бы к прямому ядерному конфликту между США и Советским Союзом. Вот почему администрация Эйзенхауэра, стремясь избежать возможного единоличного применения силы против СССР и Китая, выбрала иную альтернативу, заключающуюся в создании замкнутых военных союзов и блоков, таких, как АНЗЮС, СЕАТО. В конце 60-х годов представитель группы «пенсильванцев», одной из наиболее экстремистски настроенных ветвей в направлении «политического реализма», Э. Коттрелл, защищая в целом даллесовскую доктрину «массированного возмездия», заявил, что «подобная доктрина была нужна США в целях сдерживания ими военной агрессии в Азии и компенсации отсутствия желания взять на себя военные обязательства»³⁶.

³⁴ J. F. Dulles. A Policy of Boldness.— «Life Magazine», May 19, 1952.

³⁵ W. W. Kaufman (ed.). Military Policy and National Security. Princeton (N. J.), 1966, p. 24.

³⁶ A. J. Cottrell. The Escalation Era in Asia.— «Current History», August 1969, p. 87.

Это последнее обстоятельство было подмечено Коттреллом не случайно, ибо восвать за интересы своих союзников в Азии США отнюдь не намеревались. Создание военных блоков и союзов мыслилось ими в первую очередь как демонстрация готовности сохранять устраивающие их социально-политические структуры в бассейне Тихого океана и как метод фиксации своего преимущественного влияния в том районе. Антикоммунизм политики США в Азии был порождением классовой направленности американской внешней политики.

С блоковой стратегией была связана и американская теория «падающих домино», отражавшая беспокойство США перспективой падения одного за другим проамериканских режимов в Азии. До недавнего времени ее появление связывали с администрацией Эйзенхауэра. Однако в исследовании Пентагона приводится выдержка из документа Совета национальной безопасности (NSC 48/I), составленного еще в июне 1949 г., в котором говорилось, что победа коммунизма в Юго-Восточной Азии «станет крупным политическим поражением, последствия которого дадут себя знать во всем остальном мире, в особенности на Среднем Востоке и затем... в Австралии»³⁷. Теория «домино» выросла из концепции «реалистов» о необходимости сохранения баланса сил. Связь между ними отчетливо прослеживается при рассмотрении доклада Совета национальной безопасности от 27 февраля 1950 г. о политике США в Индокитае, который уже в это время рассматривался как один из ключевых районов Юго-Восточной Азии, находящихся под «непосредственной угрозой», под чем понималась возможность победы сил социалистической ориентации.

«Можно утверждать,— говорилось в докладе,— что соседние страны, Таиланд и Бирма, попадут под коммунистическое господство, если правительство, где доминируют коммунисты, будет контролировать Индокитай. Тогда для баланса сил в Юго-Восточной Азии создастся серьезная угроза»³⁸. В другом документе Совета национальной безопасности, от 25 июня 1952 г., в котором содержалась окончательная редакция принципа «домино», предусматривалась «координированная оборона района

³⁷ «The Pentagon Papers», p. 82.

³⁸ Ibid., p. 362.

(Юго-Восточной Азии.— А. М.)»³⁹, из чего и исходил в своей внешнеполитической философии сам Даллес. Блок СЕАТО мыслился его организаторами как широкий антикоммунистический союз в Азии. Однако американская дипломатия переоценила свои возможности.

Среди американских буржуазных историков существуют различные точки зрения на политику США в индокитайском кризисе 1954 г., с которым непосредственно было связано образование СЕАТО. Так, бывший сотрудник госдепартамента В. Бэйтор считает, что этот кризис «был результатом переоценки администрацией Эйзенхауэра — Даллеса отношений между Соединенными Штатами и Англией»⁴⁰. Хотя американо-английские межимпериалистические противоречия и сыграли свою роль, в результате чего американской дипломатии не удалось провести своего плана «коллективных действий», все же поражение западного колониализма в Индокитае было логическим следствием его неспособности противостоять историческому процессу освобождения колоний.

Создание СЕАТО было своеобразной антитезой стратегии «дозированных военных ответов», которая лежала в основе внешнеполитической доктрины, определившей организацию Соединенными Штатами агрессии в Корею. Но стратегия создания блоков была столь же переапатична и опасна, как и прежняя доктрина. В своей оценке СЕАТО Ч. Купер вынужден признать, что «немногие страны, за исключением, возможно, Австралии и Новой Зеландии, могли пойти на союз, вызвавший враждебность среди неприсоединившихся стран Азии...»⁴¹ Другой видный теоретик международных отношений, специализирующийся по проблемам Азии, Б. Гордон уже констатировал в конце 60-х годов, что СЕАТО тогда служила «предметом широко распространенных сомнений»⁴². В современной американской буржуазной историографии получило довольно распространенное хождение положение, что якобы СЕАТО никогда и не представляла собой военной организации. Это связано с тем глубоким кризисом, который переживает

³⁹ «The Pentagon Papers», p. 385—387.

⁴⁰ V. Bator. Vietnam. A Diplomatic Tragedy. The Origins of the United States Involvement. New York, 1965, p. 3.

⁴¹ Ch. Cooper. Op. cit., p. 111.

⁴² B. K. Gordon. U. S. Defense in the Nuclear Age.— «Current History», August 1969, p. 101.

сама «блоковая стратегия», проявлением чего стала ликвидация в сентябре 1975 г. самого блока СЕАТО. Тот же Б. Гордон делает весьма примечательное признание, заявляя, что в Восточной Азии «обычная военная угроза не наблюдалась среди возможных угроз во время создания СЕАТО, и постоянное и коллективное размещение военных сил не было надлежащим ответом». Ясно, что «военная угроза коммунизма» в Азии — также самый настоящий миф. Пытаясь, однако, оправдать Даллеса, Б. Гордон объявляет его целью лишь стремление «предупредить, что Соединенные Штаты останутся верными обязательству защищать безопасность региона и таким образом содействовать укреплению доверия малых азиатских стран»⁴³. Подобная логика явно навешена обстоятельствами, связанными с войной во Вьетнаме, которая и ударила как раз по доверию азиатских стран к американской политике. В этих рассуждениях прослеживается также реверанс в сторону маоистов. Ведь создание СЕАТО оправдывалось «угрозой со стороны коммунистического Китая». Однако в этом есть своя ирония, так как на последнем этапе деятельности СЕАТО маоисты, отказавшиеся от принципов марксизма-ленинизма при проведении внешней политики, начали активно вмешиваться во внутренние дела стран Юго-Восточной Азии, не останавливаясь даже перед применением военной силы.

Конечно, по своей военной ценности для союзников США СЕАТО никогда не была равна НАТО. Однако считать этот блок одним лишь политическим выражением классовых целей США в Азии было бы неверным со всех точек зрения. Он был призван играть связующую роль между СЕНТО и планировавшимся широким тихоокеанским пактом, в состав которого предусматривалось включить страны Дальнего Востока и даже Латинской Америки. В тех исторических условиях американо-японский договор «безопасности» 1951 г., двустороннее соглашение об обороне США с Филиппинами того же года, трехсторонний военный союз Соединенных Штатов с Австралией и Новой Зеландией (АНЗЮС) и СЕАТО составили основу военно-политической организации, противостоявшей подъему национально-освободительного движения в бассейне Тихого океана.

⁴³ Ibid., p. 102.

Один из этих элементов — АНЗЮС — закреплял новое соотношение сил между США, Англией и ее тихоокеанскими доминионами, которые стали рассматривать военное сотрудничество с Соединенными Штатами как краеугольный камень своей военно-политической стратегии, принося в жертву этому прежние отношения с метрополитом. Именно под этим углом зрения американская буржуазная историография и рассматривает американо-австрало-новозеландские отношения. При этом американские международники стремятся уверить своих читателей, что будто проамериканская ориентация Австралии и Новой Зеландии становится единственной приемлемой для них альтернативой. Среди работ американских историков, посвященных этой тематике, можно отметить книги Х. Грэттена, В. Леви, Р. Роузкрэнса, Х. Альбински⁴⁴. Х. Грэттен отмечал в начале 60-х годов — «еще в 1940 г..., предположение, что война на Тихом океане вовлечет Австралию в американскую «орбиту», вызывало широкое негодование в Австралии, но именно это и случилось, и сейчас необходимость быть в этой орбите стала аксиомой представлений Австралии о внешней политике»⁴⁵. Все американские международники в той или иной мере признают бесспорность подобных представлений. Но и тут звучат более трезвые голоса, призывающие не столь догматически подходить к кажущимся непреложными истинам. Так, в начале 60-х годов Р. Роузкрэнс считал, что Австралия подверглась дискриминации со стороны Соединенных Штатов во время оккупации Японии, а затем при заключении договора в Сан-Франциско. «Проблема заключается в том, — предостерегал он, — что успешная дипломатия в 1961 г. требовала, чтобы государства относились друг к другу с позиций равноправия»⁴⁶. Это пожелание обречено остаться пожеланием, поскольку интересы глобальной стратегии США неоднократно заставляли Австралию и Новую Зеландию поступать вопреки своим национальным интересам, приняв, например, в 60-х

⁴⁴ C. H. Grattan. *The United States and the Southeast Pacific*. Cambridge (Mass.), 1961; H. S. Albinski. *Australia's Search for Regional Security in Southeast Asia*. University of Minnesota, 1959 (Ph. D. Thesis); R. N. Rosecrance. *Australian Diplomacy and Japan, 1945—1951*. Sydney, 1962.

⁴⁵ C. H. Grattan. *Op. cit.*, p. 5.

⁴⁶ R. N. Rosecrance. *Op. cit.*, p. 249.

годах участие во вьетнамской агрессии Соединенных Штатов. В настоящее время серьезные противоречия между США, Австралией и Новой Зеландией проявляются в сфере экономических отношений, ввиду непрекращающейся экспансии американских монополий в эти страны.

«Эра Эйзенхауэра» в Азии, по выражению Э. Коттрелла, началась в период, который в американской буржуазной историографии определяется как «период нестабильности»⁴⁷, каковая оценка сама по себе преследует цель намеренно принизить в историческом плане эпоху крушения западного колониального господства и становления новых отношений между странами этого региона. На самом деле этот период был ознаменован новыми крупными поражениями империализма в Азии. С середины 50-х годов начинает активизироваться внешняя политика молодых независимых стран Тихоокеанского бассейна, выражением чего стала Бандунгская конференция 1955 г.

Середина 50-х годов стала временем политических инициатив нынешних партнеров США в Азии — правящих кругов Японии и маоистских лидеров. Последние предложили, в частности, начать далеко идущий политический диалог Вашингтону, который в то время официально изображался в Пекине как враг № 1. США не отвергли этого предложения, что стало своеобразной прелюдией к началу пересмотра Соединенными Штатами своей политики по отношению к Китаю.

Со второй половины 50-х годов начинается активизация внешней политики Японии и экономического наступления ее капитала в Азии. Однако, как признает один из крупнейших американских специалистов по проблемам Азии Р. Батуэлл, в 1953 г. «масштаб проблем, с которыми этот регион встретился в последующие 15 лет, большинство наблюдателей осознавало лишь частично»⁴⁸. Несомненно, администрация Эйзенхауэра была вынуждена учитывать исторические уроки Китая, Кореи, поражения Франции и Голландии соответственно в Индокитае и Индонезии. По сравнению с политикой администрации Трумэна, «расплывчатость военных обязательств Эйзенхауэра

⁴⁷ B. Gordon. United States Policies in Southeast Asia.— «Current History», December 1970, p. 322.

⁴⁸ R. Butwell. Southeast Asia Today and Tomorrow: Problems of Political Development. New York, 1969, p. IX.

в Азии несомненно была более реалистична, если учитывать отсутствие поддержки прямой интервенции, — констатировал Э. Коттрелл, — чем любая попытка точного определения непосредственного района, представляющего интерес для Соединенных Штатов на Дальнем Востоке...»⁴⁹

К началу 60-х годов обстановка в бассейне Тихого океана значительно усложнилась ввиду углубления процессов политического, экономического и социального развития его стран. Ход исторического развития неизбежно поставил их перед выбором между двумя политическими системами. Крупный американский дипломат, один из доверенных лиц в окружении президента Кеннеди, Р. Хилсман, отмечал в этой связи, что, помимо «непосредственной угрозы коммунистической экспансии, наиболее значительным событием нашего времени, возможно, становится выбор направления, по которому пойдут новые национализмы в Азии»⁵⁰.

Президент Кеннеди в своей программе «Новые рубежи» придавал исключительно важное значение политике в странах «третьего мира», считая, что именно на этом фронте развернется одно из самых решительных столкновений двух противоположных систем. Возглавлявшееся им правительство демократической партии выступило поэтому против абсолютизации доктрины «массированного возмездия», считая ее неудовлетворительной и, со многих точек зрения, неприемлемой. С национально-освободительными движениями администрация Кеннеди решила бороться, взяв на вооружение стратегию «гибкого реагирования». На этой основе была разработана тактика «антипартизанской войны», также исходившая из военного пути разрешения конфликтов локального характера. Один из авторов доктрины «гибкого реагирования», генерал М. Тэйлор, в 1967 г. писал, что с 1961 г. США «быстро двигались в направлении лучшей подготовленности к неядерной войне...»⁵¹

В американской буржуазной политической литературе, а также в ряде зарубежных изданий бытует необосно-

⁴⁹ A. Cottrell. Op. cit., p. 87, 117.

⁵⁰ R. Hillsman. To Move a Nation. The Politics of Foreign Policy in the Administration of John F. Kennedy. New York, 1964, 1967, p. 361.

⁵¹ M. D. Taylor. Responsibility and Response. New York, 1967, p. 2.

важное утверждение о том, что администрация США в начале 60-х годов не делала акцента на применении силы для достижения внешнеполитических целей. Однако, как известно, позиция США в то время (например, по отношению к Лаосу, Берлину и Кубе), а также голка вооружений свидетельствуют как раз об обратном. Появление на свет «Документов Пентагона» о войне во Вьетнаме, которую начала администрация Кеннеди, заставило некоторых американских международных изменить свою точку зрения на политику Кеннеди. Так, специалист по Лаосу Ч. Стивенсон, признавая свои заблуждения относительно характера американской политики, писал, что «хотя Кеннеди не сделал ничего, чтобы затруднить переговоры (в Лаосе.— А. М.), он также никогда не исключал возможности применения силы в Лаосе»⁵². Ч. Стивенсон критикует политику США в этой стране за ее «воинственность», считая ее «серией ошибок». Американская литература не едина в оценке деятельности США в Азии. Если критика Стивенсона в определенной мере может рассматриваться как «критика слева», то ее антипод — работа А. Доммена. Выражая разочарование «консерваторов» неудачами политики в Азии, Доммен считает, что «форма статичной обороны, наилучшим образом выраженная в клише о бастионе свободы, устарела... Разумное использование силы в лаосской ситуации, по его мнению, вытекало из признания, что простое противопоставление коммунизма антикоммунизму более не составляет действительную основу политики»⁵³.

Период 60-х годов характеризовался глубоким кризисом, охватившим экономическую, социальную и политическую сферы жизни американского общества. Он проходил в условиях обострения межимпериалистических противоречий, ослабления руководящих позиций империализма США. Американская буржуазная историография с точностью барометра реагировала на эти изменения. В оценке традиционалистского направления американских исследователей международных отношений эти объективные перемены получили название — явление «многополярности». По существу появление различных

⁵² Ch. A. Stevenson. *The End of Nowhere. American Policy Towards Laos Since 1954.* Boston, 1972, p. 272.

⁵³ A. J. Dommen. *Conflict in Laos. The Politics of Neutralization.* New York, 1967, p. 300.

«словых центров» свидетельствовало о неравномерности развития отдельных звеньев капиталистической системы, выразившейся в создании «общего рынка» и изменении роли Японии, превратившейся в серьезного конкурента США.

Такого рода схема «двухполюсного мира», соответствовавшая послевоенным представлениям течения «политического реализма» — основы нынешнего традиционалистского направления, — не выдержала проверки временем. Признавая это, М. Тэйлор писал уже в середине 60-х годов, что «одним из наиболее существенных политических явлений этого десятилетия стало прогрессирующее исчезновение биполярного ядерного противоборства Соединенных Штатов и их союзников с китайско-советским коммунистическим блоком и его замена многополюсными отношениями между многими силами»⁵⁴. Конечно, главным обстоятельством, которое заставило американских международников пересмотреть свою концепцию, было не только и не столько перераспределение влияния внутри капиталистической системы, сколько изменение в соотношении сил в пользу мирового социализма.

Однако при разработке теории «многополюсных отношений», или «полицентризма», идеологи американской внешней политики учитывали и отказ маоистов от принципов научного коммунизма и их активную борьбу против Советского Союза. При этом американские историки и политологи всячески извращают существо отношений нового типа между участниками социалистического содружества, ставя знак равенства между ними и антагонистическими отношениями внутри собственной системы. Со второй половины 50-х годов, когда начался процесс переоценки политики США по отношению к Китаю на уровне государственного руководства, американские синологи, «кремленологи» и прочие специалисты по борьбе с коммунизмом стали протаскивать теорички о якобы наступившей трансформации социалистической системы. Начиная с этого периода, американская буржуазная историография всячески муссирует версию о разногласиях между социалистическими странами, причем в качестве главного доказательства выдвигаются коренные расхождения между линией КПСС, пользующейся поддержкой по-

⁵⁴ М. Taylor. Op. cit., p. 1.

давляющего большинства братских партий, и маонистами. Извращая существо борьбы КПСС за чистоту марксистско-ленинской теории, буржуазные историки выдают желаемое за действительное, не понимая или не желая открыто признать, что нынешнее руководство в Пекине давно уже рассталось с принципами научного коммунизма и по всем линиям проводит политику, направленную против внешнеполитического курса стран социализма⁵⁵.

Уже во второй половине 50-х годов наиболее компетентные из американских буржуазных исследователей усматривали потенциальную возможность практического использования крупных идеологических извращений марксизма-ленинизма группой Мао Цзэ-дуна. В конце 50-х годов начинает меняться отношение и широких научных кругов в США к вопросу о признании КНР и восстановлении ее прав в ООН. Появление в 1959 г. доклада, подготовленного санфранцисской фирмой «Коплон Ассошиэйтс лимитед», связанной с госдепартаментом и ЦРУ, для сенатского комитета по иностранным делам, оказалось своеобразным водоразделом. Доклад, китайский раздел которого был подготовлен Р. Скалапино, призывал к «изучению и переговорам» в целях нормализации отношений между США и Пекином⁵⁶. В этой связи любопытно, что фонд братьев Рокфеллеров подготовил в декабре того же года доклад, в котором выступил за снятие запрета на поездки американских граждан в КНР⁵⁷.

В начале 60-х годов в США существовала уже заметная партия сторонников признания КНР, в которую входили такие видные ученые и политические деятели, как А. Дип, Дж. Мур, Г. Хэкворт, Х. Лаутерпахт, Ю. Зеллигман, Р. Ньюман, Э. Гросс, Э. Дикинсон, К. Райт, К. Янг, Тан Цзу, Ф. Джессап и др. Некоторые из этих лиц, как, например, Ф. Джессап, совершили полный поворот в своих взглядах на проблему американо-китайских отношений. Р. Ньюман, выражая настроения этой

⁵⁵ Подробно библиографию американской политики по отношению к Китаю до 1962 г. см. в книге: *R. Fildfield*. *Op. cit.*, p. 450—454.

⁵⁶ См. «U. S. Congress, Senate Committee on Foreign Relations. United States Foreign Policy: Asia, N 5, 86-th Congress, 1-st Session». Washington (D. C.), 1959.

⁵⁷ «The Mid-Century Challenge to US Foreign Policy». New York, 1959.

группы, заявил, что КНР — это «не преходящее явление, путь которого к могиле ускоряет наша политика непризнания»⁵⁸. Не случайно уже летом 1959 г. в США была создана специальная группа по изучению американской политики в Юго-Восточной Азии, в задачу которой входила разработка рекомендаций, учитывавших новые тенденции развития обстановки в Азии.

В 60-х годах американская синология, в первую очередь изучение послевоенной истории Китая, претерпевает существенные качественные перемены. Начинает изменяться подход американских буржуазных историков к оценке китайской революции. Наиболее заметным явлением на этом фоне стала работа Тан Цзу «Провал США в Китае», выпущенная в 1963 г. Его основная мысль, заключающаяся в том, что, если отмечается «нежелание и неспособность целенаправленно использовать вооруженные силы», то необходимо «отказаться от недостижимых целей»⁵⁹, стала как бы эпитафией бесславному вмешательству США в ход гражданской войны в Китае. Одновременно американские буржуазные синологи незаметно, но все более настойчиво преуменьшают значение американского поражения в Китае. Так, консультант «РЭНДкорпорейшн» и госдепартамента У. Уилкоккс пишет: «Трудности американской политики по отношению к Китаю — частично результат необоснованных страхов... Ничто в возможностях Китая не оправдывает этого страха. ...После корейской войны пекинское правительство ударило в риторику, а не в политику конфронтации...»⁶⁰ Однако подобные высказывания в благожелательном для маоистов тоне были явно недостаточными, чтобы обеспечить в тот момент им доверие в Вашингтоне. Несмотря на «особый курс», который маоистское руководство стало проводить с конца 50-х годов, официальная американская доктрина по отношению к Китаю продолжала оставаться неизменной. «Сдерживание» Китая осуществлялось путем военных и политико-экономических мер, а его изоляция — посредством непризнания, непринятия КНР в ООН, сохранения эмбарго на торговлю и создания затруд-

⁵⁸ R. P. Newman. *Recognition of Communist China? A Study in Argument*. New York, 1961, p. 282.

⁵⁹ Tang Tsou. *Op. cit.*, p. X.

⁶⁰ W. Wilcox. *Asia and United States Policy*. Englewood-Cliffs (N. J.), 1967, p. 12—12.

непий в области развития культурных контактов. Не готовы США были идти на компромисс и в вопросе о Тайване.

В 1966 г. Д. Барнетт предложил проводить политику «сдерживания без изоляции», и его поддержал тогдашний вице-президент США Х. Хэмфри. В ходе развернувшейся дискуссии в американском сенате Г. Моргентгау, признанный лидер течения «политического реализма», выступил против отказа от изоляции КНР, считая, что это не принесет ощутимых дипломатических успехов для США.

Однако он и его сторонники выступили за отказ от продолжения политики «сдерживания», аргументируя это тем, что Соединенные Штаты «более не в состоянии сдерживать влияние Китая в Азии, вооружая Таиланд и ведя военные действия во Вьетнаме...»⁶¹ Этой точке зрения противостояли взгляды умеренно консервативной группы внутри самого течения «политического реализма». Один из лидеров «умеренных», Р. Скалапино, рассматривал Китай как важный фактор революционного движения в Азии, в связи с чем, по мнению этой группы, США должны поддерживать свое военное присутствие в Азии и оказывать военную помощь всем некоммунистическим режимам, включая и Тайвань. Сторонники этой точки зрения выступали за ослабление изоляции Китая при сохранении политики его «сдерживания».

Весной 1971 г. Национальный комитет по вопросу об отношениях между Соединенными Штатами и Китаем провел в Вашингтоне конференцию, в которой участвовали представители указанных выше направлений. Выработанные рекомендации были во многом созвучны политике американской делегации в ООН, когда обсуждался вопрос об участии КНР в работе этой международной организации.

Несмотря на видимое политическое сближение Вашингтона и Пекина, многие американские историки продолжают считать нежелательным разрыв отношений с режимом на Тайване. Некоторые, как, например, Э. Фридман, полагают, что вопрос о фактическом контроле над Тайванем можно

⁶¹ См. «Asian Dilemma: United States, Japan and China. A Special Report from the Center for the Study of Democratic Institutions». Ed. by E. H. Burnell. Santa Barbara (Calif.), 1969, p. 54.

использовать как предмет торга между США и маоистами⁶².

Таким образом, политика администрации республиканцев по отношению к КНР не возникла на пустом месте и не была столь уж неожиданным поворотом. Изменению американского курса способствовала «особая позиция» Мао и его окружения. В этом же направлении действовала и огромная армия американских сиологов, которые в гораздо большей степени, чем их коллеги конца 40-х — начала 50-х годов, влияют на формирование политики США по отношению к Китаю.

Пересмотр американской стратегии на Тихом океане, предпринятый на рубеже 60—70-х годов, затрагивает не одни Соединенные Штаты. Их союзники весьма настороженно восприняли сам факт улучшения, например, американо-китайских отношений, о чем они не были даже заранее проинформированы. В этой связи Э. Рейшауэр вынужден признать, что «Япония ныне в состоянии разрабатывать свою политику (относительно Китая. — А. М.)»⁶³. С добавлением китайского фактора отношения между США и Японией, несомненно, будут осложняться и усложняться. В то же время, несмотря на общие классовые интересы в бассейне Тихого океана, в самой Японии и в США существуют самые противоположные точки зрения относительно перспектив их сотрудничества, в первую очередь в военной области.

Как отмечал американский историк Дж. Паккард III, «представления в Соединенных Штатах о Японии, как надежном и верном союзнике на Тихом океане, были потрясены до основания событиями мая и июня 1960 г.»⁶⁴, когда при решении вопроса о новом японо-американском договоре об обеспечении безопасности протесты трудящихся Японии достигли такой силы, что даже привели к отмене визита президента Эйзенхауэра в Токио. Бывший видный дипломат Дж. Эммерсон, как и большинство его коллег, признает, что одна из основных причин напряжен-

⁶² J. A. Cohen, E. Friedman, H. C. Hinton, A. S. Whiting. Taiwan and American Policy. The Dilemma in US-Chinese Relations. New York — Washington — London, 1971, p. 50—51.

⁶³ «Asian Dilemma», p. 73.

⁶⁴ G. R. Packard III. Protest in Tokyo. The Security Treaty Crisis of 1960. Princeton (N. J.), 1960.

ности в японо-американских отношениях — нежелание японской стороны терпеть диктат Соединенных Штатов⁶⁵.

Одновременно в работах американских историков замечается усиление тенденции противопоставлять американо-японским отношениям отношения Японии с КНР и СССР. Они концентрируют при этом внимание на нерешенных вопросах, разжигая националистические настроения японцев, прибегая к прямой фальсификации исторического развития этих отношений. В то же время американская буржуазная историография нацелена на сглаживание остроты американо-японских противоречий, вызванных глубокими экономическими разногласиями, присутствием американских вооруженных сил на японских островах, попытками вовлечения страны в американские военные авантюры в Азии, в частности в Индокитае. Дж. Эммерсон полагает в этой связи, что «эскалация военных действий и последовавшее увеличение использования вооруженными силами Соединенных Штатов военных баз в Японии и на Окинаве, поставило в центр внимания ее общественности отношение договора (1960 г. — А. М.) к войне, вызвало опасения, связанные с вовлечением в нее Японии, и тем самым обострило споры относительно сферы действия договора»⁶⁶. Последняя проблема — одна из наиболее острых, поскольку непосредственно с нею связан вопрос о сфере военной ответственности Японии, расширения которой стремятся добиться руководители американской внешней политики с тем, чтобы снять с себя частично это бремя в Азии.

В свою очередь правящие круги Японии, которые в современных условиях видят основным направлением своей политики в Азии укрепление экономического и политического влияния, совсем не склонны расширять военные обязательства японской стороны в рамках японо-американского союза. Именно поэтому Япония отказалась принять непосредственное участие в агрессии во Вьетнаме.

Вьетнамская война оказала глубочайшее влияние на все американское общество, став предметом общенациональной дискуссии и причиной переоценки многих ценностей. Можно сказать с уверенностью, что ни одна из

⁶⁵ J. K. Emerson. Op. cit., p. 5.

⁶⁶ Ibid., p. 84.

внешнеполитических акций американского правительства не приводила к такому глубокому расколу страны. Агрессия во Вьетнаме оказала сильное воздействие и на американскую историографию. В рамках одной статьи представляется невозможным перечислить и дать оценку даже небольшой части американской литературы о войне во Вьетнаме.

Оправдывая вмешательство США в дела Индокитая необходимостью борьбы с «агрессивным коммунизмом», официальные буржуазные историки всячески пытаются скрыть внутренние причины, вызывающие развитие революционного процесса. Их теория о «кнопочных революциях» преследовала совершенно четкие классовые установки — доказать вмешательство извне, чтобы оправдать свое собственное вмешательство в дела азиатских стран. Как писал Д. Эллсберг, предавший гласности «Документы Пентагона», «каждая неудача политической оппозиции войне ставила под сомнение правильность прежних объяснений»⁶⁷.

Глубокий кризис американской внешнеполитической линии вызвал появление в начале 60-х годов «неоревизионистского» течения в американской буржуазной историографии внешней политики, основатель которого У. Уильямс, опубликовавший в 1962 г. свою известную работу «Трагедия американской дипломатии». Впоследствии видными представителями этого направления стали Г. Колко, Н. Чомски, один из наиболее видных критиков агрессии США во Вьетнаме, Г. Алпровиц, К. Огльсби⁶⁸. Наиболее радикальные буржуазные историки совершают довольно заметную эволюцию в своих философских воззрениях. Некоторые из них приходят к принципу историзма, отвергая метод экзистенциалистской школы, признающей лишь обращение к современному материалу. Экзистенциалистская методология исследований

⁶⁷ D. Ellsberg. Papers on the War. New York, 1972, p. 11.

⁶⁸ G. Kolko. War Crimes and the Nature of the Vietnam War.— «Vietnam. History, Documents and Opinions on a Major World Crisis». Ed. by M. E. Gettleman. New York—Toronto, 1970; N. Chomsky. Destroying Laos.— «New York Review of Books», XV, July 23, 1970; G. Alperowitz, C. Oglesby. Vietnam Crucible.— «Containment and Challenge». C. Oglesby and R. Shaull (eds). Toronto, 1967. Более подробно о направлении «неоревизионизма» см. «Американская историография внешней политики США 1945—1970».

была выгодна сторонникам американской интервенции в Индокитае, которые страшились публичного рассмотрения исторических корней конфликта в этом районе. С позиций историзма, например, подошли к составлению антологии о политике США в Индокитае Марвин и Сюзан Джеттлмэн⁶⁹.

Представители так называемого либерального крыла школы «политического реализма», несмотря на свою критику войны во Вьетнаме, не идут так далеко, хотя и они не согласны с точкой зрения официальной историографии и «консерваторами», выступившими в защиту интервенции США в Индокитае. Позиция таких деятелей, как Х. Болдуин, ратовавший за посылку миллиона американских солдат во Вьетнам, подверглась аргументированной критике Г. Моргентхау, выпустившего в середине 60-х годов книгу «Вьетнам и Соединенные Штаты». Моргентхау с тревогой отмечал, что нападение на «революцию как часть глобальной антиреволюционной кампании будет иметь всемирные последствия»⁷⁰. После начала «воздушной войны» во Вьетнаме, в 1966 г., сенатский комитет по иностранным делам под председательством У. Фулбрайта, озабоченный курсом администрации Джонсона, провел слушание, в котором участвовали противники и сторонники войны. Оно широко освещалось прессой и получило большой резонанс в стране. В предисловии к опубликованным стенограммам выступлений У. Фулбрайт выразил сомнение в том, что «тотальная военная победа будет служить нашим национальным целям»⁷¹. Выступая с критикой администраций Кеннеди и Джонсона, один из авторов коллективной работы «Вашингтон планирует агрессивную войну» Р. Стэвинс также солидаризируется с тезисом Фулбрайта, заявляя, что «государство ни в малейшей степени не было заинтересовано в определении того, поставлена ли была на карту наша национальная безопасность. Постоянным для политиков США и Юго-Восточной Азии было то, что никогда не обсуждался вопрос, почему мы должны быть там»⁷².

⁶⁹ «Vietnam. History, Documents...».

⁷⁰ H. J. Morgenthau. Vietnam and the United States. Washington, 1965, p. 88.

⁷¹ «The Vietnam Hearings». With an Introduction by J. W. Fulbright. New York, 1966, p. XII.

⁷² R. Stavins, R. J. Barnett, M. G. Raskin. Washington Plans an Aggressive War. New York, 1971, p. 81.

«Пугающие недостатки» подхода США к проблемам Азии, о которых еще в 1955 г. предупреждал Э. Рейшауэр⁷³, практически не были учтены ни одной американской администрацией до конца 60-х годов. Именно это и продемонстрировала агрессия во Вьетнаме. В ее ходе со всей убедительностью было доказано несоответствие военно-политической стратегии Соединенных Штатов ни историческому этапу, ни их собственным возможностям. Это и побудило того же Э. Рейшауэра авторитетно заявить, что для США «было бы ошибкой пытаться быть полицейским всей Азии»⁷⁴.

К концу 60-х годов уже довольно значительная группа американских специалистов в области международных отношений требовала пересмотра порядка важности проблем внешней политики Соединенных Штатов. В частности, Г. Моргентау в своей последней работе «Новая внешняя политика для Соединенных Штатов», навеянной в первую очередь суровыми уроками Вьетнама, призывал восстановить «принцип избирательности в наших обязательствах...»⁷⁵ Сторонники школы «политического реализма» проявили инициативу в постановке самой проблемы. Один из ведущих американских специалистов по Азии Б. Гордон даже разработал систему трех «уровней» в рамках практического осуществления внешней политики, где первый уровень связан с событиями, затрагивающими «интересы национальной безопасности», когда правительство может решить прибегнуть к войне. Исходя из теории «баланса сил», Б. Гордон определял задачи американской политики в Юго-Восточной Азии и Европе, как «предотвращение господства одного государства», в отличие от Латинской Америки, где, по его мнению, США должны «сохранить свое господство»⁷⁶. Его классификация событий, относящихся ко второму и третьему «уровням», не предусматривает, однако, автоматического реагирования правительства США. Ко второму уровню он относит, на-

⁷³ E. O. Reischauer. *Wanted: An Asian Policy*. New York, 1955, p. 23.

⁷⁴ E. O. Reischauer. *Beyond Vietnam: The United States and Asia*. New York, 1967, p. 41.

⁷⁵ H. J. Morgethau. *A New Foreign Policy for the United States*. New York, 1971, p. 14.

⁷⁶ B. K. Gordon. *Toward Disengagement in Asia. A Strategy for American Foreign Policy*. Englewood-Cliffs (N. J.), 1969, p. 15.

пример, обострение отношений между Австралией и Индонезией из-за Западного Ириана. Обязательства США по АНЗЮС по отношению к первой он определяет как «косвенные, но особые обязательства»⁷⁷. Эта классификация весьма характерна, ибо американская сторона никогда и не признавала автоматизма в своих обязательствах по отношению к своим союзникам в Азии, в том числе и тихоокеанским государствам. Третий уровень — это события, которые США могут «игнорировать». С изрядной долей цинизма Б. Гордон замечает, что массовые репрессии демократических элементов в Индонезии, когда были уничтожены сотни тысяч людей, «не были тесно связаны с вопросом о господстве в Юго-Восточной Азии и Восточной Азии в целом»⁷⁸. В основном рекомендации Б. Гордона исходят из необходимости ликвидации военной конфронтации в Азии и снижения уровня американского военного присутствия в бассейне Тихого океана.

Д. Брэндон, профессор университета в Сан-Франциско, претендующий на независимость в споре «идеалистов» и «реалистов» и проповедующий возврат к идеалам «отцов-основателей» и их «великой традиции», считает, что все средства внешней политики — дипломатические, военные, экономические и политические — должны использоваться для «защиты» Азии и Дальнего Востока⁷⁹. Его идеалы близки целой группе историков и политологов, таких, как Р. Батуэлл, Б. Фолл, Р. Сильяно, Д. Хальберштам, М. Браун, А. Доммен и Ф. Грини.

Их постановка вопроса в такой достаточно тривиальной плоскости не должна вызывать особого удивления, если учитывать заметное оживление тенденций «неоизоляционизма», наступившее в результате неудач американской политики в Азии. Р. Скалапино, сам не разделяющий убеждений «неоизоляционистов», считает, что изоляционистские настроения усилились в Соединенных Штатах частично в результате разочарований, связанных с «ограниченными войнами в Корее и Вьетнаме, а частично в результате всеобщей усталости, вызываемой всемирными кризисами, критикой со стороны остального мира, и под влиянием необходимости срочного решения первоочеред-

⁷⁷ Ibid., p. 23.

⁷⁸ Ibid., p. 16—17.

⁷⁹ D. Brendon. American Foreign Policy Beyond Utopianism and Realism. New York, 1966, p. 229.

ных задач, связанных с достижением внутренней революционной своей наивысшей точки»⁸⁰.

Противники «неоизоляционизма», о которых речь шла выше, настаивают на комплексном подходе США к решению вопросов внешней политики, на активизации их роли, но не путем выделения чисто военного элемента. Монография Ф. Грини «Политика США и безопасность в Азии» представляет собой одну из самых заметных в этом отношении работ⁸¹. Тот факт, что она издана под эгидой Совета по вопросам международных отношений, говорит о многом, так как работа последнего финансируется Фордом, Рокфеллерами и другими крупными корпорациями. В совете организована специальная группа, занимающаяся изучением американской помощи Бирме, Таиланду, Южному Вьетнаму и Тайваню. Другая группа совета изучает вопросы государственного управления в молодых независимых странах. В начале 60-х годов в рамках совета был создан специальный комитет, возглавленный А. Даллесом, для подготовки серии монографий по Китаю. К настоящему времени уже вышло восемь томов из указанной серии. В пропорциональном отношении, начиная с 1966 г., Китаю было посвящено столько же работ, созданных под эгидой совета, сколько их вышло по проблемам Африки, Латинской Америки и Европы, вместе взятых. Эта количественная статистика говорит, что переориентация китайской политики США подготавливалась давно и планомерно. Один из известных американских специалистов по Азии Л. Пай считает, что Ф. Грини удалось преодолеть ограниченность методики прежних исследований, которые, по его мнению, рассматривали политику США в Азии, «концентрируя внимание на проблемах Индии, Юго-Восточной Азии и Японии, уделяя незначительное внимание динамике внутреннего развития коммунистического Китая»⁸².

Хотя работа Ф. Грини посвящена рассмотрению азиатских проблем во внешней политике США, ее главная задача состоит в определении наиболее рационального метода достижения главных политических целей. Не случайно трактовка проблемы «безопасности», под которой он

⁸⁰ R. Scalapino. American Foreign Policy in East Asia.— «Australian Outlook», December 1968, p. 269.

⁸¹ F. Greene. US Policy and the Security of Asia. New York, 1968

⁸² Предисловие Л. Пайя к кн. F. Greene. Op. cit., p. IX.

понимает в первую очередь военную политику США, не ограничивается чисто военными аспектами проблемы. Взгляды Ф. Грини почти идентичны в этом отношении взглядам Р. Макнамары, который писал в том же году, что старые представления о «безопасности», исходящие из того, что ее «создает в первую очередь чисто военный ингредиент», носят ограниченный характер. «Решающий фактор для каждой нации, уже достаточно вооруженной,— писал Р. Макнамара,— это характер ее взаимоотношений, которые сохраняют ее собственную внутреннюю безопасность»⁸³. Ф. Грини также исходит из более широкой концепции определения «безопасности», полагая, что применение одной военной силы в Азии не в состоянии обеспечить интересов США. Как «реалист», Грини считает поддержание «баланса сил стратегической целью США в Азии»⁸⁴. Но он призывает дополнить «политику по обеспечению безопасности политической и дипломатической инициативой»⁸⁵. Эти настроения, однако, мирно уживаются с его положительной оценкой роли военных блоков в Азии, а также с его убежденностью в том, что «безопасность Азии основывается на американских гарантиях» и что поэтому там по-прежнему существует острая необходимость в американском военном присутствии, «включающем в себя как обычные, так и ядерные силы»⁸⁶.

Одна из проблем, которая привлекает к себе, особенно в последнее время, внимание американских международныхников,— проблема взаимоотношений США с их союзниками в Азии. Так, например, У. Джонстон, рассматривая их историю, заключает, что «для Азии, возможно, ключевая проблема состоит в выяснении, кто наши подлинные «клиенты»⁸⁷. Этот вопрос также возник не случайно, так как примерно через год тот же У. Джонстон признал, что военно-политические союзы с Южной Кореей, Тайванем, Филиппинами и Таиландом принесли «разочаровывающие маленькие результаты»⁸⁸. Однако, если позиция У. Джонстона до определенной степени тяготеет к «изоляциялиз-

⁸³ R. McNamara. The Essence of Security. Reflections in Office. New York, 1968, p. 142, 144.

⁸⁴ F. Greene. Op. cit., p. 356.

⁸⁵ Ibid., p. 32.

⁸⁶ Ibid., p. 171.

⁸⁷ «Current History», August 1969, p. 116.

⁸⁸ «Current History», April 1970, p. 195.

ну», то Ф. Грини, стоящий ближе к официальной точке зрения, исходит из необходимости положить конец иждивенческим настроениям союзников США в Азии.

Военные соображения в значительной степени определяют отношение США и их буржуазной исторической науки к проблемам регионализма на Тихом океане. Приветствуя укрепление регионального сотрудничества государств Тихоокеанского бассейна, идеологи американской внешней политики стремятся использовать этот естественный процесс в интересах своей военно-политической стратегии. Р. Батуэлл откровенно надеется, что, например, АСЕАН «со временем может стать чисто азиатским наследником СЕАТО», а страны-участницы АЗПАК, с оптимизмом добавляет он, «все настроены против коммунизма и стремятся укрепить связи между собой, надеясь стабилизировать тем самым положение в широком восточноазиатско-тихоокеанском районе»⁸⁹. Америкапская буржуазная историография стремится противопоставить идею регионализма солидарности стран Азии в борьбе с империализмом и неокOLONиализмом. Не случайно Э. Рейшауэр с таким пылом нападает на движение азиатской солидарности, объявляя его «пустым звуком». Тенденция к региональному экономическому и политическому сотрудничеству государств Азии с примерно одинаковыми уровнями социально-экономического и политического развития облегчит, по его мнению, их переход к системе «демократии» (так он именуется капиталистическую систему). В результате, считает Э. Рейшауэр, «волна коммунизма пронесется не задерживаясь над всем этим районом»⁹⁰. Такова основная классовая направленность буржуазной историографии в оценке и подходе к глубочайшим изменениям, происходящим в странах Тихоокеанского бассейна.

Обстановка, сложившаяся к началу 70-х годов в указанном регионе, вынудила американские правящие круги приступить к пересмотру тихоокеанской военно-политической стратегии, к снижению уровня своего военного присутствия и обязательств по отношению к своим союзникам. Американская буржуазная историография всячески подчеркивает ограниченный характер намерений США,

⁸⁹ R. Butwell. Southeast Asia Today and Tomorrow, p. 185.

⁹⁰ E. Reischauer. Beyond Vietnam, p. 182—183.

причем некоторые ее представители считают, что эта новая стратегия, нашедшая выражение в «доктрине Никсона»⁹¹, будет иметь ограниченный применение. Так, например, Р. Батуэлл в порядке полемического спора считает необходимым разделить Юго-Восточную Азию на две сферы: островную и материковую, поскольку, по его мнению, именно в последней эта доктрина «будет подвергаться проверке еще многие годы»⁹². Это связано, по его мнению, в первую очередь с тем, что революционные процессы в странах «материковой сферы» отличаются более широким размахом и организованностью, и поэтому здесь больше вероятность применения американской военной силы.

Американские историки и политологи единодушны в том, что появление на свет «доктрины Никсона» было вызвано тремя основными факторами, а именно, уроками войны во Вьетнаме, победой в Китае маоистской группировки, политика которой нанесла серьезный ущерб советско-китайским отношениям и отрицательно влияла на развитие антиимпериалистической борьбы в Азии, а также обострением внутренних противоречий в Соединенных Штатах⁹³. Тем не менее основной лейтмотив американской буржуазной историографии в оценке любых зигзагов политики США в бассейне Тихого океана в убедительной манере выражен Д. Барнеттом, который заявил, что «Соединенные Штаты могут и должны сохранять вызывающие доверие силы ядерного сдерживания в этом районе, полагаясь главным образом на военный флот. Они могут и должны сохранять некоторые базы, чтобы содействовать укреплению безопасности в указанном районе. Они могут и должны помогать азиатским государствам сохранять способность применять обычные вооруженные силы в этом

⁹¹ Впервые ее принципы были изложены президентом Никсоном 25 июля 1969 г. в выступлении на о. Гуам. В двух посланиях конгрессу, 18 февраля 1970 г. и 25 февраля 1971 г., президент подчеркнул необходимость для союзников США больше опираться на свои силы; он заявил, что США более не будут участвовать в войне типа войны во Вьетнаме, но что они будут соблюдать старые обязательства и будут продолжать защищать своих союзников от ядерного нападения.

⁹² R. Butwell. The Nixon Doctrine in Southeast Asia.— «Current History», December 1971, p. 326.

⁹³ A. D. Barnett. A New U. S. Policy Toward China. Washington (D. C.), 1971, p. 38.

районе и в том случае, когда будут недвусмысленно затронуты наши жизненно важные интересы»⁹⁴. В этой связи вряд ли можно согласиться с мнением одного из критиков «доктрины Никсона» Райвенолом, который считает, что с ее появлением «поставлены под сомнение все без исключения» американские обязательства⁹⁵.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что американская буржуазная литература по истории международных отношений на Тихом океане претерпела глубокие и заметные эволюционные изменения с окончания второй мировой войны до настоящего времени. Международники США, оставаясь на позициях своего класса, тем не менее разошлись в оценке факторов и сил, определяющих положение в этом районе земного шара. Лишь немногие из них продолжают придерживаться старых, опрокинутых жизнью канонов и догм «холодной войны». Их подавляющая часть занята поиском решений, которые наилучшим образом соответствовали бы условиям современного мира с точки зрения достижения классовых целей внешней политики США в Азии.

Отмеченная эволюция американской историографии — это прежде всего результат кризиса прежнего курса США периода «холодной войны». В условиях наступившей разрядки, знаменовавшей исторически неизбежное изменение соотношения сил в пользу социализма и мира, буржуазные ученые вынуждены предлагать новые концепции и трактовки, которые в большей или меньшей степени, но соответствовали бы истинному положению вещей.

Острая полемика о будущем и прошлом курсе США в Азии отражает борьбу тех, кто стремится поддержать курс на мирную разрядку, и тех, кто по-прежнему считает применение силы главным аргументом. Однако несомненно, «монохромность», присущая американской историографии до начала второй половины 50-х годов, сменилась «полицентризмом» мнений, вызванным к жизни глубокими потрясениями и неудачами внешней политики Соединенных Штатов в бассейне Тихого океана после второй мировой войны.

⁹⁴ *A. D. Barnett. Op. cit., p. 62.*

⁹⁵ Цит. по: «*Current History*», November 1971, p. 271.

МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Б. И. МАРУШКИН

Важнейшая особенность происходящих на международной арене позитивных сдвигов — все большее утверждение ленинского принципа мирного сосуществования как основы взаимоотношений государств с различным строем. Это историческое по своему характеру и последствиям достижение миролюбивых сил не пришло само собой. Оно — результат укрепления позиций мировой системы социализма, активной, целеустремленной политики Советского Союза, других стран социалистического содружества. На пути развития позитивного сотрудничества на международной арене приходилось и приходится преодолевать упорное сопротивление реакционных, империалистических и экстремистско-ревизионистских кругов, стремящихся восстановить атмосферу враждебной конфронтации, «холодной войны».

Для Советского Союза провозглашение идеи мирного сосуществования — не тактический прием, а фундаментальное теоретическое и практическое положение, вытекающее из характера социалистической системы, не заинтересованной в войнах. На протяжении всей своей истории СССР неустанно борется за прочный мир и безопасность народов. Для капиталистических стран переход к признанию принципов мирного сосуществования — следствие длительной эволюции отношения к возникшей в результате Великого Октября новой общественно-экономической системе — от политики ее «непризнания» до реалистической констатации сложившегося соотношения сил и последовавших практических выводов. Известно, что лишь полный провал военных и экономических методов стратегии «уничтожения коммунизма» привел к постепенному возрастанию элементов политического реализма в западных столицах. И в этом есть своя историческая логика.

«Известное изречение гласит, — подчеркивал В. И. Ленин, — что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они наверное опровергались бы»¹. Тем более, когда речь идет о концепции мирного сосуществования, затрагивающей интересы целых классов. Не случайно усилиями буржуазной историографии вокруг этой концепции была создана целая мифология относительно «истинных намерений Кремля», искажающая характер и мотивы советской внешней политики. Несмотря на свою полную иллюзорность, эта система идеологических мифов осложняла решение и без того сложных проблем, служила своего рода инерционным тормозом против развития конструктивных тенденций в международных отношениях. Морализировать по этому поводу вряд ли имеет смысл. Достаточно фиксировать факты, как они есть.

«Мир — народам!» — под таким лозунгом в разгар первой мировой войны родился новый общественный строй, считающий избавление человечества от войны своей исторической миссией. Не случайно первым внешнеполитическим актом Советского государства стал Декрет о мире, объявивший агрессивную войну «величайшим преступлением против человечества»². Советское правительство обратилось к народам и правительствам всех участвовавших в империалистической войне стран с призывом заключить справедливый мир. Таков был с самого начала подход советской стороны к проблеме взаимоотношений с внешним миром. Он не только не исключал, но и предполагал установление мирных и равноправных отношений с другими странами.

Иной была позиция капиталистического мира. Первоначально сама мысль о сосуществовании начисто отвергалась идеологами буржуазии. Империалистическая реакция сделала все, чтобы задушить социалистическую революцию. По словам американского историка В. Вильямса, политика Вашингтона в первые годы после Октябрьской революции заключалась в следующем: «1) пока большевики остаются у власти, Соединенные Штаты будут отказываться от установления нормальных отношений и ни при каких обстоятельствах не признают правительство Ленина; 2) Вашингтон сделает все, что в его силах, для под-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 17.

² «Документы внешней политики СССР», т. 1. М., 1957, стр. 12.

держки любого серьезного и консервативного лидера или группы, ставящих своей целью уничтожение Советского правительства»³. Практические действия правящих кругов капиталистических держав свелись к антисоветской интервенции, экономической блокаде, политике «непризнания» (для США длившейся до 1933 г.).

Эти и подобные факты хорошо известны. И тем не менее в мифологических построениях вокруг проблемы мирного сосуществования центральное место занял миф о «советской угрозе», ставший главным идейным обоснованием политики шантажа и давления на СССР, организации антикоммунистических «крестовых походов», нагнетания международной напряженности, гонки вооружений. Эта железобетонная догма антикоммунизма была и остается одним из основных «аргументов» реакции против нормализации отношений между системами. Характерно, что время от времени легенда о «советском экспансионизме» пускается в ход международной реакцией. Естественно, что под влиянием меняющихся условий архаичная легенда о «советской угрозе» модернизируется в сторону большего подчеркивания идеологических аспектов «угрозы».

Собственно говоря, миф о «советской угрозе» представлял собой подобие лакмусовой бумажки, позволяющей определить место того или иного исторического сочинения в политическом спектре буржуазной исторической науки. Иными словами, на крайнем правом фланге находится тот сектор буржуазной историографии, который является приемником и хранителем концептуального груза, накопленного в периоды наибольшего обострения отношений между двумя системами. Храня в своем арсенале догму о «коммунистической угрозе», эта группа также сохраняет в широком смысле слова, традиции консервативных кругов в буржуазной исторической науке, неизменно выступавших против прогрессивных сил и движений в истории. Пожалуй, наиболее типична для этой группы точка зрения западных советологов, опубликовавших в 1974 г. коллективную статью «Оценка разрядки» в журнале «Сэрвей». В данной статье выдвинут тезис, что международная разрядка-де более выгодна Советскому Союзу, поскольку

³ W. Williams. American-Russian Relations. 1781—1947. New York, 1952, p. 105.

ку ее конечным результатом будет «несомненный сдвиг баланса сил в пользу СССР»⁴. Со своей стороны, профессор Гарвардского университета Р. Вернон утверждает: «выгоды от разрядки, включая экономические выгоды, будут, возможно, разделены неравным образом», давая понять, что это неравенство будет не в пользу Запада⁵.

Эта политическая позиция по-разному проявляется в исторических сочинениях этой группы, которую можно охарактеризовать как догматическую. Для нее показательно подчеркивание исторической неизбежности «холодной войны», которая изменяется-де лишь в степени интенсивности. В сущности, позиция этой группы догматиков не изменилась и сводится к тому, что «холодная война» была решительным ответом «свободных стран» на «коммунистическую агрессию».

Для доказательства этого тенденциозного вывода применяются комбинированные усилия представителей различных теорий международных отношений. Так, геополитики пытаются подкрепить положение об «агрессивности СССР» ссылками на его географическое положение и вытекающие будто бы отсюда «имперские амбиции». Сторонники теории преобладания идеологических мотивов во внешней политике пытаются отыскать истоки «коммунистической агрессивности» в якобы присущих марксизму-ленинизму экспансии и экспансионизму. Собственно «историческим» обоснованием тезиса о «коммунистической угрозе» служила так называемая теория преемственности между политикой царской России и политикой СССР. Ее появление было обусловлено стремлением идеологической машины империализма дать ответ на широкое распространение идей марксизма-ленинизма после второй мировой войны, образовании социалистического лагеря, усилении международного влияния и престижа СССР. Путем ассоциирования СССР с царской Россией буржуазные теоретики пытались не только дискредитировать советский социалистический строй, но и изобразить процесс роста сил социализма как результат «экспансионистской политики»

⁴ «Détente: An Evaluation».— «Survey», vol. 20, N 2/3, Spring—Summer, 1974, p. 3.

⁵ R. Vernon. Apparatchiks and Entrepreneurs: U. S.—Soviet Relations.— «Foreign Affairs», January 1974, p. 249.

СССР, якобы продолжающего экспансионистские традиции царизма.

Как отмечал американский советолог Г. Робертс, идея «преемственности» получила на Западе нездоровую популярность как «искусная формула, предназначенная для того, чтобы избежать серьезного размышления». К методу «преемственности» прибег, например, Л. Фишер, утверждавший, что Советский Союз в своей внешней политике следовал «тем же руслом», что и царская империя⁶.

О «традиционных устремлениях» СССР во внешнеполитических вопросах писал А. Клейман⁷. Наконец, З. Бжезинский подчеркивал «географическое соперничество» между СССР и США как великими державами⁸.

Другим коньком «догматической школы» была легенда о «коренной противоположности» между Востоком и Западом. При этом действительную противоположность двух общественно-политических систем (социализма и капитализма) она подменяла надуманной противоположностью Запада и Востока. Отсюда рассуждения о «принадлежности» России Востоку (в лучшем случае отдаленной окраине «цивилизованного западного мира»), об «исконных экспансионистских и агрессивных устремлениях» русского народа, об отсутствии в России в прошлом, и тем более в настоящем, демократических свобод и институтов, о противоположности «российской автократии» «западной демократии». Философия истории темы о коренной противоположности, «извечном антагонизме» России и Запада имела яркую идеологическую и политическую подоплеку: ею вдохновлялась идея «атлантической солидарности», «идея НАТО» и т. д.

Профессор университета штата Вашингтон К. Витфогель расширил рамки «внеевропеизма» русской истории. Русское общество, писал К. Витфогель, возникло под воздействием двух восточных влияний — Византии и монголов. Россия — это Восток, а не Запад, заключал К. Витфогель, поэтому в ней и не могла укрепиться демократия европейского типа. Русская история — «это поле вековой

⁶ L. Fischer. *Russia's Road from Peace to War*. New York, 1969, p. 456.

⁷ A. Klieman. *Soviet Russia and the Middle East*. Baltimore, 1970, p. 1.

⁸ Z. Brzezinski. *How the Cold War was Played*. — «Foreign Affairs», October 1973.

борьбы между восточным деспотизмом и свободным обществом»⁹. Подобные утверждения служили своеобразным «историческим обоснованием» доктрин «отбрасывания» коммунизма или «освобождения» от него, прикрывавших агрессивные замыслы империализма рассуждениями о защите «демократии» от «деспотизма».

Сторонники «внеевропеизма» русской истории в буржуазной историографии (от Л. Ранке до современных западногерманских «остфоршеров») опирались, в частности, на вывод о «врожденной отсталости» России. В переведенной с немецкого и изданной в Нью-Йорке книге В. Келлера под демонстративным заголовком «Восток минус Запад=нулю» утверждалось, например, что русские-де с самого начала своей истории проявляли неспособность к научному и техническому прогрессу и были вынуждены заимствовать знания у Запада. Впрочем, после советских успехов в освоении космоса подобным вымыслам придается мало веры. Даже переводчик книги Келлера на английский язык охарактеризовал ее как дань «холодной войне»¹⁰.

Легенда о коренной противоположности и враждебности России и Запада рушится при элементарном сопоставлении с фактами. Ведь не могут же историки не знать, что страна-«антагонист» неоднократно спасала европейскую цивилизацию, в частности и от такой (явно «западного» происхождения) угрозы, как германский и итальянский фашизм. Исследователи русской литературы и искусства, например, не в силах втиснуть свой предмет в тесные рамки азиатской схемы. Кому принадлежат Толстой, Чехов, Достоевский, русский балет, живопись, музыка? Востоку или Западу? Надуманность схемы здесь настолько очевидна, что в подробной аргументации нет даже смысла.

Показательно, что английский историк П. Дьюкс в книге «Россия и революции XVIII в.» (Лондон, 1971) выступил против попыток «исключить» Россию из европейской истории. Как подчеркивает П. Дьюкс, многие вопросы европейской политики невозможно понять без учета роли России. В многочисленных исследованиях

⁹ K. Wittfogel. *Russia and the East.*— «The Development of the USSR». Ed. by D. Treadgold. Seattle, 1964, p. 339.

¹⁰ W. Keller. *East minus West=Zero.* New York, 1962, p. 7.

историков-марксистов на конкретном материале выявлено единство всемирно-исторического процесса, доказано, что, как бы ни были специфичны условия в разных странах, социальное развитие повсюду подчинено общим законам. При всех особенностях России ее историческое развитие входит составной частью во всемирно-исторический процесс. Все основные исторические закономерности проявлялись как в истории Запада, так и в истории России.

Подменяя марксизм-ленинизм троцкизмом и маоизмом, антикоммунистические идеологи искаженно трактовали историческую роль Советского Союза и характер его внешней политики, приписывая ему стремление распространить социализм во всем мире посредством вмешательства во внутренние дела других народов, путем «экспорта революции». Еще в 60-е годы об этом писали А. Горелик и М. Раш¹¹. Э. Гудмэн в книге «Советский план мирового господства» для пущей убедительности прибег к нехитрому приему: уверенность советских людей в исторической неизбежности смены социально-экономических формаций выдавалась им за некий «зловещий план завоевания глобальной гегемонии»¹².

Выводы, которые делались из этих мнимо научных интерпретаций, широко используются противниками разрядки до сих пор. Мирное сосуществование объявляется представителями догматического крыла в буржуазной историографии в лучшем случае утопией, а «холодная война» «смелым и значительным ответом свободных людей на коммунистическую агрессию». Рассуждая относительно «опасного состояния» современных международных отношений, известный лидер американских «ультра» Б. Голдуотер заявил, что поскольку СССР — «агрессивное» государство, от него нельзя ожидать никакого «смягчения» отношений, уступчивости. Закостеневшие в атмосфере «холодной войны» политики упорно рекомендуют сохранение привычной конфронтации. «Я вижу,— писал Ч. Болен в своих мемуарах,— очень немного, что могут сделать США, кроме продолжения политики, которой в общем следовали со времени второй мировой войны. Это прежде всего сохранение достаточно сильной обороны...

¹¹ A. Horelick, M. Rugh. Strategic Power and Soviet Foreign Policy. Chicago, 1966, p. 10.

¹² E. Goodman. The Soviet Design by a World State. New York, 1960.

Я не думаю, что мы можем ожидать спокойного мира, пока Советский Союз остается таким, каков он есть¹³.

Можно с удовлетворением констатировать, что миф об «агрессивности СССР» отвергается политиками-реалистами на Западе, благоразумно игнорирующими советы лиц, утративших контакт с реальностью. Но, главное, он отвергается конкретными фактами, свидетельствующими, что Великая Октябрьская революция, уничтожив строй социальной несправедливости, провозгласила принципы мира и дружбы между народами, открыла новую эру в истории международных отношений. Вопреки идейкам о «преимуществах», Советское государство решительно отвергло в международных отношениях все, что зиждется на насилии, захвате. Оно решительно провозгласило принципы добрососедских отношений и равноправных экономических связей со всеми странами мира.

С первых лет своего существования СССР выступает за мир, против империализма и империалистических войн, с принципиальным осуждением всякой агрессии, колониализма, любого захвата чужих земель и порабощения другого народа, вмешательства во внутренние дела других стран, за право каждой нации на самоопределение, т. е. предоставление ей возможности самой определять свою судьбу и вести революционную борьбу за социальное и национальное освобождение. Во внешнеполитической практике Советского государства, других социалистических стран сбылось предвидение К. Маркса о создании общества, «международным принципом которого будет — мир, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — труд!»¹⁴

Вопреки утверждениям антикоммунистов, Советский Союз не занимается «экспортом революции». Согласно основным положениям марксистско-ленинской теории, революции являются результатом развития в стране классовой борьбы и не делаются «по заказу», тем более «по заказу» из-за рубежа. Такого рода бланкистскую, лево-авантюристическую тактику марксизм всегда решительно осуждал. Отвергая «экспорт революции», Советский Союз твердо отвергает и экспорт контрреволюции.

¹³ Ch. Bohlen. Witness to History 1929—1963. New York, 1972.

¹⁴ К. Маркс. Первое воззвание Генерального Совета Международного товарищества рабочих о франко-прусской войне. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, стр. 5.

Характерно, что в среде буржуазных исследователей международных отношений учащаются выступления против мифа о «советском экспансионизме». Известные американские историки (Д. Флеминг, В. Вильямс, Л. Гарднер, Г. Колко и др.) на обширном историческом материале показали, что легенда о «коммунистической угрозе» была использована правящими кругами Соединенных Штатов для оправдания собственного курса. «Администрация, — констатируют Д. и Г. Колко, — многократно использовала «угрозу» коммунизма, чтобы замаскировать послевоенную американскую экспансию в Европе и во всем мире»¹⁵.

Мифология, противопоставленная принципу мирного существования, построена, таким образом, на песке.

* * *

До недавнего времени духовные наследники организаторов вооруженной интервенции против Советской России — «ультра» в области общественных наук — активно выступали против мирного сосуществования, отвергая его, так сказать, «с порога». Такое резкое отрицание содержалось в вышедшей в 1965 г. книге К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия». «Возможность мирного сосуществования наций, которые населяют этот мир», — говорилось в ней, предполагает некие внутренние перемены в социалистических странах, т. е. пресловутую «эволюцию» социализма¹⁶. Специалисты Центра стратегических исследований Джорджтаунского университета заявляли с не меньшей категоричностью: между социалистическими и капиталистическими странами не может быть «действительного сосуществования. Конфронтация абсолютна»¹⁷.

Однако более гибкие буржуазные идеологи предостерегают, сколь пагубно сохранять дискредитированные лозунги и идти вразрез с общими требованиями. Успехи политики мирного сосуществования, ее растущая популярность превращают слишком откровенные наскоки на

¹⁵ *J. and G. Kolko. The Limits of Power. The World and United States Foreign Policy, 1945—1954. New York, 1972, p. 650.*

¹⁶ *C. Friedrich, Z. Brzezinski. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge (Mass.), 1966, p. XI—XII.*

¹⁷ «Peace and War in Modern Age». Ed. by F. Barnett, W. Mott, J. Neff. New York, 1965, p. 28.

этот принцип в своеобразный бумеранг. Заблаговременно приспособившись к изменяющейся ситуации, признавая даже, что мирное сосуществование — «неплохая идея», антикоммунисты уже давно пытаются дискредитировать политику мирного сосуществования с помощью мнимых «теоретических», «научных» доводов. Конечно, и здесь идеологи буржуазии находятся в нелегком положении. Концепция мирного сосуществования научно обоснована, она опирается на огромный исторический опыт человечества. Противники мирного сосуществования поэтому прибегают к макиавеллевскому приему — к попытке «отлучить» концепцию мирного сосуществования от марксизма-ленинизма, объявить ее в корне противоречащей марксистско-ленинской теории.

Такой подход, демонстрируемый, кстати сказать, и «левыми» ревизионистами, все более берется на вооружение антикоммунизмом. Г. Маркузе в труде «Советский марксизм»¹⁸⁻¹⁹ прямо смыкается с маоистами, говоря, что мирное сосуществование — «аномальная ситуация» с точки зрения марксизма-ленинизма, а ее выдвижение — это переосмотр, «ревизия» теории. Буржуазные политологи явно стремятся оторвать идею мирного сосуществования от имени В. И. Ленина.

Эта позиция говорит о нежелании буржуазных идеологов считаться с историческими фактами, с работами классиков марксизма-ленинизма. Известно, что мирное сосуществование есть прямой вывод из ленинской теории социалистической революции. Неравномерность развития мировой социалистической революции, закономерность ее победы первоначально в немногих или в одной, отдельно взятой, стране означает, писал В. И. Ленин, что «остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»²⁰. Следовательно, эпоха социальной революции пролетариата неизбежно предполагает сосуществование двух систем. Успехи мирного сосуществования зависят от соотношения классовых и политических сил на международной арене. Агрессивным внешнеполитическим тенденциям империализма противостоят миролюбивые внешнеполитические тенденции, отстаиваемые социалистическими странами, всеми прогрессивными силами мира.

¹⁸⁻¹⁹ Н. Marcuse. The Soviet Marxism. New York, 1958.

²⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 133.

В 1919 г., в разгар военной интервенции капиталистических держав против Советского государства, В. И. Ленин предвидел новую историческую полосу, целый период, «когда будут существовать рядом социалистические и капиталистические государства»²¹. Последующее развитие событий показало правильность внешнеполитической концепции В. И. Ленина, Коммунистической партии Советского Союза.

Стремление «отлучить» принцип мирного сосуществования от марксизма-ленинизма составляет лишь одну сторону приема, к которому прибегают противники разрядки. Другая сторона включает попытки противопоставить принцип мирного сосуществования принципу пролетарского интернационализма. Здесь антикоммунисты фактически блокируются с маоистами в измышлениях о внешнеполитической линии КПСС. Во внешнеполитическом курсе КПСС, утверждал Дж. Армстронг, фактически исчезла «прежняя преданность мировой революции. На ее месте укрепилась догма... о необходимости следовать желаниям СССР, принять его контроль в виду того, что он сильная мировая держава»²². В последнее время, подчеркивал другой американский специалист, Д. Лукас, тенденцией советской внешней политики был «скорее национализм, чем интернационализм»²³.

Профессор Пенсильванского университета В. Аспатуриан также стремился доказать, что Советский Союз «утратил революционность», превратился в «зрелую глобальную державу». Утверждение об «утрате революционности» и переходе к «традиционным целям великой державы» во внешней политике понадобились Аспатуриану, чтобы как-то подкрепить обвинения в «отказе» СССР от пролетарского интернационализма. Любопытно, что Аспатуриан прямо ссылался на пекинскую пропаганду, заявляя, что «в некоторых отношениях советское поведение соответствует (?! — *Б. М.*) китайским обвинениям»²⁴.

Жизнь отбрасывает подобные домыслы. Исторический опыт Советского государства свидетельствует, что нацио-

²¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 197.

²² T. Armstrong. The Politics of Totalitarianism. New York, 1961, p. 346.

²³ T. Lukas. A History of the Cold War. New York, 1962, p. 252.

²⁴ V. Aspaturian. Moscow's Foreign Policy.— «Survey», October 1967, p. 45, 58.

нальное и интернациональное во внешней политике Советской страны были и есть неразделимы. С момента своего рождения Советская республика ставила своей главной задачей всемерную поддержку и помощь революционной борьбе трудящихся, защиту их действий и завоеваний от империализма. Обеспечение максимально благоприятных условий для осуществления социалистических преобразований в стране, являющейся важнейшей базой мирового революционного процесса, только способствовало выполнению этой задачи, а никоим образом не противоречило ей.

Интернационализм, международная классовая солидарность рассматривались Лениным как основа внешней политики Советской власти. Согласно заявлению Советского правительства в ноябре 1918 г.: «В основу истинного мира народов могут лечь только те принципы, которые соответствуют братским отношениям между трудящимися всех стран и наций и которые были провозглашены Октябрьской революцией и отстаивались русской делегацией в Бресте»²⁵. Внешнеполитическая деятельность Советского правительства находится в полном соответствии с закономерностями исторического процесса, национальными интересами народов СССР и интернациональными интересами трудящихся классов разных стран. Советское государство с самого начала провозгласило в качестве принципов своей внешней политики интернационализм в отношениях с народами, ведущими борьбу против империализма и колониализма, и мирное сосуществование в отношениях с капиталистическими странами. Между этими принципами нет никакого противоречия. «Отстаивая принципы мирного сосуществования, — отметил в своей речи на Всемирном конгрессе миролюбивых сил Л. И. Брежнев, — мы боремся за то, что дороже всего миллиардам людей на земле: за право на саму жизнь, за избавление от опасности ее уничтожения в пламени войны. Одновременно тем самым мы боремся и за обеспечение благоприятных международных условий для продвижения вперед дела социального прогресса всех стран и народов»²⁶.

Следующий «аргумент» антикоммунистических идеологов против политики мирного сосуществования сводился

²⁵ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 566.

²⁶ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. IV. М., 1974, стр. 336.

к объявлению ее вынужденной, якобы не обусловленной объективными факторами. «Теория мирного сосуществования родилась от отчаяния», — писал Э. Гудмэн²⁷. По утверждению Ф. Баргхорна, борьба Советской власти за мир в первые годы после Октября отражала лишь необходимость самозащиты «слабого государства перед лицом сильных внешних и внутренних врагов»²⁸.

Мирное сосуществование, утверждают реакционные идеологи, — изобретение позднейшего периода, рассчитанное на то, чтобы обмануть западные страны. Довольно часто в их работах проявляется излюбленный мотив противников мирного сосуществования — рассуждения о «нестабильности» советской внешней политики. Так, во втором издании своей книги, вышедшем в 1974 г., А. Улам заявляет, что разрядка — это-де тактический прием²⁹. По утверждению авторов отмеченной выше коллективной статьи в журнале «Сэрвей», разрядка означает только перемену методов: «прямой конфликт уступает место непрямым формам борьбы с использованием невоенных форм, провозглашаемых «идеологическими»³⁰. Такова пропагандистская цель и других интерпретаций, развивающих данную тему, независимо от того, основываются ли они на противопоставлении «тоталитаризма» и «демократии» или на обвинениях в «ревизии» марксизма.

В свете вышесказанных исторических фактов утверждение о «нестабильности советского курса на мирное сосуществование» может вызвать лишь недоумение. К тому же, выдвигая идею мирного сосуществования, марксисты-ленинцы никогда не говорили о прекращении «во имя мира» классового противоборства на международной арене. Классовая борьба между капитализмом и социализмом — закон общественного развития, отменить который не в состоянии никто. Однако для человечества безразлично, какие формы примет это исторически неизбежное противоборство. Речь идет о введении принципиального противоборства между системами в русло неконфронтационного экономического соревнования и идеологической борьбы при

²⁷ E. Goodman. Op. cit., p. 164.

²⁸ F. Barghoorn. Soviet Foreign Propaganda. Princeton, 1964, p. 86.

²⁹ A. Ulam. Expansion and Coexistence: Soviet Foreign Policy. 1917—1973. New York, 1974.

³⁰ «Détente: An Evaluation», p. 1.

соблюдении принципов мирного сосуществования, что полностью соответствует объективным процессам общественного развития и коренным интересам народов мира.

Отказ от вооруженной борьбы между системами открывает новые большие возможности для демонстрации преимуществ наиболее прогрессивной из них, что, несомненно, облегчает народам проблему выбора. Однако такая постановка вопроса логически предполагает развитие идейной борьбы за завоевание поддержки масс, отстаивание соответствующих ценностей и идеалов. Будучи важным принципом в отношениях между государствами, мирное сосуществование таким образом не распространяется на область идеологии.

Когда некоторые защитники политики конфронтации объявляют отказ от идейной борьбы главным предварительным условием разрядки, они не только выражают неверие в способность капитализма «выжить» в условиях мирного соревнования с социализмом, но и по сути дела отказываются от другой альтернативы, кроме конфронтации. Отмечая опасность подобной позиции, американский политолог подчеркивал: «Если мы будем подходить к разногласиям с коммунистами в агрессивном духе крестовцев, каждая небольшая ссора между Востоком и Западом сможет перерасти в битву до победного конца... В отличие от крестовых походов прошлого, любая наша попытка покарать язычников может окончиться ядерным истреблением»³¹.

В отношениях между государствами, как и между отдельными людьми, честное, принципиальное отстаивание своих взглядов предпочтительнее их камуфляжа. Советские люди и народы других социалистических стран выступают за идеи социализма и мира, дают отпор антикоммунизму, реакционной идеологии империализма, колониализма и неоколониализма. Но разве эта принципиальная позиция мешает нормализации отношений между системами? Ведь многие буржуазные идеологи, ратующие за «отмену» идеологической борьбы, сами отнюдь не отказываются от пропаганды буржуазных идей, правда, маскируя ее под «свободный обмен информацией». Однако идейная борьба, какой бы остроты она ни достигала, не

³¹ W. Dizard. The Strategy of Truth. Washington, 1961, p. 199.

имеет ничего общего с идеологической подрывной деятельностью, идеологическими диверсиями, распространением клеветнических и враждебных слухов. Подобная «психологическая война», «война нервов» несовместима с принципами мирного сосуществования.

Вне всякого сомнения, по сложности современное международное положение не имеет параллели в мировой истории. Не следует забывать, что социалистическая система, уничтожившая эксплуатацию человека человеком, коренным образом отличается от предшествовавших ей систем. Однако это различие вовсе не означает, что спор между капитализмом и социализмом должен быть разрешен силой оружия. Системы избираются народами, а не навязываются извне. Как известно, все попытки насильственно изменить социальный порядок в какой-либо стране извне исходили не от СССР, а от агрессивных кругов империалистических держав. Такие попытки предпринимались в период военной интервенции против Советской России в 1918—1920 гг. К этому же стремилась и гитлеровская Германия, напав на СССР в 1941 г.

Однако расчеты низвергнуть избранный народами строй силой оружия также кончились провалами. Социалистическая система и свойственные ей законы общественного развития полностью отрицают войны как инструмент внешней политики. «Если капитализм насаждал свое господство огнем и мечом, — говорится в Программе КПСС, — то социализм не нуждается в войнах для распространения своих идеалов. Превосходство над старым строем в организации общества, в государственном строе, в экономике, в подъеме жизненного уровня и духовной культуры — вот его оружие»³².

Как ни глубоки различия в природе, характере, внутренних закономерностях социализма и капитализма, представители обеих систем равно заинтересованы в предотвращении мировой термоядерной войны, ведущих к ней международных конфликтов. В наше время сосуществование капиталистических и социалистических стран — это не вопрос принципа или политики. Это просто объективный факт, и никто не в состоянии отрицать, что как те, так и другие государства вот уже более полувека сов-

³² «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза», т. III. М., 1962, стр. 270.

Местно существуют на земном шаре. Проблема современности не сосуществование вообще, а мирное сосуществование.

Ведь в годы и гражданской войны, и Великой Отечественной Советское государство сосуществовало с капиталистическими странами, но сосуществование не было мирным: нашему народу приходилось отражать вооруженный натиск капиталистической реакции. В 20-е и 30-е годы сосуществование было лишь относительно мирным, так как в политике ведущих капиталистических держав и тогда было немало элементов такого состояния, которое позже стало именоваться «холодной войной».

Важнейшая из задач, стоящих перед человечеством, заключается в том, чтобы обеспечить мир, полностью положить конец росту вооружений, созданию новых видов оружия, урегулировать проблемы, чреватые взрывами. В условиях существования двух систем международная безопасность может строиться лишь на полном и безусловном соблюдении принципов мирного сосуществования и равноправия всех государств.

* * *

Одна из главных целей, стоящих перед миролюбивыми силами, заключается в дальнейшем углублении и развитии благотворных перемен на международной арене, в обеспечении их необратимости. В этой связи нельзя не обратить внимание на то, что определенные круги на Западе пытаются обойти принципы мирного сосуществования окольным путем, предлагая нечто вроде нового издания «холодной войны». Так, еще в октябре 1972 г., комментируя первый тур советско-американских переговоров, З. Бжезинский выдвинул тезис, что складывающиеся новые отношения между двумя державами лишь видоизмененный вариант «ранее проводившейся политики сдерживания». Бжезинский выражал надежду, что под влиянием «международного плюрализма» и внутренних проблем советская система претерпит глубокие изменения и что, в частности, произойдет «смягчение советской идеологической воинственности». В длительной перспективе, утверждал этот поборник «холодной войны», развитие международных отношений будет более благоприятно для

США, чем для СССР³³. А упоминавшийся Р. Вернон даже подчеркнул, что слишком интенсивное развитие экономических отношений будет-де мешать самому процессу разрядки³⁴.

Расчеты на идеологическое разоружение, «эрозию» социализма выразились в шумной антисоветской кампании на Западе под лицемерным лозунгом «защиты прав человека». Некоторые экстремистски настроенные буржуазные деятели в сущности пытаются поставить в качестве условий разрядки изменения во внутренней политике социалистических стран. Попытки строить отношения не на основе равноправия, а на основе диктата, вмешательства во внутренние дела были препятствием на пути нормализации отношений между странами социализма и капитализма. Характерно, что и в прошлом, и теперь стремление влиять на внутренние процессы в социалистических странах обычно прикрывается «альтруистическими» псевдогуманными речами.

Уже вмешательство империалистических государств в гражданскую войну в России, антисоветская интервенция осуществлялись под дымовой завесой фраз о «бескорыстной помощи», «защите» прав и суверенитета России. Попытки западных держав пересмотреть итоги второй мировой войны, лишить народы социалистических стран их исторических завоеваний прикрывались громкими словами о «защите свободы и демократии». Результаты этой политической передержки прослеживаются вплоть до последнего времени.

Попытки ограничиться подысканием подходящего синонима для обанкротившейся политики, не меняя ее сущности, проглядывают в изобретении буржуазной политической наукой различных новых терминов вроде «конкурентного сосуществования» или «ограниченного соперничества». Подобная тенденция сказывается со всей очевидностью и в выдвижении на смену старой «биполярности» более усложненных структур международных отношений. Если пекинская пропаганда упорно придерживается концепции двух «сверхдержав», противопоставляя им остальной мир, то теоретики буржуазного Запада предла-

³³ Z. Brzezinski. How the Cold War was Played.-- «Foreign Affairs» October 1972, p. 201, 207, 208.

³⁴ R. Vernon. Op. cit., p. 250.

гают нечто другое — «трехполюсную» (СССР, США, Китай) и «пятиполюсную» (те же плюс Япония и объединенная Западная Европа) схемы³⁵.

Эти «новые» структуры по существу воплощают идею «международного плюрализма», открывающую по замыслам буржуазных стратегов большие возможности для различных комбинаций мощи. Современный мир рассматривается этими теоретиками в виде реставрации предвоенного баланса сил, а в идеале — в виде европейского «равновесия», подобного тому, который установился после Венского конгресса 1815 г. Вскрывая суть предлагаемых комбинаций, сторонник теории «треугольника» С. Хоффман подчеркивал: «Москву, конечно, следовало бы вынудить вести себя в соответствии с нашим кодексом... если бы другие страны пошли на то, чтобы заполнить вакуум и укрепить слабые места»³⁶. «Многополярный» баланс мыслится как возможность ослабить СССР, противопоставить ему и социалистическому содружеству объединенные силы капиталистических стран.

Спекулятивные домыслы сторонников создания пресловутых «многоугольников» связаны, в частности, с раскольнической позицией КНР. Реакционеры неоднократно отмечали благоприятный для империализма характер этой позиции и призывали использовать создавшуюся ситуацию. Американский политолог Р. Мастерс еще в 1966 г. высказал надежду, что союз с КНР поможет западным странам сдерживать революционные силы в мире³⁷. Рассуждая на тему «треугольника», Р. Эйлем выразил надежду на объединение двух его «углов» против третьего³⁸. Идеи трех и более «полюсов» — новейшие попытки идеологов империализма подменить четкий классовый водораздел в мире формальными силовыми категориями. Но протиповорство вовсе не сводится к «клубу сильных». Оно определяется двумя системами, а не размерами стран и их ядерным арсеналом.

Рассуждая на тему о будущих мировых отношениях, некоторые западные теоретики призывают правящие кру-

³⁵ Об этом подробнее см. статью А. И. Уткина.

³⁶ S. Hoffmann. Weighing the Balance of Power.— «Foreign Affairs», 1972, p. 628.

³⁷ R. Masters. Goals for American Policy.— «Review», Spring 1966.

³⁸ R. Yalem. Tripolarity and International System.— «Orbis», vol. 15 N 4, 1972.

ги США использовать свои технологические «преимущества». «Государство, которое первым выработает стратегию использования технологического превосходства, — подчеркивает У. Кинтнер, — получит ключ к решающему политическому и военному превосходству»³⁹. Об этом же пишет и А. Гулднер, отмечая необходимость создания для систем с более высоким развитием техники возможности «эффективно конкурировать» и навязывать свою волю системам с менее развитой техникой⁴⁰. Сторонники «глобальной конвергенции» дополняют изложенные рассуждения прогнозами о «всеобщей интеграции» развитых государств в новую «международную структуру». За ультрасовременным фасадом этих теорий прозрачно проглядывает старый миф о превосходстве капитализма, особенно в его американском «технотронном» варианте.

В отмеченных концепциях современного мира нетрудно обнаружить ностальгическую тенденцию возродить предвоенную идею об «американском веке», осуществляемом уже не единолично, а в комбинации с другими «центрами мощи». Это, конечно, существенная ревизия первоначальных расчетов периода «самонадеянности силы». Однако не так же ли иллюзорна данная модификация, как и предшествовавший ей честолюбивый план? Попытки добиваться односторонних преимуществ неуклонно терпели крах в прошлом. Еще в мае 1961 г. Дж. Кеннеди в Вене открыто признал равновесие сил между СССР и США. С тех пор положение, как известно, не изменилось к лучшему для капиталистического мира. Попытки определенных кругов повернуть назад, к «холодной войне» исторически обречены на неудачу.

Активно отстаивая идею мирного сосуществования и сотрудничества стран с различным строем, внешняя политика СССР исходит не из пацифистских иллюзий, а из трезвого учета основных тенденций развития всемирно-исторического процесса, сложившегося соотношения сил на международной арене. Она руководствуется ленинской философией мира, оптимистической философией прогрессивной общественно-экономической системы, демонстрирующей свои преимущества в мирном соревновании с капитализмом. «Наша философия мира, — отмечает

³⁹ W. Kintner. *Peace and Strategy of Conflict*, p. 35.

⁴⁰ A. Gouldner. *The Coming Crisis*. New York, 1971, p. 3.

Л. И. Брежнев — это философия исторического оптимизма. Несмотря на сложность и противоречивость современной ситуации, мы уверены в успехе широко развернувшегося ныне мирного наступления»⁴¹.

Философия исторического оптимизма, естественно, не означает фаталистической веры в автоматическую реализацию идеи мирного сосуществования. Известно, что определенные империалистические круги за рубежом пытаются застопорить международную разрядку. Однако нельзя не учитывать, что вся совокупность ведущих тенденций общественного развития указывает на мирное сосуществование не только как на единственно разумную, но и как на исторически закономерную альтернативу.

В ожесточенной полемике вокруг проблем мирного сосуществования противники международного сотрудничества неоднократно обращались к прошлому, пытаясь доказать «историческую несостоятельность» идеи сотрудничества двух систем. В годы «холодной войны» в американской историографии возникла концепция о существовании чуть ли не «естественной враждебности» между народами СССР и США. Наиболее последовательно она была отражена в работе Т. Бейли «Америка против России». Бейли, рассматривая историю взаимоотношений между Россией и Америкой, путем тенденциозного подбора фактов практически сводил ее к чередованию конфликтов и трений⁴².

Однако исторический материал не подтверждает этой пессимистической концепции. Прошлое, напротив, показывает примеры сотрудничества обеих стран. Как отмечал известный американский историк Ф. Р. Даллес, «Россия фактически защищала независимость Соединенных Штатов»⁴³. Стал уже хрестоматийным эпизод из времен войны американского народа за независимость в конце XVIII в., когда русское правительство, объявив «вооруженный нейтралитет», оказало поддержку молодой республике Соединенных Штатов. В XIX в. во многих случаях русско-американское сотрудничество было весьма эффективным. Не случайно именно тогда возникла концепция «естественных союзников» — России и Америки. Странники ее подчеркивали, что интересы этих двух дер-

⁴¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. IV, стр. 341.

⁴² T. Baily. America Faces Russia. Ithaca, 1950.

⁴³ F. R. Dulles. The Road to Teheran. New York, 1944, p. 1.

жав нигде не сталкиваются, а география и международная обстановка прямо диктуют им взаимное сближение. Как писал Т. Джефферсон, обеим странам «самой судьбой предназначено быть друзьями»⁴⁴.

Любопытно, что концепция «естественных союзников» пережила и Джефферсона, и XIX век, и все коренные перемены в исторических судьбах обеих стран. Мы сталкиваемся с ней опять в разгар второй мировой войны, когда после натянутых отношений в предвоенные годы США и СССР стали союзниками. Ф. Р. Даллес писал в 1944 г.: «Наша традиционная дружба основывается не на чувствах или отдельных проявлениях доброй воли, а на реальной оценке обеими державами своих национальных интересов. Это последовательно прослеживается со времени нашего давнего сотрудничества в защите свободы морей до нашей совместной борьбы против угрозы фашизма»⁴⁵.

Советско-американские отношения в годы второй мировой войны остаются, пожалуй, наиболее яркой страницей в истории сотрудничества обеих стран. Советский Союз без колебаний откликался на обращения союзников с просьбами о поддержке, когда этого требовали интересы совместной борьбы с фашистскими державами. Глубокой осенью 1944 г. англо-американские армии завязли перед «линией Зигфрида». Видя опасное положение союзных войск, командующий американской группой армии генерал О. Брэдли предупреждал в декабре 1944 г. Эйзенхауэра: «Мы еще можем проиграть войну в Европе»⁴⁶. Буквально через несколько дней немцы нанесли сильный удар по англо-американским войскам в Арденнах и поставили союзников перед возможностью катастрофы. Видя это и учитывая просьбы США и Великобритании, Советские Вооруженные Силы передвинули сроки своего наступления с 20 на 12 января 1945 г. Рузвельт писал Сталину 18 января: «Весьма благодарен за Ваше ободряющее послание от 15 января о Вашей беседе с маршалом авиации Теддером и о наступлении Ваших войск на советско-германском фронте. Подвиги, совершенные Вашими героическими войсками раньше, и эффективность,

⁴⁴ Цит. по: *ibid.*, p. 27.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 261.

⁴⁶ O. Bradley. *A Soldier's Story*. New York, 1951, p. 447.

которую они уже продемонстрировали, дают все основания надеяться на скорые успехи наших войск на обоих фронтах»⁴⁷.

В грандиозном наступлении от Балтийского моря до Карпат приняло участие 150 советских дивизий с большим количеством артиллерии и авиации. Советские армии прорвали немецкий фронт и отбросили гитлеровские войска на сотни километров. Наступление гитлеровцев на Западе остановилось, и союзники выправили положение. Это пример отношения СССР к союзническому долгу.

Участники переговоров с СССР в период войны приводят свидетельства, прямо противоположные позднейшим утверждениям реакционеров о «невозможности» сотрудничества с СССР. «Почти по каждой политической проблеме..., — писал, например, о переговорах с СССР адмирал У. Лэги, — русские делали значительные уступки в интересах достижения соглашения»⁴⁸. «Президент и я, — отмечал в своих мемуарах государственный секретарь К. Хэлл, — считали, что мы можем иметь дело с Россией...»⁴⁹

Государственные деятели США подчеркивали, что в годы войны Советский Союз со всей точностью соблюдал принятые им на себя обязательства. «Русские были великолепными союзниками, — писал бывший военный министр США Г. Стимсон. — Они воевали в соответствии со своими обязательствами»⁵⁰. «Россия выполняла каждое ранее достигнутое соглашение», — подчеркивал У. Лэги⁵¹.

Так отпадает фальшивое утверждение, что принадлежность к различным социально-экономическим системам служит препятствием к эффективному сотрудничеству.

Конечно, история взаимоотношений обеих стран имеет примеры и другого рода. Еще в XIX в. они имели различные политические режимы и сильно расходились по преобладающему мировоззрению господствовавших в

⁴⁷ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945», т. II. М., 1957, стр. 183.

⁴⁸ *W. Leahy. I was There.* New York, 1950, p. 317—318.

⁴⁹ *C. Hull. The Memoirs*, vol. II. New York, 1948, p. 1467, 1471.

⁵⁰ *H. Stimson. M. Bundy. On Active Service in Peace and War.* New York, 1948, p. 527.

⁵¹ *W. Leahy. Op. cit.*, p. 317—318.

них общественных классов. Идеологические различия сейчас, понятно, гораздо более существенны, чем тогда. Взаимная идеологическая борьба много острее, и значение ее в настоящее время не идет ни в какое сравнение с тем, что было в период, предшествовавший наступлению общего кризиса капитализма. Но неизбежная борьба идеологий — это одно. Межгосударственные отношения — совсем другое. В области межгосударственных отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом нет непреодолимых противоречий, нет неустрашимых разногласий.

Реалистический оптимизм советской философии мира опирается на важные объективные и субъективные факторы, действующие в пользу позитивных перемен в международных отношениях. Это прежде всего такой постоянный фактор мира, как ставший реальностью социализм — мощная опора мира. В справедливом и демократическом мире заинтересованы государства и народы Азии, Африки и Латинской Америки. Ему сочувствуют широкие народные массы в капиталистических странах. Важно учитывать и реалистические тенденции внутри правящих классов капиталистических стран.

«Есть сила, — говорил В. И. Ленин, — бóльшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить на этот путь сношений с нами»⁵². Ныне, в условиях развития научно-технической революции и роста тенденции к международному разделению труда, воздействие этой силы, отмеченной В. И. Лениным, проявляется еще эффективнее. Одно из многочисленных подтверждений этого — недавнее заявление председателя «Бетлехэм стил корпорейшн» С. Корта, подчеркнувшего, что «нельзя пренебрегать многообещающими потенциальными выгодами от расширения торговли между Востоком и Западом в результате отмены специальных ограничений»⁵³.

Пожалуй, изменение подхода правящей элиты западных государств к мирному сосуществованию наиболее на-

⁵² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. т. 44, стр. 304—305.

⁵³ «A New Trade Policy toward Communist Countries». Committee for Economic Development. New York, 1972, p. 45.

глядно можно проследить по эволюции взглядов видного американского дипломата и историка Дж. Кеннана. Кеннан, как известно, был главным теоретиком политики «сдерживания коммунизма», ставшей официальным курсом США в период президентства Трумэна. Однако неудачи этого антикоммунистического курса заставили Кеннана пересмотреть первоначальные установки. В книге, вышедшей в 1961 г., Кеннан писал: «средства массового уничтожения делают еще более абсурдной идею, что планы всеобщей войны могут быть подходящим средством для защиты западного общества от «вызова русского коммунизма»⁵⁴. В 1966 г. Кеннан прямо высказался против политики антикоммунизма, подчеркнув, что антикоммунизм противоречит интересам США⁵⁵. Наконец, в статье «После холодной войны», опубликованной в октябре 1972 г., Кеннан признал, что СССР и США должны сосуществовать, развивать свои отношения, избегая вооруженного конфликта⁵⁶.

К этому выводу приходит все большее число западных ученых и политиков. Так, в феврале 1972 г. М. Банди отмечал, что расхождения во взглядах между Москвой и Вашингтоном не могут служить основанием, чтобы рисковать ядерной войной, и что конфронтация вовсе не является универсальным средством международной политики⁵⁷. Некоторые политологи отмечают растущую в капиталистических странах оппозицию к военным расходам, а также неприятие тезиса антикоммунистической пропаганды о «коммунистической угрозе»⁵⁸. Характерно, что достигнутые успехи политики мирного сосуществования и, в частности, заключенные между СССР и США важнейшие документы — Основы взаимоотношений между СССР и США, Соглашение о предотвращении ядерной войны, Договор об ограничении систем противоракетной обороны и др. — вызвали широкий положительный отклик в большинстве стран.

⁵⁴ *G. Kennan. Russia and the West under Lenin and Stalin.* Boston, 1961.

⁵⁵ «New York Times Magazine», 27.III 1966, p. 75, 80.

⁵⁶ *K. Kennan. After the Cold War.* — «Foreign Affairs», October 1972.

⁵⁷ *McGeorge Bundy. Prospects for the 1970 s.* — «The World Today», February 1972, p. 48—49, 51.

⁵⁸ *B. Russett. The America's Retreat from World Power.* — «Political Science Quaterley», vol. 90, N 1, Spring, 1975.

В 1922 г., формулируя условия взаимоотношений первой социалистической страны с капиталистическим миром, В. И. Ленин подчеркивал *«равноправие двух систем собственности (капиталистической, или частной собственности, и коммунистической, принятой пока лишь в РСФСР)»* В. И. Ленин указывал далее на *«неизбежность соглашения»* первой системы собственности *«со второй, как равной с равным»*⁵⁹.

Так ставился вопрос в период, когда Советская Россия была единственным социалистическим государством, окруженным враждебным капиталистическим миром. Тем нереалистичнее требования односторонних уступок от СССР ныне, когда равновесие сил между двумя крупнейшими державами современности — признанный факт в международных отношениях. Нормальные взаимоотношения и между системами, и между отдельными странами могут развиваться лишь на основе полного равноправия.

* * *

Рассмотрение проблемы взаимоотношений двух систем на протяжении более полувека указывает на мирное сосуществование как на единственно рациональное, исторически обоснованное ее решение. Отстаивая принцип мирного сосуществования государств с различным строем, Советский Союз вносит огромный вклад в дело обеспечения всеобщего мира.

Выступая за последовательную реализацию принципов мирного сосуществования, советская сторона оптимистически смотрит вперед, уверенная в истинности своих идеалов и ценностей, убежденная, что за ними — будущее. «Разумеется, — подчеркнул на встрече с избирателями 13 июня 1975 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — у нас своя идеология, свои убеждения, но мы исходим из того, что мир в одинаковой степени нужен всем народам, в устранении опасности мировой ядерной войны заинтересованы все государства. В этом — главная основа совместных усилий по укреплению мира и безопасности»⁶⁰.

⁵⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 192—193.

⁶⁰ «Правда», 14.VI 1975.

Всемирно-историческое значение Программы мира, разработанной XXIV съездом КПСС, заключается в том, что в ней указаны пути и методы осуществления важнейшей из задач, стоящих перед человечеством, — задачи сохранения и упрочения мира. Последовательная материализация этой задачи проявилась во все большем утверждении принципа мирного сосуществования в отношениях государств с различными системами, в целой серии внешнеполитических акций последнего времени, развитии экономического, научного и культурного сотрудничества между народами. Подлинным триумфом курса на мирное сосуществование стало Общеввропейское Совецание по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки. Программа мира и один из ее основополагающих принципов — принцип мирного сосуществования — прошли убедительную историческую проверку, доказали свою жизненность, свое благотворное воздействие на всю систему международных отношений нашего времени.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОТСДАМСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

А. М. ФИЛИТОВ

Современный этап исторического противоборства двух систем на мировой арене характеризуется дальнейшим углублением идеологической борьбы. Как отмечает Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «наступление на буржуазную идеологию, борьба против разного рода оппортунистических, ревизионистских, националистических тенденций были и остаются для нас одной из самых актуальных задач»¹.

В условиях поворота от «холодной войны» к разрядке международной напряженности особое значение приобретает проблема оценки и осмысления исторического опыта сотрудничества государств с различным общественным строем. Одним из примеров такого сотрудничества в прошлом была деятельность антигитлеровской коалиции. Не удивительно, что ее история стала ареной острейшей борьбы идеологий.

«Самое крупное проявление демократии — это в основном вопросе о войне и мире»², — эта ленинская формула дает исключительно точный критерий для оценки деятельности антигитлеровской коалиции, ее исторической заслуги, заключающейся в том, что она не только обеспечила победу миролюбивых сил над фашизмом, но и разработала программу демократического мира для послевоенного периода. Эта совместная позитивная работа государств с различным общественным строем, которая отразила всемирно-исторический сдвиг в соотношении сил на международной арене в пользу дела мира и прогресса,

¹ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., 1973, стр. 357.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 92.

реализованный благодаря динамизму и гибкости советской внешней политики, нашла свое завершение в Потсдамском соглашении, подписанном 2 августа 1945 г. главами правительств СССР, США и Великобритании (позднее к нему присоединилась Франция). В речи на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе министр иностранных дел СССР А. А. Громыко отметил в этой связи: «Сотрудничество держав антигитлеровской коалиции, сложившееся в военные годы, могло бы стать действенным фактором создания подлинно мирного устройства в Европе. Таков был дух и буква Потсдама»³.

Вопреки этой исторической правде, апологеты империализма стремятся исказить и принизить значение исторического опыта антигитлеровской коалиции. Особое место в этой идеологической диверсии занимают попытки дисквалификации основополагающих документов держав-победительниц, в частности Потсдамского соглашения. В то же время в общем русле буржуазной литературы пробивается тенденция более трезвого и непредвзятого подхода к ялтинско-потсдамским решениям, противостоящего догмам «холодной войны». С другой стороны, крайне отрицательные влияния оказывают попытки привнесения в историографию идей левацко-ревизионистского, антисоветского толка, которым на Западе усилиями противников разрядки создается самая шумная реклама.

В этой статье имеется в виду проанализировать существующие в буржуазной литературе теории и концепции в оценке Потсдамского соглашения, раскрыть процессы складывания и развития основных буржуазных течений, направленных против Потсдама, показать также и ту альтернативу фальсификаторскому потоку, которая выдвигается все увереннее и чаще отдельными представителями буржуазной науки, иницирующими в истории уроков на будущее и выступающими за разрядку напряженности, за улучшение отношений между Западом и Востоком.

Буржуазная историография Потсдама в своем развитии прошла через несколько этапов, соответствующих определенным рубежам политической и идеологической борьбы империализма против социализма. Доктрине «сдерживания», первой в послевоенной стратегии империализма, сопутствовала концепция, сочетавшая лицемерно «поло-

³ «Правда», 4.VII 1973.

жительную» оценку ялтинско-потсдамских решений с клеветническим тезисом о «нарушениях» последних со стороны ...Советского Союза, откуда «логично» следовал вывод о непригодности таких соглашений на будущее вообще, и ялтинско-потсдамской программы как модели европейской безопасности в частности ⁴.

В начале 50-х годов агрессивные силы империализма взяли на вооружение доктрину «отбрасывания коммунизма». Политика срыва потсдамских соглашений вступила в новую фазу — открытого перевооружения Западной Германии, включения ее в агрессивный блок НАТО, поддержки реваншистских требований ее тогдашних правителей. Раскол Европы стал фактом. В общественной жизни стран империализма установилась атмосфера антисоветского психоза. В этих условиях у политиков и идеологов империализма уже не было необходимости декларировать даже словесную приверженность принципам Ялты и Потсдама. Напротив, такая фразеология стала помехой на пути объединения Западной Европы под знаком антикоммунизма. Не случайно поэтому еще в конце 40-х годов в США резко усилилась кампания, целью которой было заклеймить ялтинско-потсдамские соглашения как «распродажу интересов свободного мира», как «капитуляцию перед СССР», как «второй Мюнхен». К началу 50-х годов дело дошло даже до включения в повестку дня конгресса США законопроектов, требовавших от правительства официально «денонсировать» соглашения, заключенные в Тегеране, Ялте и Потсдаме.

Известно, что «доктрина отбрасывания» потерпела скоропостижный крах; атомный шантаж и «балансирование на грани» отнюдь не расшатали мир социализма, зато в лагере империализма стали обнаруживаться все более серьезные расхождения. Однако серьезный кризис военно-политической стратегии империализма не означал его

⁴ Именно такую оценку Потсдаму дал бывший госсекретарь США Дж. Бирнс: «Соглашения сделали конференцию успехом, а нарушения этих соглашений превратили успех в поражение... Программа не оправдала наших надежд. Необходимо поэтому переоценить ситуацию и планировать новый курс действий» (*J. Byrnes. Speaking Frankly. New York, 1947, p. 87, 178*). Апогея эта пропаганда достигла с опубликованием в апреле 1948 г. госдепартаментом США специальной подборки, претенциозно озаглавленной «Советские нарушения договорных обязательств».

отказа от политики конфронтации; речь шла лишь об изменении ее форм, важнейшей из которых стала политика, направленная на «внутреннюю эрозию социализма», на подрыв единства социалистического содружества в первую очередь путем разжигания национализма и враждебности к Советскому Союзу — гаранту безопасности и процветания социалистической системы.

Соответственно определенные изменения произошли и в идеологической войне империализма против социализма; если раньше все строилось на полярном противопоставлении Запада и Востока, то отныне все большее место стали занимать попытки найти «общее» в развитии мира социализма и мира капитализма.

Эта тенденция находит свое выражение во все большем распространении среди буржуазных и ревизионистских идеологов теории «конвергенции»⁵. С ней связана и так называемая концепция сверхдержав, которую весьма активно проповедают идеологии великодержавного маоизма и буржуазные теоретики реакционного толка. Например, Р. Морган, заместитель директора Лондонского королевского института международных отношений, характеризуя нынешнюю обстановку в Европе, отмечает два момента: незыблемость границ, установленных в 1945 г., и... «раздел Европы на сферы влияния двух сверхдержав»⁶. По поводу этих псевдопаучных манипуляций в беседе с французскими журналистами Л. И. Брежнев указывал: «Разумеется, термин «сверхдержава» и содержание, которое в него пытаются вкладывать, не имеют никакого отношения к политике, которую проводит наша партия, проводит наше государство»⁷.

Изменение идеологического инструментария антикоммунизма не могло не сказаться и на трактовке документов антигитлеровской коалиции. Миф о «вероломстве» Советского Союза, будто бы «нарушившего союзнические соглашения», равно как и сменивший его миф о «предательском» характере этих соглашений, будто бы «выдававших» Европу «коммунистической агрессии», все более от-

⁵ О месте этой концепции в идейном инструментарии современного антикоммунизма см.: С. П. Трапезников. На крутых поворотах истории. М., 1971, стр. 150—152.

⁶ «International Affairs», January 1973, p. 184.

⁷ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. IV. М., 1974, стр. 433.

ходили на задний план. Стала усиливаться тенденция к уходу от анализа и самого существа, и проблемы выполнения ялтинско-потсдамской программы. Со статута позитивного документа демократического послевоенного устройства она сводится до роли чисто негативного «соглашения не соглашаться», если не прямо санкционирующего «раздел Европы на сферы влияния», то по крайней мере молчаливо признающего неизбежность такого «раздела». Именно в таком виде рассматриваются решения Потсдама в разрекламированной в США книге К. Хоу «Пепел победы. Вторая мировая война и ее последствия»⁸ и новейшей работе английского военного историка, посвященной истории западноберлинской проблемы⁹. А крайне реакционный американский историк Л. Фишер в последней, уже посмертно изданной работе «Дорога к Ялте» договорился до того, что объявил всю программу деятельности антигитлеровской коалиции программой «мирного сосуществования империй», возглавляемых «сверхдержавами»¹⁰. Не трудно видеть здесь прямую связь с маоистскими разглагольствованиями о «произволе сверхдержав». Это лишний раз свидетельствует о той реакционной роли, которую буржуазные историки играют в борьбе против разрядки, против улучшения отношений между Западом и Востоком.

* * *

В США проблема отношения к Ялте и Потсдаму сразу же после подписания этих соглашений стала предметом острой политической дуэли, в которой находившаяся тогда у власти демократическая администрация явно проигрывала. Но не из-за того, что американский народ «отверг» Ялту и Потсдам, а потому, что сама администрация, ее политика перечеркнули эти соглашения.

Американский либеральный историк А. Теохарис, исследуя мифотворчество вокруг проблем Ялты и Потсдама, отмечает, что «принятием политики сдерживания администрация Трумэна молчаливо отвергла дух Ялты — дух тер-

⁸ Q. Howe. *Ashes of Victory. World War II and its Aftermath*. New York, 1972, p. 301—302.

⁹ E. Morris. *Blockade. Berlin and the Cold War*. New York, 1973, p. 49.

¹⁰ L. Fisher. *The Road to Yalta: Soviet Foreign Relations, 1941—1945*. New York, 1972, p. 1, 2, 193.

пимости и совместного сотрудничества ради предотвращения германской или любой иной угрозы миру». В этих условиях то, что демократы формально «защищали» Ялту и Потсдам, он справедливо квалифицирует как пенскренную, «непринципиальную» позицию, по существу не защиту, а поиски «вымученных извинений»¹¹.

Эти «вымученные извинения» служили только поддержкой правых экстремистов. В попытках разыскать некие советские «нарушения» договоренностей Ялты и Потсдама и оградить себя от обвинений в «потворстве красным» апологеты официальной линии, описывая сами эти соглашения и предшествовавшие им переговоры, безнадежно путались, впадали в противоречия друг с другом и сами с собой; будучи пойманными с поличным, ссылались на «забывчивость» и т. д. Особенно отличался в этом отношении Дж. Бирнс — как в бытность его на посту госсекретаря США (1945—1947 гг.), так и на страницах мемуаров, первых из числа претендовавших на роль аутентичного источника по истории Потсдамской конференции¹².

Все это давало благодатную почву для демагогии ультраправых. Свой открытый поход против Ялты и Потсдама они получили возможность облечь в эффектный лозунг: «против официальной фальсификации». Появилась целая плеяда историков-«ревизионистов», которые в конце 40-х — начале 50-х годов буквально монополизировали исследование проблемы антигитлеровской коалиции в американской литературе¹³.

Разумеется, «ревизионисты» пеклись отнюдь не об исторической правде. Жалуются на отсутствие или недоосто-

¹¹ *A. Theoharis. The Yalta Myths: an Issue in the U. S. Politics. Columbia, 1970, p. 220.*

¹² *J. Byrnes. Speaking Frankly; idem. All in One Lifetime. New York, 1958; см. также D. Eisenhower. Crusade in Europe. New York, 1948; L. Clay. Decision in Germany. New York, 1950; E. Howley. Berlin Command. New York, 1950; «Memoirs by Harry S. Truman», vol. I. Year of Decision. New York, 1955; R. Murphy. Diplomat among Warriors. New York, 1964.*

¹³ *F. Utley. The High Cost of Vengeance. Chicago, 1949; W. N. Chamberlin. America's Second Crusade. Chicago, 1950; J. Beaty. The Iron Curtain over America. Dallas, 1951; F. Wittmer. The Yalta Betrayal: Data on the Decline and Fall of F. D. Roosevelt. Caldwell, 1953; N. Muhlen. The Return of Germany. Chicago, 1953; G. N. Crocker. Roosevelt's Road to Russia. Chicago, 1959. Подробнее об этом направлении см. Б. И. Марушчин. История и политика. М., 1969, стр. 359—361.*

верность источников, подобных мемуарам Бирпса, они сами с головой ушли в препарирование таких заведомо фальсифицированных документов, как сфабрикованные ФБР «показания» неких «бывших членов компартии», и представляли запутанному американскому обывателю картину гигантского «предательства» и «коммунистического заговора» внутри демократической администрации, частью которого были-де соглашения в Ялте и Потсдаме, «отдававшие» чуть ли не весь мир... коммунизму.

Однако параллельно развитию в сфере политики (на выборы 1952 г. республиканцы шли с лозунгом «Долой Ялту и Потсдам», но при республиканской администрации соответствующие законопроекты были положены под сукно) менялась топальность и в историографии. Это четко проявилось в работе известного американского историка «официозной» школы Г. Фейса «Между войной и миром», вышедшей в 1960 г. и поныне остающейся основополагающей в буржуазной литературе по Потсдаму. Успех монографии Г. Фейса (она получила Пулицеровскую премию как лучшая историческая книга года) объяснялся прежде всего тем, что ее автор, по видимости, создал некий новый «интегрирующий» образец, отличный от «крайностей» предшествующих концепций.

Г. Фейс не рисует подобно «ревизионистам» Потсдам как «предательский», «нехристианский» или «глупый» акт. «Потсдамские соглашения», — пишет он, — не были по своим намерениям и фактически ни несправедливы, ни жестоки»¹⁴. Нет у него и акцентированных обвинений СССР в «неискренности» или «вероломстве». Вместе с тем Г. Фейс усиленно подчеркивает «недостатки» Потсдамского соглашения (как это ни странно выглядит для историка, он предлагает по меньшей мере пять «поправок» к его тексту). В отличие от многих своих коллег он, однако, в какой-то мере отходит от принципа, согласно которому все «достоинства» объявляются заслугой США, а все «недостатки» — виной СССР. Г. Фейс настолько «беспристрастен», что готов признать «вину» за ... обеими сторонами. «Беспристрастие», разумеется, очень и очень относительное: даже там, где он критически оценивает ту или иную американскую позицию, он делает это косвен-

¹⁴ H. Feis. *Between War and Peace. The Potsdam Conference.* Princeton, 1960, p. 272.

но, крайне мягко и всегда объясняет либо неведением, либо теми или иными благородными «заботами», либо, наконец, ... советской политикой, а последняя неизменно предстает в виде некоей неясной, иррациональной силы, которой западные лидеры имели-де полное право не доверять. Тут, безусловно, сказывалась дань господствовавшим стереотипам; трактовкой же Потсдама как коллизии двух принципиально однозначных, «несовершенных» и потому обоюдно «виновных» сил он предвосхитил многие положения приверженцев теории «конвергенции» и «сверхдержав»¹⁵.

Безусловно, предпринятая Г. Фейсом попытка установить некую «общую греховность» всех без исключения участников Потсдамской конференции противоречит фактам. Это ясно, если обратиться к перечню приводимых им «дефектов» и «поправок» Потсдамского соглашения. По его мнению, например, советская позиция относительно необходимости установления новой западной границы Польши по линии Одер—Нейсе и американская позиция относительно репараций с Германии (только демонтаж предприятий, никаких изъятий из текущей продукции) равным образом свидетельствовали, что обе стороны в недостаточной степени учитывали интересы германской экономики. Этот вывод Г. Фейс подкрепляет еще и утверждением, будто в результате компромисса обе эти «неправильные» позиции оказались принятыми, и таким образом их отрицательный эффект удвоился!¹⁶ На деле, однако, решение конференции об установлении границы по Одере—Нейсе несколько не затрагивало интересов развития германской экономики, а, напротив, как отмечали некоторые американские историки типа У. Уорберга, «подчеркивало ее индустриальный характер»¹⁷. Это вызвало беспокойство со стороны определенных кругов монополистов США и Англии, рассматривавших германскую промышленность как опасного конкурента, и именно поэтому в этих кру-

¹⁵ Своеобразный «новаторский» для буржуазной историографии характер творчества Г. Фейса хорошо показан в статье: Г. А. Трофименко. Теория «баланса сил» и реальное противоречие капитализма и социализма на мировой арене.— «История СССР», 1972, № 1.

¹⁶ H. Feis. Op. cit., p. 273.

¹⁷ «Germany and the Future of Europe». Ed. by H. J. Morgenthau. Chicago, 1951, p. 149.

гах так сильна была оппозиция решению репарационного вопроса на основе сочетания различных форм репарационных поставок. Особенным жупелом были для этих кругов репарации из текущей продукции, ибо это означало сохранение крупных производственных мощностей в мирных отраслях промышленности и тем самым — сохранение потенциального конкурента. Потому монополисты США и Англии и выступали за демонтаж как единственную форму репараций. Крайним выражением этих идей был известный «план Моргентау», они отражались также в линии американской и английской делегаций в Потсдаме. Разумеется, эта линия явно противоречила интересам германской экономики. Однако совершенно необоснованно утверждение Г. Фейса, будто эта линия была принята советской стороной и вошла в Потсдамское соглашение¹⁸.

Признание того факта, что принцип репараций из текущей продукции не только не противоречит Потсдаму, а прямо соответствует ему, встречается в самых разнообразных трудах последних лет — от мемуаров К. Аденауэра до академического издания коллектива виднейших историков-международников ФРГ¹⁹. Выдвинуть мысль о «дефектности» Потсдамского соглашения, проистекающей-де из «великодержавной политики» компромиссов за счет третьей стороны, значительно легче, чем ее доказать. Доказательств нет и не может быть, ибо Потсдамское соглашение было торжеством курса на демократическое послевоенное мирное устройство, линии, воплощавшейся в деятельности советской делегации на конференции. Как вспоминает один из участников конференции, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, «И. В. Сталин был крайне щепетилен в отношении малейших попыток делегаций США и Англии решать вопросы в ущерб Польше, Чехословакии, Венгрии и германскому народу»²⁰.

По сути дела прием, который демонстрирует Г. Фейс, — это прием умолчания. Он часто используется такого рода «академическими» историками, чурающимися прямой фаль-

¹⁸ *H. Feis*. *Op. cit.*, pp. 250, 256.

¹⁹ *K. Adenauer*. *Erinnerungen 1945—1955*. Stuttgart, 1965, S. 87; «*Sowjetunion. Aussenpolitik 1917—1955*». Hrsg. von D. Geyer. Köln — Wien, 1972, S. 337.

²⁰ *Г. К. Жуков*. *Воспоминания и размышления*. М., 1970, стр. 685.

сификации и тем не менее пытающимися «переосмыслить» историю. Характерен еще такой факт: в приложении к монографии Г. Фейса опубликован текст Потсдамского соглашения, но с существенными купюрами. Исключенными, в частности, оказались следующие чрезвычайно важные положения, как раз опровергающие миф о «педемократичности» Потсдамского соглашения: «Союзники не намерены уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ. Союзники намереваются дать германскому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе. Если собственные усилия германского народа будут беспрестанно направлены к этой цели, то для него будет возможно с течением времени занять место среди свободных и мирных народов мира»²¹.

Книга Г. Фейса вызвала оживленную дискуссию в американской историографии. Дискуссия эта показала, насколько тогдашняя американская историческая мысль была подчинена идеологии «холодной войны» в самой примитивной форме. Дж. Кеннан, сам порой призывавший к пересмотру устарелых догм экстремистского направления²², не нашел ничего лучшего, как обвинять Г. Фейса в «недооценке»... советской агрессивности (!)²³. Однако в защиту Фейса выступил другой «официозный» историк, Дж. Снелл, автор солидного труда о союзнических переговорах во время второй мировой войны по вопросу о будущем Германии²⁴, и все больше и больше исследователей брали на вооружение в оценке проблем Потсдама и послевоенной Центральной Европы внешне «сбалансированный», в принципе же лишь по-новому апологетический подход, выдвинутый Г. Фейсом²⁵. Правда, по-прежнему как «образцовые» аттестовались работы, концептуально

²¹ «Тегеран — Ялта — Потсдам». Сборник документов. М., 1967, стр. 343—344; ср. *H. Feis*. *Op. cit.*, p. 340.

²² О взглядах Дж. Кеннана см. *С. И. Ананов*. Американская историография германской проблемы. М., 1965, стр. 152.

²³ «*American Slavic and East-European Review*», April 1961, p. 284—294.

²⁴ «*Slavic Review*», October 1961, p. 551—552; *J. C. Snell*. *War-Time Origins of East-West Dilemma over Germany*. New Orleans, 1959.

²⁵ *J. H. Wolfe*. *Indivisible Germany: Illusion or Reality?* The Hague, 1963; *W. H. Hanrieder*. *West-German Foreign Policy 1947—1963*. Stanford, 1967; *J. Gimbel*. *The American Occupation of Germany: Politics and the Military, 1945—1949*. Stanford, 1968.

выдержанные в духе линии Дж. Бирнса²⁶, встречались и рецидивы маккартистского «ревизионизма»²⁷.

С другой стороны, в американской литературе с начала 60-х годов весьма активно выступили специалисты, которые шли гораздо дальше Фейса в отходе от штампов «холодной войны», признавая ответственность Запада за срыв послевоенного сотрудничества. Об этих исследователях (У. Флеминг, Д. Моррей, Д. Горвиц, Г. Алпровиц, В. Вильямс, У. Нил, М. Готтлиб, А. Этциони) написано немало²⁸. В последние годы в США сложилось направление историков, претендующих на выдвижение реалистической альтернативы апологетике «холодной войны». Их называют «ревизионистами» или «неоревизионистами»²⁹, в отличие от ультрареакционных историков 50-х гг. Следует, однако, сказать, что в оценке Потсдама, особенно в некоторых новейших работах «неоревизионистов», довольно сильно проявляется влияние антинаучных концепций «сверхдержав». Это, в частности, относится к работам Г. Колко «Политика войны»³⁰ и Б. Куклика «Американская политика и раскол Германии»³¹, наиболее подробно трактующим интересующий нас комплекс проблем.

Характерно, что в той мере, в какой авторы упомянутых работ следуют этой антинаучной, ревизионистской без кавычек, схеме, они сами наносят себе поражение, облегчая положение сторонников официальной исторпографии, которые, надо сказать, находят слабые места «неоревизионистов» и наносят по ним меткие удары.

²⁶ W. Ph. Davison. The Berlin Blockade. A Study in Cold War Policy. Princeton, 1958; E. Davidson. Death and Life of Germany. An Account of American Occupation. New York, 1959.

²⁷ J. E. Smith. The Defense of Berlin. Baltimore, 1963.

²⁸ В. Г. Поляков. За прекращение «холодной войны», разоружение, мирное сосуществование и сотрудничество государств (по поводу ряда работ американских авторов).— «Внешнеполитические проблемы современности. Ответ зарубежным авторам». М., 1964, стр. 102—128; С. И. Висков. Американские историки и публицисты о «холодной войне».— «Новая и новейшая история», 1967, № 6, стр. 114—122; С. И. Анпаров. Указ. соч., стр. 119—130, 161—173.

²⁹ См. О. Л. Степанова. Историки-«ревизионисты» о внешней политике США.— «Вопросы истории», 1973, № 3.

³⁰ G. Kolko. The Politics of War. Allied Diplomacy and the World Crisis of 1943—1945. London — New York, 1968.

³¹ B. Kucklick. American Policy and the Division of Germany. The Clash with Russia over Reparations. Ithaca — London, 1972.

Не лишено известной иронии и то обстоятельство, что «разоблачитель» Г. Колко заявляет о Потсдаме: «Конференция стала краеугольным камнем, положившим начало раздела Германии» (!) ³², а консервативный буржуазный историк Дж. Ричардсон обоснованно поправляет его: не Потсдамское соглашение, а его нарушения привели к «кристаллизации» раскола Германии (хотя, разумеется, вину за «нарушения» он старается возложить на обе стороны и больше — на советскую). Правомерны и упреки Дж. Ричардсона по адресу другого «неоревизиониста» — Б. Кэклика, когда тот усматривает корень разногласий на Потсдамской конференции в том, что США-де стремились к «восстановлению германской экономики и включению ее в мировую торговую систему», а Советский Союз будто бы был против ³³. Здесь Б. Кэклик кое в чем делает шаг назад даже по сравнению с Г. Фейсом, который отмечал, что оппозиция принципу репараций из текущей продукции (весьма показательная для американской линии в Потсдаме) никак не свидетельствовала об учете интересов германской экономики и совместной союзнической политики вообще ³⁴.

Порой некоторые представители «неоревизионизма» в своих высказываниях фактически оказываются на одной идейной платформе с представителями троцкистских, а то и правоэкстремистских течений. Утверждения того же Г. Колко о некоем «русском консерватизме», который будто бы... помешал революции в Западной Европе после второй мировой войны, о «нежелании американцев, англичан и русских дать демократии в Европе развиваться своим путем» ³⁵ обнаруживают разительное сходство с рассуждениями троцкиста И. Дейчера и того же «ультра» американской историографии, Л. Фишера, который в своей последней книге договорился до утверждения, что Рузвельт, Черчилль и Сталин «составили консервативный заговор», воплощение которого он и видит в решениях Ялты и Потсдама ³⁶.

³² G. Kolko. Op. cit., p. 450.

³³ J. L. Richardson. Cold War Revisionism: a Critique.— «World Politics», July 1972, p. 579—612.

³⁴ G. Feis. Op. cit., p. 272.

³⁵ G. Kolko. Op. cit., p. 450.

³⁶ L. Fisher. Op. cit. Основная идея Фишера гласит: «пусть бы Германия и Россия дрались, пока не уничтожили друг друга».

Соединение ультралевых троцкистских инсинуаций с ультраправыми концепциями — факт очевидный для развития историографии США. Разумеется, неверно преувеличивать такие тенденции: даже сторонники Г. Колко отмечают, что в своем акценте на «зловещую» роль великих держав он стоит особняком среди крупных представителей «неоревизионизма»³⁷. Что хотелось бы подчеркнуть, так это необходимость дифференцированного подхода к этому, отнюдь не однородному течению.

* * *

Приципиально развитие английской литературы по Потсдаму не отличалось от соответствующих процессов в США.

Миф о Потсдаме как «роковой ошибке», как документе чуть ли не «антиевропейского» характера получил один из первых своих импульсов именно из английских источников (назовем хотя бы два журналистских «бестселлера» В. Голанца)³⁸. «Солидные» исторические работы столь же полны пропагандой положения о «советском вероломстве»³⁹, сколь и утверждения о «преступном легкомыслии» Запада⁴⁰. Субъективизм английских мемуаристов также отнюдь не уступает субъективизму их заокеанских коллег⁴¹.

³⁷ См. рецензию П. Шульзингера: «History and Theory», Middletown, vol. XII, N 1, 1973, p. 149.

³⁸ V. Gollancz. Our Threatened Values. London, 1946; *idem*. In Darkest Germany. London, 1947.

³⁹ W. Friedmann. The Allied Military Government of Germany. London, 1947; R. Hill. Struggle for Germany. London, 1947; M. Balfour, J. Mair. Fourpower Control in Germany and Austria, 1945—1946. London, 1956; T. Prittie. Germany Divided. London, 1961; *idem*. Conrad Adenauer. London, 1972; E. McInnis. The Shaping of Postwar Germany. London, 1960; L. Woodward. British Foreign Policy in the Second World War. London, 1962; Ph. Windsor. City on Leave. London, 1963; D. C. Watt. Britain Looks to Germany. British Opinion and Policy toward Germany since 1945. London, 1965; R. Elsworth. Restoring Democracy in Germany. The British Contribution. London, 1966.

⁴⁰ Ch. Wilmot. The Struggle for Europe. London, 1952; B. Gardner. The Wasted Hour. The Tragedy of 1945. London, 1963; B. Collier. Barren Victories: Versailles to Suez. The Failure of the Western Alliance 1918—1956. New York, 1964; G. F. Hudson. The Hard and Bitter Peace. World Politics since 1945. New York, 1967.

⁴¹ W. S. Churchill. The Second World War, vol. 6. Triumph and Tragedy. London, 1953; L. Pakenham. Born to Believe. London,

Тем не менее, именно в Англии впервые появилась работа, стоявшая несколько особняком от образцов антипотсдамской мифологии. Речь идет о книге Дж. П. Неттла «Восточная зона и советская политика в Германии»⁴². Признание гуманизма советских оккупационных властей в их отношениях с немецким населением, их успехов в восстановлении хозяйственного механизма восточной зоны, порой весьма трезвая оценка роли немецких коммунистов в процессе демократического обновления, скептическое отношение к первым реваншистским фальсификациям, использование, хотя и в полемическом плане, прогрессивной литературы (в частности, объективного репортажа Г. Шаффера⁴³) — эти моменты в работе, изданной в разгар «холодной войны», сами по себе заслуживают признания. Правда, в обстановке 50-х годов Дж. П. Неттл остался практически в одиночестве. Более того, даже и в последующие годы положение в этом смысле в английской буржуазной литературе мало изменилось. В целом среди английских буржуазных историков-международников гораздо меньшее развитие получил даже тот ограниченный феномен «неоревизионизма», который мы наблюдаем в США.

Среди возможных причин этого «консерватизма» хотелось бы отметить две. Во-первых, высокая, пожалуй, даже бо́льшая, чем в США, концентрация исследований международных отношений, особенно по новейшей истории, в рамках узкой касты реакционных историков, группирующихся вокруг Королевского института междуна-

1953; «The Eden Memoirs». The Reckoning. London, 1965; *I. Kirkpatrick*. The Inner Circle. London, 1959; *H. Macmillan*. Tides of Fortune 1945—1955. London, 1969; «The Diaries of sir Alexander Cadogan». Ed. by D. Dilks. London, 1971. Американские историки, сохраняющие, как правило, тон апологетической лояльности по отношению к воспоминаниям своих президентов и госсекретарей, с большой готовностью выпускают критические стрелы по адресу английских мемуаристов. Немало досталось, в частности, на долю одного из самых солидных — У. Черчилля. Дж. Снелл, к примеру, довольно нелицеприятно отзываясь об амбиции английского экс-премьера в связи с заявлением последнего, что будь он в Потсдаме до конца конференции он-де сумел бы добиться «лучшего» для Запада ее исхода — (*J. L. Snell*. Op. cit., p. 196).

⁴² *J. P. Nettl*. The Eastern Zone and Soviet Policy in Germany 1945—1950. London — New York — Toronto, 1950.

⁴³ *G. Shaffer*. Russian Zone. London, 1947.

ных отношений (Чатам-хауз). Издаваемый им ежеквартальный «Интернэшнл афферз» — едва ли не единственный в Англии орган, где может напечататься историк-международник⁴⁴. Во-вторых, это — специфически английская гибкость в обращении с «инакомыслящими». Мало того, что английские представители «охранительной» историографии не менее ловко используют противоречия и слабые места своих оппонентов, чем их коллеги в США. Они вполне владеют и искусством «перехвата» критической инициативы — приема, суть которого состоит в том, чтобы показать себя читателю еще более «смелым» критиком, человеком еще более «широких» взглядов, чем твой оппонент.

Только один пример. В 1968 г. на страницах «Интернэшнл афферз» развернулась дискуссия между представителем консервативно-реакционного направления Ф. Спенсером и неоревизионистом Б. Кэкликом. И вот характерно: Спенсер отнюдь не приклеивает Кэклику ярлыка «попутчика красных» (как это часто делается в США); напротив — он скорее упрекает своего критика в том, что он недостаточно критичен. Спенсер заявляет, что Б. Кэклик, например, мало критикует позицию французского правительства. Что же касается оценок американских политиков, то здесь Спенсер употребляет такие эпитеты и метафоры, которые по своей «остроте» далеко оставляют позади суховато академический стиль его оппонента. Спенсер не боится критиковать Трумэна, а позицию Бирнса на переговорах с советской стороной в Потсдаме назвать — «недостойной и нечестной»⁴⁵.

За этим фейерверком иной читатель и не заметит весьма важных обстоятельств: во-первых, критический пыл Спенсера никак не затрагивает оценок политики и

⁴⁴ С 1966 г. в Англии издается еще один ежеквартальный журнал, «Journal of Contemporary History», что несколько ослабило монополию Чатам-хауза, но не устранило ее. Из 300 с лишним статей, опубликованных в новом журнале за шесть лет, лишь одна (!) имеет определенное отношение к рассматриваемой проблеме, и та принадлежит профессору американского университета (W. Schlauch. American Policy towards Germany 1945.— «Journal of Contemporary History», vol. 5 (1970), N 4).

⁴⁵ «International Affairs», April 1968, p. 413. Следует опять-таки сказать, что концепция Б. Кэклика, которая упоминалась выше, весьма уязвима для критики, и Ф. Спенсер неплохо это использует.

политиков Англии, а во-вторых, сама эта критика направлена лишь против форм политики, а не на ее существо. Когда же доходит дело до последнего, то Спенсер весьма недвусмыслен: да, признает он, курс США на разрыв с СССР и союз с германским милитаризмом — это «цинизм, замечательный по своей холодности», однако он «предпочтительнее» (!) позиции Рузвельта. Добавим, что последнюю он без обиняков и со ссылкой на весьма сомнительный источник определяет как позицию признания «раздела сфер влияния» и советской «гегемонии» в Европе⁴⁶ почти в духе сенатора Маккарти или, если брать более свежий материал, — в духе пекинской пропаганды.

Те же тенденции проявились в юбилейном «потсдамском» выпуске «Интернэшнл афферз», приуроченном к 25-летию конференции⁴⁷. Каждый из представленных в номере авторов критикует Потсдам, хотя каждый по-своему. Лорду Стрэнгу⁴⁸, статья которого открывает номер, глубоко чужда сама идея дипломатии «на высшем уровне»; дипломатия, по его мнению, дело «экспертов», узкого круга «посвященных». Отсюда понятно, что он приписывает потсдамским дискуссиям и решениям «поверхностный характер», противопоставляя им работу Европейской консультативной комиссии, где он был главой английской делегации и, как он сам считает, главой всей комиссии. Позиция Стрэнга, таким образом, не только классовая, но и кастовая, и даже личная.

Более «модернистскую» линию проводит другой экс-дипломат, а ныне историк — Р. Сесил⁴⁹.

Его статья «Потсдам и легенды о нем» поначалу может произвести впечатление действительного пересмотра антипотсдамской мифологии, в том числе одной из самых старых легенд — о Советском Союзе как «вишневике» сры-

⁴⁶ F. Spencer. The United States and Germany in the Aftermath of War, pt II; the Second World War.— «International Affairs», January 1968, p. 61.

⁴⁷ Potsdam after Twenty-Five Years.— «International Affairs», July 1970, p. 441—489.

⁴⁸ Видный британский дипломат, после выхода в отставку долгое время (1958—1965 гг.) руководил Чатам-хаузом.

⁴⁹ Профессиональный дипломат с 1936 г.; в 1962—1967 гг. — начальник отдела международных культурных связей Форин офис; ныне — лектор по германской истории в Ридингском университете.

ва потсдамских решений. Однако Р. Сесил «пересматривает» эту легенду по-своему: по его мнению, к числу «виновников», помимо СССР, надо отнести еще и Францию, и тогда это будет уже не миф, а объективная картина. Р. Сесил весьма озабочен тем, чтобы показать себя беспристрастным критиком, для которого нет табу: «Сэр Уинстон Черчилль... пытался убедить нас, что, не будь он столь грубо отвергнут избирателями, он мог бы достичь чего-то лучшего (в Потсдаме.— А. Ф.). ...Это красиво звучит, но это не история»⁵⁰. Можно было бы лишь приветствовать прозрение английского историка (хотя, напомним, «черчиллевская легенда» уже давно была раскритикована в буржуазной литературе, в частности американскими историками, и ныне не котируется), если бы для «равновесия» он не объявил «легендой» тот факт, что граница, определенная в Потсдаме,— это и есть окончательная западная граница Польши⁵¹. Тактика Сесила ясна. Жертвуя обесцененными мифами, представить вообще все, что связано с Потсдамом, как нечто мифическое. Он так и пишет: «Что же осталось от Потсдамского соглашения, кроме легенд?... Буквально ничего, кроме определенных ограничений суверенитета германских государств»⁵².

Но Сесилу мало просто принизить значение Потсдама; ему пужно заклеить его. Почему, сетует он, «критики по обе стороны Атлантики» сосредоточивают свой огонь на Ялте, ассоциируя ее с «предательством и бесчестьем», и менее эмоционально оценивают Потсдам? Сесил решительно не согласен: Ялта, по его мнению, принесла западу меньший урон, чем Потсдам. «Ялта, возможно, решила судьбу Восточной Европы; по судьба Германии была открытой». Потсдам же, по его мнению, привел к «потере» Германии для Запада, пусть «частичной», по все равно: даже «частичная потеря Германии была более серьезной, чем потеря Восточной Европы, ибо Германия была единственной страной, способной служить барьером на пути советской экспансии на Запад»⁵³.

⁵⁰ R. Cecil. Potsdam and Its Legends.— «International Affairs», July 1970, p. 456.

⁵¹ Ibid., p. 461. Уже Г. Фейс не решался этот факт подвергать сомнению (H. Feis. Op. cit., p. 260).

⁵² Ibid., p. 463.

⁵³ Ibid., p. 455.

Налицо типичный лексикон худших времен «холодной войны». Для завершения картины добавим: объясняя причины столь печального для Запада исхода, Сесил приводит аргумент, который можно было бы услышать разве только из уст сенатора Маккарти: оказывается, все дело в том, что Трумэн «в период непосредственно перед Потсдамом был все еще под очень сильным влиянием Рузвельта». Так английский консерватизм оборачивается правым экстремизмом. Тот же вывод напрашивается при знакомстве с повеишей работой английской историографии — книгой видных историков Дж. Уилер-Беннета и Э. Николлса, посвященной истории разработки послевоенного урегулирования⁵⁴. Здесь проявляется, с одной стороны, крайняя антипотсдамская тенденция (идея, что превращение в жизнь потсдамских решений привело бы к «коммунизации» Германии⁵⁵ — основной пункт «ревизионистских» нападок на согласованные решения антигитлеровской коалиции), а с другой — такой же крайний субъективизм: для «объяснения» столь непостижимой позиции западных лидеров — почему же они подписались под документом, предусматривавшем «коммунизацию»? — привлекается такой исторический факт, как «усталость» Черчилля и... язва желудка у Идена (!)⁵⁶. Таковы последние «достижения» реакционно-буржуазной исторической науки.

* * *

Исследование французской литературы представляет собой специфическую задачу, что обуславливается не в последнюю очередь крайне сложными путями развития французской политической и общественной жизни в послевоенный период. Специальных исследовательских работ по Потсдамской конференции, равно как и по проблеме осуществления ее решений, во Франции нет⁵⁷. Тем не

⁵⁴ J. Wheeler-Bennett, A. Nicholls. *The Semblance of Peace. The Political Settlement after the Second World War.* London, 1972.

⁵⁵ Ibid., p. 281—282.

⁵⁶ Ibid., p. 324—325.

⁵⁷ Эти вопросы частично затрагиваются в работах Ж. Каstellана и Ж. Рустапа, посвященных развитию восточной зоны и ГДР (G. Castellan. *DDR. Allemagne de l'Est.* Paris, 1955; *idem.* *La République démocratique allemande.* Paris, 1961 (3 ed.—1968); G. Roustang. *Developpement économique de l'Allemagne orient-*

мнее, нельзя пройти мимо двух историков, труды которых, ярко отражая специфику французской историографии, приобрели международное признание.

В первую очередь — это один из крупнейших историков-международников Франции, директор исследовательского отдела Национального фонда политических наук, профессор Института по изучению политики в Сорбонне А. Гроссе. Трудно назвать такую его работу, начиная с первых, посвященных истории Западной Германии, и кончая последней, трактующей проблемы развития и взаимоотношений обоих германских государств в контексте судеб Европы и мира, которая не была бы переведена и издава в США, Англии или ФРГ, причем почти одновременно с оригиналом⁵⁸. В этом отношении А. Гроссе принадлежит своеобразный рекорд.

В чем же причины такой популярности? Концептуально Гроссе не выходит за рамки фаталистической идеи «обоюдной вины», которую мы видели у Г. Фейса. Он не вводит в оборот новых материалов или источников. Однако его работы не назовешь ни эпигонскими, ни компилятивными. Гроссе не просто использует работы своих западных коллег; самая яркая черта и достоинство его творчества — это весьма острое оружие критического анализа, которое он к ним применяет.

А. Гроссе одним из первых подверг острой источниковедческой критике освещение позиций американской делегации в Потсдаме в мемуарах экс-президента США Г. Трумэна, что привело к прямым или косвенным нападениям на него со стороны «официозных» историков США⁵⁹.

tale depuis 1945. Paris, 1963), в мемуарах дипломата А. Франсуа-Понсе (*A. Francois-Poncet. De Versailles à Potsdam. Paris, 1948*). Из книг прогрессивных авторов отметим исследование Ж. Бадиа (*G. Badia. Histoire de l'Allemagne contemporaine, t. II, 1933—1962. Paris, 1962*).

⁵⁸ А. Гроссер. *L'Allemagne de l'Occident. Paris, 1955* (английское издание — *Western Germany from Defeat to Rearmament. London, 1955*; американское — *Colossus again. New York, 1955*); *idem. La République Fédérale d'Allemagne. Paris, 1963* (американское издание: *The Federal Republic of Germany. A Concise History. New York, 1964*); *idem. Der Bundesrepublik Deutschland. Tübingen, 1967*; *idem. L'Allemagne de notre Temps. Paris, 1970* (западногерманское издание: *Deutschlandbilanz. Geschichte Deutschlands seit 1945. München, 1970*).

⁵⁹ J. Snell. *Op. cit.*, p. 200.

Тем не менее, А. Гроссе последовательно развивает свою критическую линию. Так, характеризуя новейшие американские труды по политике США в Германии, он констатирует отсутствие в них «критических тонов», противопоставляя им книгу Дж. Мартина «Братство бизнеса». Заострение внимания на книге прогрессивного американского историка, окруженной заговором молчания в буржуазной литературе (или как дипломатично замечает Гроссе, «слишком мало известной») ⁶⁰, — уже само по себе большое достижение буржуазного международника.

Критика проамериканской апологетики не приводит, однако, Гроссе, как многих «неоревизионистов» в США и Англии и их многочисленных коллег во Франции, к резко отрицательной оценке самой деятельности «большой тройки». Анализируя, к примеру, Ялтинское соглашение, весьма часто интерпретируемое как документ, предусматривавший «раздел мира» и уж во всяком случае расчленение Германии ⁶¹, А. Гроссе делает недвусмысленный вывод: «Текст (Ялтинского соглашения.— А. Ф.) не содержит никакого формального обязательства приступить к расчленению Германии» ⁶². Критикует он и своих коллег, французских историков — за отсутствие интереса к исследованию политики Франции по выполнению союзнических директив относительно демилитаризации и демократизации Германии ⁶³.

Разумеется, не следует идеализировать труды А. Гроссе. Он с самых ранних своих работ весьма последователен в признании окончательного характера границ по Одру — Нейсе, однако аргументация в защиту этой позиции явно недостаточна. А. Гроссе не чужд порой и антикоммунистической риторики. Часто он избегает сам выносить исторический приговор, предпочитая предоставлять читателю выбирать из «за» и «против», которые старается подобрать «поровну».

Этот метод изложения исторических событий, при котором история начинает выглядеть иногда как набор парадоксов, видимо, вообще довольно распространен во французской буржуазной историографии.

⁶⁰ А. Grosser. Deutschlandbilanz, S. 544.

⁶¹ См., например, А. Conte. Yalta ou le partage du monde. Paris, 1964.

⁶² А. Grosser. Deutschlandbilanz, S. 46.

⁶³ Ibid., S. 509.

Такой вывод укрепляется после знакомства с размышлениями о Потсдаме другого крупнейшего французского авторитета в области современной истории — А. Фонтэна⁶⁴, который представил «французскую точку зрения» на страницах упоминавшегося «потсдамского» выпуска «Интернэшнл афферз». Поначалу точка зрения А. Фонтэна выглядит сбалансированной и корректной: он не отрицает факта известных сепаратистских акций французских властей, шедших вразрез с Потсдамом, но считает неверным сваливать на Францию «первостепенную ответственность» за срыв сотрудничества четырех держав. Он почти подходит к правильному выводу, что за кулисами раскольнических действий стояла дипломатия США⁶⁵, но тут и начинаются «парадоксы»: державы антигитлеровской коалиции неспособны были-де выработать эффективные соглашения. Потсдамское соглашение — плод «наивности» всех участвовавших в нем сторон; наконец, может быть, оно и оказалось бы действенным, но только в том случае, если бы... поражение рейха не было таким полным.

Еще один пример «парадоксов» А. Фонтэна, выдержанных в стиле спортивного комментатора: русские «открыли счет» нарушений Потсдамского соглашения (?), зато Запад допустил «самое серьезное нарушение», а именно, перевооружение Западной Германии. Однако Франция была против, сумела оттянуть создание бундесвера до той поры, пока в результате появления советской водородной бомбы не наступило «равновесие сил» и война стала немыслимой — и, таким образом, Франция может считаться единственной державой, сохранившей верность Потсдаму и спасшей мир⁶⁶. Не игнорируя особенностей позиции Франции в вопросе о вооружении ФРГ, следует признать, что Фонтэн впадает здесь в полемическое преувеличение, не говоря уже об искажении роли СССР.

И еще один «парадокс». Потсдамские соглашения, заявляет Фонтэн, — не более как «анахронизм» (?); следует забыть о них и выработать новую систему европейской безопасности, зачатки которой он видит в усилиях

⁶⁴ А. Фонтэн — автор работ по истории новейшего времени, в том числе капитального труда по истории «холодной войны» (A. Fontaine. Histoire de la guerre froide, t. I—II. Paris, 1965, 1967).

⁶⁵ A. Fontaine. Potsdam: a French View.— «International Affairs», July 1970, p. 470.

⁶⁶ Ibid., p. 471—472.

по созыву общеевропейского совещания⁶⁷. Позволительно спросить: а разве одно противоречит другому? Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе не могло исходить из чего-либо иного, кроме реального положения в Европе. Но это реальное положение создано итогами второй мировой войны, а Потсдамское соглашение как раз и выражает эти итоги.

Взгляды А. Гроссе и А. Фонтэна наглядно демонстрируют и сильные, и слабые стороны французской буржуазной историографии.

* * *

Начало разработки проблем Потсдама западногерманскими и западноберлинскими исследователями можно датировать тем моментом, когда представители западных оккупационных властей в порядке подготовки к предстоящей в марте 1947 г. Московской сессии Совета министров иностранных дел привлекли группу уцелевших после войны «остфоршеров», чтобы те представили «исторические доказательства» необходимости ревизии границы по Одере — Нейсе⁶⁸.

Такие отношения заказчика — исполнителя, разумеется, предопределили и последующее развитие историографии Потсдамской конференции в рамках «остфоршунга»: мифы там не столько создавались, сколько усваивались и методично «углублялись». Но была и специфика. Если в США, например, наблюдался процесс весьма острых столкновений различных концепций, предшествующий их относительной интеграции, то здесь, напротив, исходным пунктом было своеобразное «единство», «интегрированность» или, лучше сказать, «концептуальный эклектизм». Характерна в этой связи формула, которую употребил признанный корифей западногерманской реакционной исторической науки Г. Ротфельс, говоря об «угрозе» Потсдамского соглашения, которая-де исходит как «от его выполнения, так и, в какой-то части, от его невыполнения»⁶⁹.

⁶⁷ *A. Fontaine. Op. cit., p. 473.*

⁶⁸ «Критика западногерманского «остфоршунга». М., 1966, стр. 91.

⁶⁹ «Das Parlament» (Bonn), 3.VIII 1955. Наиболее ярко реакционно-реваншистская трактовка Потсдама проявилась в работах Б. Мейснера, Е. Дейерлейна, Ф. Фауста, В. Эрфурта и др.

Точно такая же «логика» нашла свое воплощение в антипотсдамской резолюции, внесенной в конгресс США одним из правых экстремистов: Потсдамское соглашение нужно-де денонсировать потому, что его осуществление принесет неисчислимые беды Западу и выигрыши для СССР, а кроме того, еще и потому, что СССР его не выполняет, а, напротив, нарушает. Справедливости ради следует заметить, что в США даже в разгар маккартизма эта формула «не прошла», столкнувшись с ехидным вопросом оппонентов: если соглашения равнялись «распродаже» интересов Запада Советскому Союзу, то зачем же последнему их нарушать? ⁷⁰ В ФРГ же угар «холодной войны» был настолько силен, что эта формула не только не встретила какого-либо неодобрения, но, напротив, стала рассматриваться чуть ли не как выражение высшей мудрости.

Эклектичность и алогичность концепции «остфоршеры» пытались как-то затемнить гипертрофированной паукообразностью своих штудий (обильное цитирование, в том числе советских источников, большой научный аппарат и т. д.). Однако техника использования источников, особенно когда речь идет о документах СССР и других социалистических стран, весьма специфична и в большинстве случаев граничит с фальсификацией. Здесь отметим еще один факт: историография Потсдама и его решений в ФРГ и Западном Берлине не только родилась в лоне империалистически-реваншистского «остфоршунга», она там и развивалась. Такие антинауки, как «советология»

(*B. Meissner*. Rußland, die Westmächte und Deutschland. Die sowjetische Deutschlandpolitik. Hamburg, 1954; *E. Deuerlein*. Die Einheit Deutschlands. Ihre Erörterung und Behandlung auf den Kriegs- und Nachkriegskonferenzen 1941—1949. Darstellung und Dokumente. Frankfurt a/M.—(West) Berlin, 1957; *F. Faust*. Das Potsdamer Abkommen und seine völkerrechtliche Bedeutung. Frankfurt a/M.—(West) Berlin, 1959; *W. Erfurt*. Die sowjetrusische Deutschlandpolitik. Eine Studie zur Zeitgeschichte. Eßlingen, 1956; *W. Wagner*. Die Teilung Europas. Geschichte der sowjetischen Expansion bis Spaltung Deutschlands 1918—1945. Stuttgart, 1960; *W. Grewe*. Deutsche Außenpolitik der Nachkriegszeit. Stuttgart, 1960; *M. Freund*. Deutsche Geschichte. Gütersloh 1961; *W. E. Schmitt*. Krieg in Deutschland. Strategie und Taktik der sowjetrusischen Deutschlandpolitik seit 1945. Düsseldorf. 1961.

⁷⁰ *A. Theoharis*. Op. cit., p. 141.

я в последнее время «ГДРология», и поныне оказывают здесь свое тлетворное воздействие⁷¹.

Разумеется, не следует упрощать картину. В ФРГ, даже в разгар «холодной войны», слышались голоса — причем не только коммунистов и деятелей левого крыла, — призывавшие к пересмотру отношения к Потсдаму. Известный буржуазный публицист и историк П. Зете выдвинул концепцию «упущенных по вине Запада возможностей» достижения договоренности с Востоком и, в частности, упомянул об «упущенных возможностях Потсдама»⁷². Другой исследователь, из рядов СДПГ, Г. Люткенс, предлагал, чтобы правительство ФРГ прекратило свои нападки на Потсдамское соглашение и, наоборот, использовало его в политике переговоров с Востоком⁷³. Однако голоса инакомыслящих из буржуазного и социал-демократического лагеря были разрознены, слабы, а сами взгляды их — крайне противоречивы. Тот же Люткенс, к примеру, рекомендовал использовать Потсдамское соглашение как «правовую основу» для требования ... границ 1937 г.!

Такого рода «критики» не представляли опасности для апологетов официального курса, и легкость борьбы с ними рождала обманчивую эйфорию — «с Потсдамом покончено». Б. Мейснер уже предвкушал официальную денонсацию Потсдамского соглашения западными державами (так никогда и не состоявшуюся)⁷⁴. В. Греше договорился до утверждения, будто и Советский Союз под нажимом «политики силы» уже чуть ли не готов отказаться от поддержки потсдамских принципов⁷⁵. Ротфельс модифицировал свою формулу на более явно антипотсдамскую: «По сравнению с Потсдамским соглашением раскол не худшее зло»⁷⁶. Наконец, на процессе против КПГ официальный представитель боннского правительства объявил согла-

⁷¹ См. А. Filitow. Tendenzen und Methoden der «DDR-logic» und der «Sowjetologie». — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1969, Hf. 9, S. 1216—1220.

⁷² Резюме его взглядов см. P. Sethe. Deutsche Geschichte im letzten Jahrhundert. Von 1848 bis heute. Frankfurt a/M., 1961, S. 403—404.

⁷³ G. Lütken. Anstatt Potsdam etwa Yalta? — «Aussenpolitik». 1954, S. 243—252.

⁷⁴ B. Meissner. Op. cit., S. 350.

⁷⁵ W. Grewe. Op. cit., S. 199.

⁷⁶ Цит. по: В. П. Салов. Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968, стр. 344.

шение попросту «необязывающим» для «немецкого народа»⁷⁷.

Положение стало претерпевать серьезные изменения с начала 60-х годов. Общее изменение соотношения сил на международной арене, мероприятия, предпринятые правительством ГДР при поддержке государств-участников Варшавского пакта по охране ее государственных границ, показали бесперспективность реваншистско-милитаристского курса ФРГ, жизненность принципов Потсдама. Даже союзники ФРГ по НАТО обнаружили мало склонности безоговорочно следовать реваншистским амбициям ее тогдашних правителей. Политическая и идеологическая обстановка в ФРГ стала обнаруживать признаки далеко идущей дифференциации, что не могло не сказаться и на оценке соглашений Потсдама.

Крайнюю позицию заняла неонацистская историография. Усерднее всех разрабатывавшая миф о Потсдамском соглашении как плоде «наивности Запада», «капитуляции перед Советами» и т. д.⁷⁸, она затем с неменьшим рвением перешла к пропаганде идеи о «советско-американском» заговоре-сговоре против мира вообще и против немцев в особенности и тому подобных инсинуаций⁷⁹.

Менее крикливый, но принципиально идентичный характер носила идея, согласно которой державы-победительницы, будучи не в силах договориться о согласованной программе политики, «скрыли» свои разногласия перед лицом мировой общественности, подписав Потсдамское соглашение, которое представляет собой не более, чем «фиктивное соглашение», ибо все основные понятия («демократия», «мир» и т. д.) имеют-де там «двойной смысл» и потому способны-де оправдать диаметрально противоположные политические курсы. Наиболее яркое выражение эта версия нашла в книге А. Риклина «Берлинская проблема»⁸⁰, за что ей воздаются неумеренные похвалы со стороны «остфршеров»⁸¹. Впрочем, почти то

⁷⁷ G. Pfeiffer, H.-G. Strickert (Hrsg.) KPD-Prozess, Bd. 1. Karlsruhe, 1955, S. 224.

⁷⁸ H. Sündermann. Potsdam 1945. Ein kritischer Bericht. Leoni am Starnberger See, 1963.

⁷⁹ H. Grabert. Sieger und Besiegte. Tübingen, 1966, S. 405.

⁸⁰ A. Riklin. Das Berlin-Problem. Köln, 1964, S. 258, 282.

⁸¹ J. Hacker. Sowjetunion und DDR zum Potsdamer Abkommen. Köln, 1968, S. 9, 17.

же и много ранее писал крайне правый публицист из рядов ХДС Р. Ингрим⁸².

В работах западногерманских реакционных историков проявлялись различные нюансы в подходе к потсдамским решениям. Общим, однако, были более или менее грубая их фальсификация и отрицание их роли как документа, фиксирующего результаты второй мировой войны и определявшего основы мирного устройства в послевоенной Европе. Весьма ярко эта твердолобая позиция сказалась в статьях Э. Дейерлейна, А. Фишера⁸³ и Г. Веттига⁸⁴, вошедших в изданный в 1970 г. сборник «Потсдам и германский вопрос». Однако тот же сборник показал и иное. Заключительная статья его, написанная директором Кильского института международного права Э. Менцелем («Потсдамское соглашение и восточная политика федерального правительства»), наглядно демонстрирует противоречие между старой мифологией и свежими ветрами, привнесенными поворотом в западногерманской политике при правительстве Брандта — Шееля.

Э. Менцель пишет о двух концепциях Потсдама: «Старая концепция, которая еще пережила середину 60-х годов, ... подчеркивала переходный характер потсдамских договоренностей..., отрицала их нормативность по отношению к Германии, выставляла юридические аргументы против отягчающих территориальных статей... Напротив, новая официальная концепция исходит из факта правовой эффективности Потсдамского соглашения, отказываясь от иллюзорного представления о якобы свободном торге насчет мирного договора. Ввиду того, что в территориальном отношении Восток твердо обосновался в рам-

⁸² R. Ingram. Von Talleyrand zu Molotoff. Zürich, 1948, S. 302.

⁸³ А. Фишер издал в ФРГ сборник документов, освещающий события Потсдама, на основе советской публикации «Тегеран, Ялта, Потсдам». Переводу советского текста сопутствует злопыхательский «комментарий» издателя. См. A. Fischer (Hrsg). Teheran, Jalta, Potsdam. Die sowjetische Protokolle von den Kriegskonferenzen der Grossen Drei. Mit einer Einleitung. Köln, 1968.

⁸⁴ Референт Федерального института по научному исследованию Востока и международных отношений в Кёльне, типичный «светолог», автор большой работы о демилитаризации и ремилиитаризации в Германии (G. Wettig. Entmilitarisierung und Wiederbewaffnung in Deutschland 1943—1955. München, 1967) и многочисленных оперативных «справок» о советской политике в Европе.

ках, предписанных Потсдамским соглашением, с чем к тому же согласились ведущие западные державы, «новая» восточная политика руководствуется сознанием, что та незначительная свобода политических действий, которой располагает Федеративная Республика, должна быть использована, чтобы добиться прагматического решения вопросов с государствами восточного блока, избежать изоляции Федеративной Республики...»⁸⁵.

Несомненно, что здесь мы уже имеем дело с подлинной альтернативой⁸⁶, которая отражает переориентировку официальных западногерманских концепций в духе курса на разрядку напряженности в Европе.

В последние годы полемика вокруг Потсдамского соглашения стала составной частью полемики вокруг этой новой восточной политики правительства ФРГ. Как правило, эта полемика демонстрирует определенный параллелизм: ультра, с порога отвергающие «восточные договоры», оказываются, как правило, самыми рьяными врагами и фальсификаторами Потсдама; те, кто пытается всячески ограничить и принизить значение этих договоров, ту же самую тактику применяет и относительно Потсдама; и, наконец, наиболее последовательная поддержка курса на создание новых отношений между ФРГ и странами социалистического содружества сопровождается наиболее трезвой оценкой и «демифологизацией» Потсдама.

⁸⁵ «Potsdam und die deutsche Frage», Köln, 1970, S. 115—116.

⁸⁶ В плане выработки этой альтернативы следует отметить работы таких специалистов, как В. Кюльц (западногерманский публицист и историк, сын основателя ЛДПГ советской зоны, одним из первых в ФРГ резко полемизировал с тезисом о «правовой недействительности» Потсдама — см. статью в: *Th. Sommer* (Hrsg.). *Denken an Deutschland*. Hamburg, 1966, S. 48), В. Абендрот (крупный социолог и историк, представитель лево-социалистического направления, неоднократно бичевал антипотсдамский курс развития ФРГ и пытался непредвзято подойти к проблеме осуществления Потсдамских соглашений в ГДР — см., например, статью в: *L. Froese* (Hrsg.). *Was soll aus Deutschland werden? Neue Aspekte zur Deutschlandpolitik*. München, 1968, S. 62), О. Бреннер (покойный руководитель одного из боевых профсоюзов ФРГ — «ИГ Металл»; он резко критиковал срыв оккупационными властями программы декартелизации в западных зонах — см. статью в: *K. D. Bracher* (Hrsg.). *Nach 25 Jahren. Eine deutsche Bilanz*. München, 1970, S. 108—110, 113).

Правый публицист П. Венгер, например, «обличает» политику Брандта — Шееля, приравливая ее к Потсдаму, а последний характеризует как «план 50-летнего контроля над Германией»⁸⁷. Гейдельбергский профессор Г. Штернбергер, открывший симпозиум по основным вопросам «восточной политики» ФРГ, созданный Институтом международного права в Киле, не высказывается прямо против «восточных договоров», но он против того, чтобы признать за ними роль хотя бы «частичного элемента мирного порядка», «системы безопасности для Европы»; точно так же он против признания принципов Потсдама как фундамента послевоенного урегулирования⁸⁸.

Для припихивания «восточных договоров» привлекаются те же доказательства, что ранее использовались для дискредитации Потсдама: идеи о «неясности» его пунктов, их «многозначности», неокончателности и т. д.⁸⁹ В настоящее время антипотсдамская мифология стала одним из элементов той кампании, которая направлена своим острием против курса на нормализацию советско-западногерманских отношений. Эта кампания встречает серьезный отпор. Тот же Э. Менцель, используя свою роль руководителя дискуссии на упомянутом симпозиуме, весьма доказательно полемизировал с особенно яркими представителями антипотсдамской линии (типа Й. Хакера), которые договаривались даже до «правовой незыблемости»... границ 1937 г.⁹⁰

Правда, «параллелизм» наблюдается не всегда. Г.-А. Якобсен, издатель сборника документов «Недоверчивые соседи. Германская восточная политика в 1919—1970 гг.»⁹¹, объявляет о безоговорочной поддержке «во-

⁸⁷ P. W. Wenger. Die Falle. Deutsche Ost-Russische Westpolitik. Stuttgart, 1971, S. 48; см. также: D. Cycon. Es geht um die Bundesrepublik. Eine kritische Wertung der Aussenpolitik Willy Brandts. Stuttgart, 1971; A. Springer. Von Berlin aus Geschen. Stuttgart, 1972; A. Jüttner. Die deutsche Frage. Köln, 1971.

⁸⁸ «Ostverträge — Berlin Status — Münchener Abkommen — Beziehungen zwischen der BRD und der DDR. Vorträge und Diskussionen eines Symposiums vom März 1971». Hamburg, 1971, S. 21—22.

⁸⁹ «Ostverträge...», S. 26; O. Kimmlich. Der Moskauer Vertrag vom 12. August 1970. Hamburg, 1973.

⁹⁰ «Ostverträge...», S. 41—43, 146—147.

⁹¹ «Mißtrauische Nachbarn». Deutsche Ostpolitik 1919/1970. Doku-

сточных договоров». В подборе материалов для сборника он стремится избежать односторонности: не забыл он документов фашистского геноцида, не побоялся поместить и высказывания немецких коммунистов, представлявшие альтернативу курсу Аденауэра. Однако, странным образом, тема Потсдама, отношения к нему, в сборнике отсутствует. А в комментарии Якобсен повторяет фразы о «нереалистичности» потсдамской программы. Потсдамские решения получают у него пренебрежительную характеристику «прокламаций»⁹².

Стремление к большей нюансировке отличает Л. Нитхаммера (Бохумский университет), автора исторического раздела в фундаментальной трехтомной публикации «Внешнеполитические перспективы западногерманского государства». Он пытается поставить вопрос о зловещей роли антикоммунизма в расколе Германии и Европы. Однако антикоммунизм трактуется вне какой-либо социальной, классовой связи, как чисто «немецкая» черта⁹³.

Надо сказать, что путаница в оценке Потсдама, попытка перенесения ответственности за неисполнение его решений на великие державы и на немцев крайне характерна для тех западногерманских историков и публицистов, которые стремятся отойти от клише «холодной войны». Примером могут служить работы Г. Бодензика и Г.-Г. Швеппенхойзера⁹⁴. Последний, к примеру, сам признает, что «дух Потсдамского соглашения был нарушен двумя его западными участниками»⁹⁵, но это не мешает ему говорить, что «немцы пережили утерю своего государственного единства в результате политических решений держав-победительниц», что результат этот был обусловлен «глобальным конфликтом двух общественных систем»⁹⁶.

mentation und Analyse. Hrsg. von H.-A. Jacobsen unter Mitwirkung von W. von Bredow. Düsseldorf, 1970.

⁹² «Mißtrauische Nachbarn...», S. 209, 210.

⁹³ «Aussenpolitische Perspektive des westdeutschen Staates», Bd I. Das Ende des Provisoriums. München, 1971, S. 32—33.

⁹⁴ H. Bodensieck. Provozierte Teilung Europas? Opladen, 1970; H.-G. Schweppenhäuser. Die Teilung Deutschlands als soziale Herausforderung. Neue Ideen für neue Wege. Freiburg i. Br., 1967.

⁹⁵ H.-G. Schweppenhäuser. Op. cit., S. 22.

⁹⁶ Ibid., S. 7, 35.

Думается, что в немалой степени эта противоречивость. сохранение метастаз антикоммунистической идеологии в добротной ткани интересных и ценных исследований, объясняется, как и в США, тлетворным влиянием «левацко»-рѳвизионистских, троцкистских и маоистских идей на интеллигенцию ФРГ и Западного Берлина. Именно там «леворѳвизионистская» трактовка Потсдамского соглашения имеет весьма давние и освоенные позиции.

Уже в 1945 г. известный ренегат коммунистического движения А. Тальгеймер говорил о Потсдаме как о проявлении некоего «колоннализма» со стороны великих держав, как о программе «четырёхсторонней военной диктатуры»⁹⁷.

Подобные же идеи подогревались выпущенным в 1962 г. в Западном Берлине откровенно антисоветским сборником под названием «Русские и мы»⁹⁸. Наконец, десятью годами позже в том же Западном Берлине эти идеи оживают в работе У. Шмидта и Т. Фихтера «Навязанный капитализм. Классовая борьба в западных зонах в 1945—1948 гг.»⁹⁹

Для характеристики этой работы достаточно сказать, что ее авторы не стесняются возложить вину за экономические трудности восточной зоны Германии на... Советский Союз, в то время как не только буржуазно-либеральные историки и публицисты (типа упоминавшегося Дж. П. Неттла), но и весьма консервативные их коллеги вынуждены говорить о соответствующих фактах в совершенно ином тоне. Даже на страницах правого журнала можно прочесть: «Только благодаря вмешательству высших советских властей Берлин избежал катастрофического бедствия голода»¹⁰⁰. Таким образом, авторы-«леваки» по части антисоветских домыслов превосходят даже своих коллег из буржуазного лагеря.

⁹⁷ *A. Thalheimer. Die Potsdamer Beschlüsse. Eine marxistische Untersuchung der Deutschlandpolitik der Großmächte nach dem II. Weltkrieg. Stuttgart, 1950 (2. Aufl.), S. 7 ff.*

⁹⁸ «Die Russen und wir». Analyse und Dokumente. Berlin (West), 1962.

⁹⁹ *U. Schmidt, T. Fichter. Der erzwungene Kapitalismus. Klassenkämpfe in den Westzonen 1945—1948. Berlin (West), 1972.*

¹⁰⁰ «Die politische Meinung», Bonn, 10. Jg., 1965, Hf. 105, S. 67.

Разумеется, такие «штудии» — явление крайнее и нетипичное даже для антимарксистской историографии ФРГ. Однако, если анализировать последние работы представителей господствующего течения буржуазной западногерманской литературы, таких, как сотрудники Мюнхенского института современной истории Л. Грухман и Т. Фогельзанг¹⁰¹, то примечательно, что некоторый, хотя и осторожный пересмотр взглядов на внешнеполитические реальности последних лет сопровождается не пересмотром догм, относящихся к более раннему периоду, а в лучшем случае их модификацией и более эклектической трактовкой. Иногда антиисторический подход налагает свою печать и на трактовку современности, как в «научном введении» к сборнику документов «Внешняя политика Федеративной Республики Германии», где делается попытка вдохнуть жизнь в аденауэровскую концепцию Потсдама и в то же время развиваются идеи о «гегемонии сверхдержав» в ущерб «интересам Европы»¹⁰².

* * *

Буржуазная историография Потсдама представляет собой сложную картину. В ней сталкиваются различные концепции и направления, отражающие социально-политические позиции их авторов, а также изменения внутри- и внешнеполитической обстановки и в первую очередь — изменение соотношения сил на международной арене. Под влиянием успехов политики разрядки концепции, откровенно носящие на себе печать «холодной войны», отступают на задний план. Но этой общей тенденции препятствуют, «искривляют» ее многие факторы. Одно из препятствий на пути этой тенденции — антинаучная концепция «сверхдержав» и ее разновидности. Среди тех, на кого оказывает влияние концепция «сверхдержав», оказывают-

¹⁰¹ Л. Грухман написал раздел о периоде второй мировой войны, а Т. Фогельзанг — о послевоенном периоде для II тома фундаментального труда «История Германии после I мировой войны», изданного институтом («Deutsche Geschichte seit dem ersten Weltkrieg», Bd. 2. Stuttgart, 1973). Т. Фогельзанг опубликовал свой раздел в виде отдельной монографии, рассчитанной на массового читателя (*T. Vogelsang. Das geteilte Deutschland. Stuttgart, 1973*).

¹⁰² «Die Auswärtige Politik der Bundesrepublik Deutschland». Köln, 1972. S. 44.

ся порой и те историки, которые субъективно стремятся освободиться от догматики «холодной войны».

Речь идет о так называемых новых ревизионистах в США и их единомышленниках в других капиталистических странах. Глубоко неверные представления о характере взаимоотношений двух систем на международной арене, формирующиеся под влиянием антикоммунизма и антисоветизма, приводят их иногда к фактическому «союзу» с представителями реакции и соответственно низводят на самый низкий уровень практикуемый ими метод исторического исследования.

ОЦЕНКА СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1945—1949 ГГ. В ИСТОРИЧЕСКИХ РАБОТАХ США

С. И. ВИСКОВ

Боевой союз и сотрудничество СССР и США в рамках антигитлеровской коалиции сменились в послевоенный период резким ухудшением отношений между ними, причем не по вине СССР. «Можно было ожидать, — отметил Л. И. Брежнев в своем выступлении по американскому телевидению, — что союз военных лет откроет новую эру широкого мирного сотрудничества между Советским Союзом и Соединенными Штатами... наша страна стремилась к этому, мы хотели закрепить и развить добрые отношения, основа которых была заложена в период войны. Случилось, однако, иначе. Наступил не мир, а «холодная война» — жалкий суррогат настоящего мира. Она надолго отравила отношения между нашими странами и международные отношения в целом»¹.

Потребовалось немало усилий со стороны Советского Союза, а также со стороны реалистически мыслящих политических и общественных деятелей и прогрессивных кругов США, чтобы начать отход от опасной конфронтации и «холодной войны», начать диалог и поиски путей сотрудничества двух стран для решения сложнейших и неотложных международных проблем.

В условиях нормализации советско-американских отношений немаловажное значение имеет опыт прошлого. Он содержит в себе, кроме всего прочего, предостережение от таких действий, которые вели бы к ослаблению мира и безопасности на нашей планете в настоящем и будущем.

Первое послевоенное пятилетие — сложный по своему содержанию этап в советско-американских отношениях.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи, т. IV. М., 1974, стр. 169.

В эти годы окончилось сотрудничество СССР и США военных лет и была навязана Советскому Союзу «холодная война». Изучение и учет опыта этого пятилетия имеет не только чисто исторический интерес, этот опыт самым непосредственным образом связан с современностью, с настоящим. Изучение американской историографии послевоенного пятилетия помогает всесторонне раскрыть его уроки.

Американская буржуазная историческая и публицистическая литература о советско-американских отношениях первых послевоенных лет обширна и далеко не однородна в своих оценках. Кроме того, эта историография претерпела за период 40—70-х годов немалую эволюцию, и в ней довольно четко прослеживается различие позиций отдельных групп историков в отношении к этой проблеме.

В советской исторической литературе дана характеристика основных направлений и школ, существующих в американской исторической науке². В этой статье не ставится задача дать им характеристику. Здесь предпринимается попытка выявить, как относятся американские буржуазные историки, независимо от школ и направлений, к оценке итогов советско-американских отношений первых пяти послевоенных лет, конкретно — как они отвечают на два основных вопроса: почему прекратилось советско-американское сотрудничество после окончания второй мировой войны и была ли неизбежной «холодная война», не было ли альтернативы «холодной войне» и конфронтации США—СССР.

Большая группа буржуазных историков и международных принадежит к официозному направлению в американской исторической науке. Их оценки событий периода «холодной войны» совпадают с оценками, содержащимися в официальных изданиях, документах, мемуарной литературе государственных и политических деяте-

² Подробнее о школах и направлениях в американской исторической науке см. *А. Каренин. Философия политического насилия*. М., 1971; *Б. П. Марушкин. История и политика*. М., 1969; *А. П. Яковлев. Идеология американской «империи»*. М., 1967; «Американская историография внешней политики США, 1945—1970». М., 1972; *Ю. П. Давидов, В. П. Лукин. Идеологические аспекты внешней политики США.— «США: экономика, политика, идеология»*, 1971, № 5.

лей США — Г. Трумэна, Дж. Бирнса, У. Легги, Дж. Ф. Даллеса, Дж. Форрестола, А. Ванденберга, Д. Эйзенхауэра, А. Гарримана, Л. Клея, Р. Мэрфи, Дж. Дина и др.³

Влияние концептуальных положений, изложенных в мемуарах Трумэна, Бирнса, Форрестола, Даллеса и других, прослеживается в работах С. Бемиса, Т. Бейли, Л. Фишера, Г. Робертса, Дж. Пратта, Дж. Перкинса, Ф. Мосли, Дж. Кенпана, Г. Дракса, Р. Такера, Н. Гребнера и др.⁴

Было бы конечно неправильно считать, что сторонники этого направления всегда и во всех случаях в своих работах ограничиваются повторением правительственных оценок. Правда, их позиция эволюционирует в соответствии с эволюцией государственной линии во внешнеполитической деятельности. Однако историки официального направления нередко высказывают критические замечания по поводу тех или иных внешнеполитических

³ «Memoirs by Harry S. Truman», vls I, II. New York, 1965; *J. Byrnes*. Speaking Frankly. New York, 1947; *J. Byrnes*. All in One Lifetime. New York, 1958; *W. Leahy*. I was There. New York, 1950; *J. F. Dulles*. War or Peace. New York, 1950; «The Public Papers of Senator Vandenberg». Boston, 1952; «The Forrestal Diaries». New York, 1951; *D. Eisenhower*. Crusade in Europe. New York, 1949; *L. Clay*. Decision in Germany. New York, 1950; *R. Murphy*. Diplomat among Warriors. New York, 1964; *J. Dean*. The Strange Alliance. The Story of our Efforts at Wartime Cooperation with Russia. New York, 1947.

⁴ *S. Bemis*. The United States as a World Power. A Diplomatic History. 1900—1950; New York, 1950; *Th. Bailey*. America Faces Russia. Russian-American Relations from Early Times to Our Days. Ithaca, 1950; *L. Fischer*. Russia, America and the World. New York, 1966; *L. Fischer*. Road to Yalta. Soviet Foreign Relations. 1941—1945. New York, 1972; *H. Roberts*. Russia and America. Dangers and Prospects. New York, 1956; *J. Pratt*. A History of the United States Foreign Policy. Englewood, 1955; *D. Perkins*. The American Approach to Foreign Policy. New York, 1953; *Ph. Mosely*. Face to Face with Russia. New York, 1948; *Ph. Mosely*. The Kremlin and World Politics. New York, 1960; *Ch. Bohlen*. The Transformation of American Foreign Policy. New York, 1969; *H. Drucks*. Harry S. Truman and Russians. 1945—1953. New York, 1966; *G. Kennan*. American Diplomacy, 1900—1950. Chicago, 1952; *G. Kennan*. Realities of American Foreign Policy. Princeton, 1954; *G. Kennan*. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, 1961; *G. Kennan*. Memoirs, 1925—1950. New York, 1967; *R. Tucker*. The Soviet Political Minds. Stalinism and Post-stalinism Change. New York, 1971; *N. Graebner*. Cold War Diplomacy. American Foreign Policy, 1945—1960. New York, 1962.

акций американского правительства, когда они становятся неэффективными. Но цель этой критики — чисто служебная. Это — критика прагматического свойства, во имя «улучшения» методов и средств осуществления политики.

Официозное направление в американской исторической науке преобладает — и по числу участников, и по объему выходящей научной продукции. Вместе с тем оно — не однородно. На общей методологической и политической основе группируются сторонники различных школ и направлений американской буржуазной исторической мысли, представители как школы «политического идеализма» (Дж. Перкинс, С. Бемис, Т. Бейли, У. Эллиот), так и школы «политического реализма», включая ее либеральное крыло (Г. Моргентхау, М. Шульман, Дж. Кеннан) и консервативное крыло (Р. Страус-Хюпе, С. Поссопи, К. Лондон, Р. Такер, Дж. Доггерти, Г. Нимейер и др.).

Вторая, меньшая по числу участников, но растущая группа историков и международников включает направление, которое условно можно назвать критическим. В американской историографии это направление получило название «ревизионистского»⁵. Историки и международники этого направления не согласны с экспансионистской внешнеполитической стратегией США после второй мировой войны (как и вообще с глобализмом США), не согласны с «атомной дипломатией», политикой «холодной войны», блоковой политикой США. Историки-«ревизионисты» представляют то направление в американской общественной мысли, которое стремится реалистически оценить соотношение сил на международной арене, сложившееся после второй мировой войны, учесть возросшую мощь Советского Союза, его влияние на мировую политику и призывают считаться с ним в проведении внешней политики США. Далеко не всем авторам этого направления удастся быть последовательными в выводах и оценках мотивов борьбы во внешнеполитической сфере. Ограниченность буржуазного мировоззрения, эклектизм методологической основы, а иногда влияние левацких теорий мешают многим из них подняться до принципиальных оценок сущности внеш-

⁵ J. Richardson. Cold War Revisionism. A Critique.— «World Affairs», July 1972, p. 579, 581.

пей политики США, до поппмания коренных факторов, определяющих ее содержание. Да и не следует ожидать от от них этого, тем более ставить им в упрек непоследова-тельность их позиций: они остаются буржуазными учены-ми, использующими иногда «левый» политический словарь. Однако уже сам факт существования этого направления в американской исторической науке свидетельствует о стремлении многих американских историков разобраться в «философии истории», критически оценить официальную линию, пересмотреть находящиеся в противоречии с действительностью доктрины, на которых основывалась поли-тика США по отношению к СССР в начале послевоенного периода. Историки «ревизионистского» направления, анализируя опыт послевоенных советско-американских отно-шений, справедливо считают, что их нормализация — одно из необходимых условий нормализации политической ат-мосферы в мире. Такой подход к анализу послевоенных советско-американских отношений и международных отно-шений характерен для работ Д. Флеминга, В. Вильямса, Ф. Нила, А. Карра, Дж. Морриса, Г. Алпровица, Дж. Уор-берга, Д. Горовица, Р. Тагуэлла, С. Ленза, Дж. Суомли, Г. Колко и, в известной степени, — Ф. Шумана⁶.

Появление и рост числа работ американских истори-ков, не согласных с официозным направлением в амери-

⁶ *D. Fleming. The Cold War and Its Origins, 1917—1960.* New York, 1962; *W. Williams. The Tragedy of American Diplomacy.* New York, 1959; *F. W. Neal. U. S. Foreign Policy and the Soviet Union.* Santa Barbara, 1961; *F. W. Neal. War, Peace and Germany.* New York, 1962; *G. Alperovitz. Atomic Bomb. Hiroshima and Potsdam.* New York, 1965; *A. Carr. Truman, Stalin and Peace.* New York, 1950; *A. Carr. A Matter of Life and Death.* New York, 1966; *J. Morris. From Yalta to Disarmament. Cold War Debates.* New York, 1961; *J. Warburg. Put Yourself in Marshall's Peace.* New York, 1948; *J. Warburg. Germany — Bridge or Battleground.* New York, 1947; *J. Warburg. Germany: Key to Peace.* Cambridge (Mass.), 1953; *J. Warburg. The United States in Changing World.* New York, 1954; *J. Warburg. Agenda for Action.* New York, 1957; *J. Warburg. The West in Crisis.* New York, 1959; *S. Lens. The Futile Crusade.* Chicago, 1964; *J. Swomley. The Military Establishment.* Boston, 1964; *J. Swomley. American Empire. The Political Ethics of Twentieth Century Conquest.* New York, 1970; *D. Horovitz. The Free World Colossus. A Critique of American Foreign Policy in the Cold War.* London, 1969; *R. Tugwell. Off Course. From Truman to Nixon.* New York — Washington, 1971; *Fr. Schuman. The Cold War: Retrospect the Prospect.* Louisiana,

канской исторической науке и подвергающих критике послевоенную внешнюю политику США как политику силы и «холодной войны», отражают растущее признание в широких кругах американской общественности провала политики антикоммунизма и «холодной войны». Это направление имеет то значение, что помогает многим в США освободиться от нереалистического подхода к событиям в послевоенном мире.

В подходе к оценке опыта советско-американских отношений послевоенных лет в американской буржуазной историографии палочествует определенная смена тенденций: для периода второй мировой войны характерно было, по крайней мере для большинства историков, признание исключительного вклада Советского Союза в разгром общего врага. По мере поворота к атомной дипломатии и «холодной войне» оценки исторического значения сотрудничества смещаются в негативную сторону. И только после того, как стало ясно, что политика «холодной войны» провалилась, в США, начиная с 60-х годов, появляется все больше работ, в которых подвергается критике политика «холодной войны» и конфронтации с Советским Союзом, усиливаются положительные оценки значения военного и послевоенного сотрудничества с СССР.

* * *

Один из основных вопросов, систематически обсуждаемых в американской исторической и мемуарной литературе,— вопрос о причинах прекращения советско-американского сотрудничества после окончания войны, об ответственности за его срыв⁷. Историкки официозного

1962; *J. and G. Kolko*. *The Limits of Power. The World and United States Foreign Policy*. New York, 1972; *B. Cochran*. *Harry Truman and the Crisis of Presidency*. New York, 1973; *Fr. Schuman*. *International Politics. Anarchy and the Order in the World Society*. New York, 1968.

⁷ Обзор американской литературы по вопросу о «холодной войне» см. «Американская историография внешней политики США. 1945—1970». М., 1972; *С. И. Висков*. Американские историки и публицисты о «холодной войне». — «Новая и новейшая история». 1967, № 6.

направления, вслед за авторами мемуаров — видными политическими деятелями, развивают с различными вариациями следующую концепцию: Советский Союз после окончания войны не захотел сотрудничать с США и другими западными державами. США же, наоборот, якобы всячески стремились к сотрудничеству с Советским Союзом, но были вынуждены принимать меры для «защиты свободного мира» от «коммунистической экспансии»⁸.

Легенда о нежелании Советского Союза сотрудничать после окончания войны с западными странами, прежде всего с США и Англией, имела целью переложить на СССР ответственность за срыв Ялтинских и Потсдамских соглашений, оправдать саботаж этих соглашений со стороны реакционных кругов США и Англии и в конечном счете создать идеологическую основу для антисоветского курса внешней политики.

Обвинения СССР в нежелании сотрудничать с западными державами начинаются с утверждения, будто Советский Союз, заключая союзнические соглашения, проводил «свою собственную политику»⁹. Заявление такого рода по меньшей мере странно. Каждое суверенное государство, даже находясь в тех или иных договорных, в том числе и союзнических отношениях, проводит свою внешнюю политику, руководствуется своими суверенными правами, национальными интересами, соображениями безопасности, престижа и пр. СССР, вступив в военный союз с США и Англией, взял на себя большие союзнические обязательства, которые честно и последовательно выполнял.

Руководители США и Англии многократно выражали восхищение действиями Советского Союза как военного

⁸ *H. Roberts. Eastern Europe: Politics, Revolution and Diplomacy. New York, 1970, p. 300; N. Graebner. American Foreign Policy. 1956—1960. New York, 1962, p. 15, 21; L. Fischer. Russia, America and the World. L. Fischer. Road to Yalta. p. 215; M. Shulman. Stalin's Foreign Policy Reappraised. Cambridge (Mass.), 1963, p. 14, 15—18; «Patterns in American History». Belmont (Calif.), 1970, p. 497, 498; P. Hammond. The Cold War Years: American Foreign Policy since 1945. New York, 1969, p. 6; J. Lukacs. A History of Cold War. New York, 1960, p. 60.*

⁹ *H. Roberts. Russia and America. Dangers and Prospects, p. 308—309, 311; «Russian Foreign Policy». Ed. by J. Lederer. New Haven — London, 1962, p. 23.*

союзника в борьбе за общие цели в войне¹⁰. Вместе с тем союзники СССР признавали, что Советский Союз, понесший самые тяжелые жертвы в этой войне, защищал интересы народов всего мира в борьбе против фашизма и постоянно демонстрировал верность своим союзническим обязательствам.

Американская литература, мемуары и исследования зафиксировали крутой поворот во внешней политике США после смерти Рузвельта. Мемуары Г. Трумэна, Дж. Бирнса, Дж. Форрестала, Дж. Ф. Даллеса, Дж. Дина, А. Гарримана, Дж. Кеннана и других убедительно свидетельствуют, что инициативу в прекращении сотрудничества с СССР, применении методов «жесткой политики» взяли на себя правящие круги США¹¹.

По мере усиления «холодной войны» против социалистических стран американские советологи стали разрабатывать тезис об «идеологической непримиримости» Советского Союза как якобы главной причине неустойчивости международных отношений. Эта концепция утверждает, что сама природа «коммунистического государства» содержит в себе некую predeterminedность, автоматически исключающую возможность сколько-нибудь плодотворного сотрудничества социалистического государства с государствами капиталистическими, поскольку-де внешняя политика Советского Союза направлена будто бы к установлению любой ценой своего мирового господства и подчинена неким мистическим «вековым завоевательным устремлениям русских»¹². Рассуждения о «мессианизме» советской внешней политики — любимый пропагандистский конек многих американских советоло-

¹⁰ См. «Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» М., 1957, т. I, стр. 184, 199 и др.; т. II, стр. 52—53, 56—57, 72 и др.

¹¹ «Memoire by Harry S. Truman», vol. I, p. 85—88; *J. Byrnes. All in One Lifetime*, p. 287; «The Forrestal Diaries», p. 49—51; *A. Harriman. Peace with Russia?* New York, 1969, p. 3—5; *A. Harriman. America and Russia in a Changing World. A Half-century of Personal Observation*. New York, 1971, p. 42, 70; *J. Dean. The Strange Alliance. The Story of Our Efforts at Wartime Cooperation with Russia*, p. 230, 254; *G. Kennan. Memoirs, 1925—1950*, p. 252, 253, 254; *J. F. Dulles. War or Peace*, p. 25—31.

¹² *Th. Bailey. America faces Russia*, p. 348—349; *S. F. Bemis. The United States as a World Power*, p. 438; *H. Roberts. Russia*

гов¹³. Американские историки правого направления извращенно истолковывают принципиальное положение марксизма-ленинизма о непримиримости социалистической и буржуазной идеологий как причину напряженности советско-американских отношений¹⁴. Так, известный дипломат Ч. Болен, сравнивая отношения двух стран до и после Октябрьской социалистической революции, отмечает, что в прошлом не было оснований для конфликтов и войн между ними. Он пишет: «Я говорю об этой истине потому, что она подчеркивает важный элемент в наших отношениях с Россией. Даже теперь интересы Соединенных Штатов как страны и интересы Советского Союза как страны в действительности не сталкиваются»¹⁵. Но эта констатация нужна Болену для заключения, что по вине «советских коммунистов» идеологический фактор стал играть роль примата над всеми другими, в том числе естественно-историческими факторами (как и над опытом истории), создающими основу для добрососедских отношений США и СССР. По мнению Р. Такера, «коммунистическая концепция» водораздела классовых сил на международной арене, борьбы прогрессивных тенденций с реакционными, будто бы и послужила первопричиной «холодной войны» и нагнетания напряженности в международных отношениях¹⁶. В этом утверждении Такера звучит известный уже мотив: откажись Советский Союз от идеологической борьбы против империализма — в международных отношениях наступит мир и спокойствие. Оставаясь на позициях вопиющего антикоммунизма, Такер отвергает принцип мирного сосуществования как «тактический прием коммунистов».

and America. Dangers and Prospects, p. 20; «American Diplomacy in a New Era». Ed. by S. Kertesz. University of Notre Dame, 1961, p. 20;

¹³ H. Roberts. Russia and America..., p. 20; S. F. Bemis. Op. cit., p. 429; G. Kennan. Russia and the West under Lenin and Stalin, p. 3, 387, 388; «Russian Foreign Policy», p. 127, 136; M. Gehlen. The Politics of Coexistence. Soviet Methods and Motives. Broomfield, 1967, p. 238; A. Ulam. Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy. 1917—1967. New York, 1968, p. 120.

¹⁴ См. «Reflections on the Quarter» — «Orbis», Spring 1970, p. 65, 72.

¹⁵ Ch. Bohlen. The Transformation of American Foreign Policy, p. 50.

¹⁶ R. Tucker. The Soviet Political Minds, p. 227, 229, 280—281.

Американская историческая литература свидетельствует, что с поворотом реакционных кругов к «холодной войне» все большим пападкам стали подвергаться союзнические решения, достигнутые при активном участии СССР в годы войны и непосредственно после ее окончания, особенно итоги Ялтинской конференции. Разносную критику ялтинских решений правые элементы начали сразу же после смерти Рузвельта. Общй топ этой, крайне не-объективной критики был таков: «большой Рузвельт не смог оказать отпор энергичной политике Сталина и пошел на большие уступки Советскому Союзу в вопросах послевоенного устройства». Некоторые из числа крайне правых критиков обвиняли Рузвельта ни больше, ни меньше как в «предательстве» в Ялте национальных интересов США¹⁷.

Правда, ряд историков официозного паправления не подвергает сомнению необходимость созыва союзнических конференций и участия в них США. Они отдают себе отчет, что США в то время, к сожалению, как они считают, поступить иначе не могли. Они признают, что США и Англия в то время не могли не считаться с мнением Советского Союза по вопросам послевоенного устройства.

Негативная позиция этих историков относительно Ялты и Потсдама заключается в том, что они стремятся изобразить решения, принятые на этих конференциях, как невыгодные для США, мало обоснованные, обреченные с самого начала на безрезультатный исход. Они утверждают, что значение Ялтинской и Потсдамской конференций было преувеличено и породило неоправданные падежды и в США, и за рубежом. «Абсолютным скептицизмом и безнадежностью» характеризовал итоги Потсдамской конференции Кеннан¹⁸. «Ялта была триумфом формы над существом, духа над политикой», утверждает американский историк Л. Роуз. Хотя соглашение о сотрудничестве было достигнуто, оно было ненадежным, считает Роуз, усматривая ненадежность в политике СССР¹⁹.

¹⁷ Анализ американской историографии по Ялтинской конференции дан в книге: С. Б. Сосинский. Акция «Аргонавт» (Крымская конференция и ее оценка в США). М., 1970.

¹⁸ G. Kennan. Memoirs. 1925—1950, p. 258.

¹⁹ L. Rose. After Yalta. America and the Origins of the Cold War. New York, 1973, p. 46—49.

Л. Хэммонд полагает, что Потсдамская конференция не внесла сколько-нибудь существенного вклада в решение проблемы послевоенного устройства²⁰. Другой исследователь Р. Дивэйн как определяющую черту Потсдамской конференции называет разногласия между ее участниками: достигнув соглашения по Германии и Японии, по всем остальным вопросам, по его утверждению, союзники разошлись²¹. В таком же духе оценивает итоги Потсдамской конференции У. Ньюман²². Характерно, что в оценке итогов Потсдамской и Ялтинской конференций американские историки придерживаются различных позиций. Относительно Потсдамской конференции нет таких резких негативных оценок, как относительно Ялтинской. Наоборот, проявляется стремление позитивно оценивать позицию США и лично Трумэна с точки зрения результатов конференции для США. Такое разграничение в оценках итогов двух конференций не случайно. В период подготовки и работы Ялтинской конференции, на завершающем этапе боев против нацистской Германии, когда Советская Армия ломала хребет военной машины гитлеровского рейха, империалистические круги США не решились выступить открыто со своей программой послевоенной экспансии. Во время же Потсдамской конференции эти круги полагали, что больше уже нет ограничений для развертывания глобальной экспансии американского империализма, во всяком случае для ее провозглашения. Тогда позиция официальных кругов США открыто совпадала с экспансионистскими устремлениями наиболее реакционных сил. Главное, что вызвало яростные нападки на Ялту справа — это стремление Рузвельта к послевоенному сотрудничеству с Советским Союзом, понимание им неизбежности компромиссов в поисках согласованных решений.

Ко времени Потсдамской конференции уже наметилась тенденция к изменению внешней политики США. Еще до поездки в Потсдам Трумэн недвусмысленно проявил намерение не продолжать политику сотрудничества с СССР. На конференцию «большой тройки» он ехал с

²⁰ L. Hammond. *The Cold War Years*, p. 9.

²¹ «Pattern of American History», p. 498.

²² W. Neumann. *After Victory: Churchill, Roosevelt, Stalin and the Making of Peace*. New York, 1967, p. 172.

намерением продемонстрировать Советскому Союзу и всему миру новое направление американской внешней политики — курс на жесткость, силу. Эта жесткость по отношению к СССР импонировала правым кругам США. Поэтому американские историки официального направления, характеризуя итоги Потсдамской конференции, отмечают «твердость» позиции делегации США и лично самого Трумэна, с одобрением отзываются о его стремлении навязать конференции, иначе говоря Советскому Союзу, предложения, выгодные США. Отмечается как положительное усиление жесткости в позиции Трумэна после получения им сообщения о взрыве атомной бомбы. На этом основании делается вывод об «успехах» американской дипломатии на конференции в ее выступлениях против советской дипломатии. Подобную точку зрения развивает Г. Дракс в работе «Гарри Трумэн и русские»²³. Если Рузвельту ставится в вину, что он, идя на соглашение с СССР, якобы «переоценил» возможности послевоенного сотрудничества с СССР, то Трумэну за Потсдамскую конференцию такого упрека вообще не выдвигалось. Наоборот, реакционные историки не упускают возможности отметить, что Трумэн в своих мемуарах подчеркивает свое глубокое нежелание сотрудничать с «русскими»²⁴.

Особого упоминания заслуживает книга Г. Фейса «Между войной и миром. Потсдамская конференция», написанная на основании американских дипломатических документов²⁵.

Используя американские записи заседаний конференции, Фейс подробно пересказывает ход обсуждения вопросов повестки дня. Этим он создает внешне объективный и как будто, с первого взгляда, непредвзятый подход к освещению работы конференции и истолкованию ее значения. В действительности же его интерпретация того, что было на конференции, оценки ее решений далеки от объективности. Фейс изображает Советский Союз еще до созыва конференции как нарушителя соглашений относительно Польши, стран Восточной Европы²⁶. Защиту Совет-

²³ *H. Drucks. Harry S. Truman and Russians*, p. 63.

²⁴ «Memoirs by Harry S. Truman», vol. I, p. 454, 455.

²⁵ *H. Feis. Between War and Peace. The Potsdam Conference*. Princeton, 1960.

²⁶ *H. Feis. Op. cit.*, p. 62, 73.

ским Союзом на конференции своих жизненно важных интересов он трактует как преследование каких-то особых целей, нарушающих дух сотрудничества. Читатель постепенно подводится к выводу, что уже на конференции создавалось положение, когда якобы Советский Союз своей позицией обесценивал принятые решения. Весь подход Фейса к изображению подготовки конференции и ее проведения имеет целью показать несостоятельность союзнических решений, особенно по отношению к Германии. В политике стран — участниц соглашения, утверждает Фейс, не существовало ни побудительных мотивов, ни желаний, ни предпосылок для осуществления этих решений²⁷. Фейс упоминает об ответственности всех четырех держав за судьбу послевоенных соглашений, но в конечном-то счете виновным за нарушение соглашений он изображает Советский Союз²⁸. Основная идея Фейса в изображении Потсдамской конференции состояла в том, чтобы пайти оправдание срыву союзнических соглашений Ялты и Потсдама американскими реакционными кругами.

Многие историки ревизионистского направления иначе освещают причины прекращения сотрудничества США с СССР. Их оценки событий на мировой арене после окончания войны не всегда совпадают, но все они с большей или меньшей определенностью приходят к выводу — не Советский Союз, а определенные круги, стоящие за кулисами политической арены США и Англии, ответственны за создание напряженности в отношениях с СССР.

Впечатляющую картину, подтверждающую этот вывод, нарисовал Г. Алпровиц. Получив возможность изучить важные документы и архивы, Алпровиц проследил, как планировалась правительством Трумэна политика жесткости по отношению к СССР, как зародилась политика «холодной войны». В книге рассматривается небольшой отрезок времени — от смерти Рузвельта и прихода к власти Трумэна до атомной атаки на Хиросиму и Нагасаки. Это были те дни, когда правительство США поворачивало от сотрудничества с СССР к конфронтации. «Сейчас можно с уверенностью сказать, — обобщает автор, — что ...президент Трумэн, не в пример своему предшествен-

²⁷ Ibid., p. 317, 272.

²⁸ Ibid., p. 249, 250.

нику, не только не помышлял о продолжении сотрудничества с русским, но откровенно поставил перед внешней политикой Соединенных Штатов совершенно иную задачу — уменьшить, а если удастся, то и искоренить советское влияние в Европе»²⁹.

К таким же выводам об ответственности США за прекращение сотрудничества с Советским Союзом после окончания войны и за развязывание «холодной войны» — пришел известный американский историк В. Вильямс. Характеризуя политику «жесткости», Вильямс пишет: «Американская политика не оставляла русским лидерам никакого действительного выбора в ключевых вопросах экономической помощи и военной безопасности. А ведь эти проблемы являлись основными для Советского Союза, когда взрывы атомных бомб завершили войну. Американская позиция давала русским лишь один выбор: если они не принимают американских предложений, то должны столкнуться с враждебностью Америки»³⁰. Используя временную монополию на атомное оружие, правительство Трумэна намеревалось вести переговоры с Советским Союзом с «позиции силы». «Однако, — отмечает Вильямс, — «переговоры с позиции силы» фактически никаких переговоров и не предполагают, ибо под переговорами здесь подразумевается принятие американских предложений»³¹.

Тщательному анализу подверглась политика США по отношению к Советскому Союзу в двухтомном исследовании Д. Флеминга.

Флеминг рассматривает политику США как политику непрерывной «холодной войны» с первых дней существования Советского государства до начала 60-х годов, времени выхода книги.

Вывод Флеминга, к которому он пришел в результате изучения послевоенных международных отношений, вполне определен: во внешней политике США сразу же после смерти Рузвельта произошел крутой поворот, прежде всего в отношении к Советскому Союзу. Несмотря на имевшиеся в период войны трения между США и СССР, пишет Флеминг, Рузвельт твердо рассчитывал

²⁹ G. Alperovitz. Op. cit., p. 13.

³⁰ В. Вильямс. Трагедия американской дипломатии. М., 1960, стр. 149.

³¹ Там же, стр. 150.

на сохранение и продолжение сотрудничества с Советским Союзом и после войны. Он считал это сотрудничество важнейшим условием сохранения мира и безопасности. «Когда закончилась Ялтинская конференция, едва ли могло существовать серьезное сомнение в том, что обе стороны хотели сотрудничать не только, чтобы выиграть обе войны, которые тогда продолжались, но и чтобы жить вместе в послевоенном мире»³². До последнего дня своей жизни Рузвельт верил, отмечает Флеминг, что он сможет создать основу сотрудничества с Советским Союзом, над созданием которой работал, не жалея усилий³³. Однако через одиннадцать дней после смерти Рузвельта Трумэн «меняет всю политику Рузвельта—Хэлла относительно России и кладет начало новой эре жесткости, даже крайней жесткости в отношении к ней»³⁴. На основании документов, мемуаров, личных свидетельств государственных деятелей США, широкой прессы Флеминг устанавливает, что ближайшие советники Трумэна — Леги, Бирнс, Форрестол, а также такие влиятельные лица, как Ванденберг, Даллес и другие, сознательно и заблаговременно готовили почву для политики жесткости и «холодной войны» против Советского Союза, разрабатывали ее идеологические и политические основы. Именно Флеминг выдвинул мысль, что «холодной войны» можно было избежать. Именно Флеминг первым обвинил Трумэна как подстрекателя конфликта между Востоком и Западом, отмечает американский историк Л. Гарднер³⁵.

Известный американский публицист, историк, общественный деятель Дж. Уорберг в нескольких своих книгах показывает этапы развития политики «с позиции силы», «холодной войны», политики антисоветизма. Достоинство книг Уорберга в том, что их автор знаком с закулисной стороной американской внешней политики, знает ее «кухню». Уорберг принадлежит к тем слоям американского общества, которые выступают за внешнюю политику, наилучшим образом защищающую интересы американского капитализма. Они критикуют провалы и поражения американской дипломатии с точки зрения лучшей защиты

³² D. Fleming. Cold War and Its Origins. 1917—1960, p. 208.

³³ Ibid., p. 214.

³⁴ Ibid., p. 1045.

³⁵ L. Gardner. Architects of Illusion. Men and Ideas in American Foreign Policy. 1941—1949. Chicago, 1970, p. 302.

международного престижа США, сохранения их внешне-политических позиций как ведущей капиталистической страны.

Американские историки — Д. Флеминг, Дж. Уорберг, Ф. Нил, Р. Тагуэлл, Г. Колко, отчасти Ф. Шуман — раскрывают в своих работах несостоятельность созданного американской пропагандой мифа об «опасности советской агрессии», показывают, что этот миф служил реакционным силам для маскировки их собственной политики широкой экономической и политической экспансии США, гонки вооружений, нагнетания международной напряженности.

Американские исследователи Л. Джиованнити и Р. Фред, рассматривая истоки атомной дипломатии, пишут: «В течение семнадцати дней Потсдамской конференции, пока «большая тройка» искала соглашения по основным вопросам, Соединенные Штаты односторонне осуществляли свой план подготовки атомной бомбардировки Японии»³⁶. Применение атомной бомбы, не вызывавшееся военной необходимостью, имело целью оказание политического давления на СССР. Названные авторы констатируют: «Бомба уже стала чем-то большим, чем оружие, которое должно было закончить войну. Те, кто делал политику, думали о том, что последует за окончанием войны. Они намеревались использовать бомбу как политическое и дипломатическое оружие, в особенности в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом»³⁷. Ко времени созыва Потсдамской конференции, отмечает Б. Кокрэн,— «в политике США относительно Германии произошел поворот на 180 градусов. Проблема теперь состояла не в том, чтобы убедить Сталина в безопасности СССР при возможном возрождении германского милитаризма, а в том, чтобы воссоздать послушную США Германию, в качестве противовеса России»³⁸. Ф. Нил утверждает, что послевоенная внешняя политика СССР носила оборонительный характер. «Русские,— пишет он,— вполне понятно гордились своими успехами в войне и твердо намеревались играть в мире роль, соразмерную той цене, которую им пришлось упла-

³⁶ L. Giovannitti, R. Fred. The Decision to Drop the Bomb. London, 1967, p. 235.

³⁷ Ibid., p. 179.

³⁸ B. Cochran. Harry Truman and Crisis of Presidency, p. 167.

тить за победу. Это означало проведение такой внешней политики, которая, с точки зрения Кремля, имела в основном оборонительный характер. С другой стороны, Кремлю не было ясно, в какой мере ему предлагают дружбу: ведь существовала атомная бомба»³⁹.

Об экспансионистском характере внешней политики США после второй мировой войны пишут многие американские исследователи. Бывший сотрудник госдепартамента Р. Стил констатирует: США «стали... крупнейшей в мире интервенционистской державой... Интервенция была доминирующим мотивом в послевоенной внешней политике, но цели и методы этой интервенции были скрыты в шумихе путающей риторики»⁴⁰. Автор книг о внутренней и внешней политике США Дж. Суомли в своих исследованиях показывает, что в США имелись мощные и влиятельные круги — промышленные, военные, политические, которые воздействовали на политику страны, руководствуясь целями экономической и политической экспансии. Еще не окончилась вторая мировая война, пишет он, как эти круги стали добиваться сохранения большой армии в мирное время, чтобы обеспечить сохранение крупной военной промышленности⁴¹. Лицемерно прикрывая империалистические планы демагогическими рассуждениями о «завоевательных устремлениях» Советского Союза, США создали мировую империю. Американские правящие круги, пишет Суомли, «использовали «угрозу» коммунизма для оправдания «Pax Americana» и проведения внешней политики, направленной против социальных перемен»⁴². Известный американский историк Р. Тагуэлл не допускает двух мнений по поводу того, кто ответствен за срыв сотрудничества СССР и США после окончания войны. Почти сразу же после прихода в Белый дом Трумэн занял позицию непримиримой враждебности по отношению к русским, пишет он, — «превратив ее в центральный принцип американской внешней политики. Трумэн не ограничился тем, что перестал сотрудничать с русскими: он стал их врагом»⁴³.

³⁹ F. W. Neal. U. S. Foreign Policy and the Soviet Union. p. 14—15.

⁴⁰ R. Steel. Pax Americana. New York, 1967, p. 7.

⁴¹ J. Swomley. The Military Establishment, p. 139.

⁴² J. Swomley. American Empire. The Political Ethics of Twentieth Century Conquest, p. 113.

⁴³ R. Tugwell. Off Course. From Truman to Nixon, p. 219.

Г. Колко — автор книг о внутренней и внешней политике США, вызвавших широкий отклик в США и за рубежом⁴⁴. В пределах своей методологии буржуазного ученого Колко стремится вскрыть экономические факторы, определяющие экспансионизм внешней политики США. Его вывод: внешняя политика США определялась в прошлом и определяется ныне интересами крупного капитала⁴⁵. Внешнюю политику США по отношению к СССР Колко четко характеризует как антикоммунистическую. В книге «Пределы власти», написанной Г. Колко в соавторстве с Дж. Колко, на вопрос о причинах возникновения «холодной войны» дается вполне определенный ответ: политика «холодной войны» стала частью внешней политики США, пытавшихся установить после второй мировой войны свой «всемирный диктат»⁴⁶.

Г. Алпровиц в новой книге, посвященной критике политики «холодной войны», характеризует внешнюю политику США того периода как экспансионистскую, основанную на принципе силы⁴⁷. Правительство Трумэна, отмечает американский историк Т. Патерсон, к 1947 г. разработало единую доктрину, оправдывающую конфронтацию с Советским Союзом и провозглашающую намерение США создать мировой порядок, ориентирующийся на Америку⁴⁸.

* * *

По проблеме «неизбежности» «холодной войны» в американской историографии можно выделить различные точки зрения. Те историки, которые одобряют внешнюю политику США после второй мировой войны, стремятся снять с американских правящих кругов ответственность за развязывание «холодной войны», считают ее неизбежной во имя «защиты свободного мира» от «коммунистической экспансии»⁴⁹.

⁴⁴ «Вопросы истории», 1973, № 3, стр. 100—104.

⁴⁵ G. Kolko. The Roots of American Foreign Policy. Boston, 1969, p. 9—10.

⁴⁶ J. and G. Kolko. The Limits of Power. The World and United States Foreign Policy, p. 650.

⁴⁷ G. Alperovitz. Cold War Essays. New York, 1970, p. 3, 4, 92, 97.

⁴⁸ «Containment and the Cold War: American Foreign Policy since 1945». Ed. by G. Paterson. Reading (Mass.) — London, 1973, p. 3.

⁴⁹ J. Campbell. American Policy toward Communist Eastern Europe: the Choices Ahead. Minneapolis, 1965, p. 85.

После фултонского выступления Черчилля в марте 1946 г., ставшего, по выражению Д. Флеминга, «Библией для поджигателей войны во всем мире», дальнейшей разработкой идейно-политических основ антикоммунизма занялись теоретики-«политологи»⁵⁰. В июльском номере журнала «Форин афферз» за 1947 г. была изложена программа политики «сдерживания», подготовленная Дж. Кеннаном. В ней определялись основные цели и намечались методы «холодной войны». Идея сводилась к следующему: путем организации всестороннего давления на Советский Союз — экономического, политического, военного и идеологического, в сочетании с навязанной ему гонкой вооружений, можно вызвать ослабление позиций СССР. Замысел идеологов «сдерживания» состоял в использовании и усилении послевоенных трудностей, переживаемых советским народом. Эта политика должна была всесторонне изолировать Советский Союз от внешнего мира, а навязанная ему гонка вооружений подорвать советскую экономику⁵¹.

Однако советский народ опрокинул все эти расчеты, своим самоотверженным трудом поднял могущество страны, ее международный авторитет и влияние на новую высоту, что был вынужден со временем признать и сам Дж. Кеннан⁵². В дальнейшем, в процессе развития «холодной войны», ее идейно-политические основы разрабатывали многие американские политические деятели, историки и публицисты, философы, экономисты. Так, когда стало ясно, что первоначальные замыслы «холодной войны» провалились, неоднократно предпринимались попытки «обновить» ее методы.

В 1963 г. Центр стратегических исследований при Джорджтаунском университете (Вашингтон) провел конференцию, на которой были обсуждены итоги «холодной войны» и намечены новые формы и методы борьбы против социалистических стран⁵³. Уже сам состав участников конференции свидетельствовал, что собравшиеся исто-

⁵⁰ *D. Fleming. Op. cit., p. 350.*

⁵¹ *The Sources of Soviet Conduct.— «Foreign Affairs», July 1947, p. 575, 578, 580, 582.*

⁵² *G. Kennan. Memoires, p. 367.*

⁵³ На основе материалов конференции был подготовлен сборник «Национальная безопасность» под редакцией адмирала Берка — «National Security». Political, Military and Economic Strategies in the Decade Ahead. New York — London, 1963.

рики, философы, экономисты, специалисты по военным вопросам и другие, отнюдь не думали о поисках путей прекращения «холодной войны», а были озабочены поисками новых возможностей продолжения и усиления ее в изменившихся условиях в мире. В том же духе и с теми же целями в 1963 и 1964 гг. подкомиссия по вопросам международных организаций и движений комиссии по международным отношениям палаты представителей организовала многодневное обсуждение («слушание») вопроса — как вести дальше и как выиграть «холодную войну» против Советского Союза⁵⁴. В эти же годы в США выходят многочисленные работы — индивидуальные и коллективные, посвященные «холодной войне». Таковы работы Гребнера, Лукача, Стилмэна и Пфафа, Мосли, Лондона, Кэмпбелла⁵⁵, а также коллективные сборники — «Ослабление напряженности. Стратегия холодной войны в переходный период», подготовленный и изданный упомянутым Центром стратегических исследований Джорджтаунского университета, и «После холодной войны»⁵⁶.

Общим для этих работ было признание в той или иной форме, что «холодная война» не достигла своих целей. В определении же причин ослабления в 60-е годы «холодной войны», как и в поисках того, что должно заменить «холодную войну», авторы этих работ не были единодушны. Именно в это время многие американские исследователи стали критически пересматривать официальную концепцию происхождения «холодной войны» и возлагать ответственность за нее на США. Историки

⁵⁴ «Winning the Cold War. The U. S. Ideological Offensive. Hearings before the Subcommittee on International Organizations and Movement of the Committee of Foreign Relations». Washington, 1964.

⁵⁵ *N. Graebner. Cold War Diplomacy. American Foreign Policy, 1945—1960*; *J. Lukacs. A History of Cold War*; *E. Stillman, W. Pfaf. The Politics of Hysteria. The Sources of XX Century Conflict. New York, 1964*; *P. Hammond. The Cold War Years: American Foreign Policy since 1945*; *K. London. The Making of Foreign Policy. East and West. Philadelphia, 1965*; *J. Campbell. American Policy toward Communist Eastern Europe: the Choices Ahead.*

⁵⁶ «Detenté. Cold War Strategies in Transition». Ed. by E. L. Dulles and R. D. Crane. New York — London, 1965; «Beyond the Cold War. Essays on American Foreign Policy in a Changing World Environment». Ed. by R. Goldwin. Chicago, 1965.

же, стоящие на позиции антикоммунизма, делали один вывод из провала политики «холодной войны»: в изменившихся международных отношениях нужны ее новые формы и методы. Для них речь шла о смене форм и методов борьбы с Советским Союзом и другими социалистическими странами⁵⁷. Цель же «холодной войны» — подрыв социалистической системы, ослабление ее внешних и внутренних позиций, ставка на капитуляцию перед капиталистическим миром — оставалась неизменной.

В работах реакционных американских историков и специалистов по международным отношениям, опубликованных в начале 60-х годов, в оценке опыта провалившейся «холодной войны» и перспектив ее развития на 70-е годы отмечаются и экстремистские тенденции. Провал «холодной войны», видимо, отрезвил далеко не всех ее прежних апологетов. Особенно отчетливо эта тенденция сказалась в материалах названного сборника «Национальная безопасность». Такие участники сборника, как Л. Фишер, К. Лондон, Р. Страус-Хюпе, Г. Нимейер, С. Кертис, были единодушны в том, что «холодная война» должна иметь своей целью решительное политическое поражение Советского Союза, его капитуляцию перед капиталистическим миром, вплоть до изменения социалистического общественного строя. В предисловии к сборнику говорится: «Наша задача состоит в том, чтобы лишить коммунистов средств власти и взять на себя инициативу с целью вызвать эрозию их системы»⁵⁸. Одновременно в данной экстремистской доктрине не исключалась возможность развязывания при соответствующих условиях и вооруженной борьбы, вплоть до применения ракетно-ядерного оружия против социалистических стран.

В конце 60-х — начале 70-х годов в ряде работ американских историков правого направления продолжают попытки обосновать историческую обусловленность состояния напряженности, сохранения в той или иной форме «холодной войны» в отношениях с социалистическими странами и прежде всего — с СССР. С помощью наукообразных построений, нередко просто домыслов, разрабатывалась

⁵⁷ См. статьи А. Мэрфи, Р. Аллена, Э. Даллеса в сборнике «Detente», р. 28, 30, 32, 35, 44, 61 и др. и в сборнике «Beyond the Cold War» статьи Р. Голдвина, Ч. Маршалла, Ф. Мосли, Р. Осгуда, Р. Россмана, М. Раша и др., р. 4, 5, 21, 27, 96, 104, 109, 144 и др.

⁵⁸ «National Security», р. XXI.

старая концепция «естественности» напряженных отношений, постоянной враждебности между государствами, принадлежащими к различным общественным системам. Примером таких антинаучных спекуляций служат работы Н. Гребнера, Дж. Старобина, К. Лондона, Р. Такера⁵⁹.

Н. Гребнер, профессор университета в Вирджинии, в ряде своих работ утверждал, что отношения между США и СССР в течение 20 лет после окончания второй мировой войны представляют собой «неизменяющийся конфликт в меняющихся международных отношениях»⁶⁰. Гребнер отрицательно оценивал результаты таких позитивных международных акций, как Женевская конференция глав правительств 1955 г., урегулирование Карибского кризиса 1962 г. и др. Гребнер и его единомышленники предпочитают закрывать глаза на то, что в течение послевоенного периода отношения между США и СССР знали не только периоды обострения, причем порой до очень опасного состояния, но и периоды ослабления напряженности, благотворно действующего на всю международную обстановку. Были не только «доктрина Трумэна», конфликт из-за Западного Берлина, карибский кризис, спровоцированные международной реакцией, но и состоялись встречи на высшем уровне, переговоры по сложным международным проблемам, был подписан Московский договор о прекращении испытаний ядерного оружия в трех средах, были совместные советско-американские проекты решений Генеральной Ассамблеи ООН, направленные на стабилизацию международных отношений, и т. д. Совершенно не соответствует истине утверждение Гребнера, что «в течение 20 лет «холодной войны» Вашингтон и Москва не испытали ни поражения, ни победы, не вели переговоров по существенным вопросам, не достигли соглашения по какому-либо значительному вопросу из числа тех, по которым они конфликтуют»⁶¹.

⁵⁹ В Англии в таком же духе выступал Л. Шапиро. В одном из своих писаний он предупреждал американцев: «Советская политика неизменно динамична. Она направлена не на достижение устойчивости международных отношений или коллективной безопасности. Ее конечная цель — «победа», что означает установление коммунистического руководства над всем миром» — *N. Graebner. The United States and the Soviet Union: the Elusive Peace.* — «Current History», October 1970, p. 196.

⁶⁰ *Ibid.*, p. 193.

⁶¹ *Ibid.*, p. 195.

Вопреки утверждениям сторонников сохранения постоянной напряженности в отношениях между США и СССР, состоявшая «холодной войны», многие видные политические деятели США признавали в эти годы несостоятельность такой политики. Достаточно вспомнить выступление президента США Дж. Кеннеди в Американском университете 10 июня 1963 г., содержащее трезвый анализ соотношения сил в мире и призыв искать улучшения взаимоотношений с СССР.

Основную причину «неизбежности» сохранения холодной войны между США и СССР Гребнер видел в том, что цели этих государств «несовместимы»⁶². Вывод Гребнера о непреодолимости «холодной войны» в отношениях двух стран звучал не только пессимистически, но и фаталистически. Гребнер принадлежит к числу тех американских историков, которые обосновывают концепцию постоянства напряженных отношений между США и СССР противоположностью их социальных систем, идеологий, внешнеполитических устремлений. Внешне такой подход к истолкованию характера советско-американских отношений выглядит, по крайней мере с первого взгляда, объективным. Гребнер, в частности, считал американские внешнеполитические цели настолько глобальными, что с ними автоматически не могут не прийти в столкновение внешнеполитические цели другой страны — Советского Союза. Гребнер исходил при этом из концепции «биполярности» послевоенного мира, придерживался надуманной теории борьбы двух «сверхдержав» за сферы влияния, за мировое господство.

Теория «сверхдержав» оказалась общей почвой, на которой сошлись крайне реакционные буржуазные идеологи и «левые» и правые ревизионисты. Все они используют эту теорию для оголтелой антисоветской пропаганды, борьбы против Советского Союза. Концепция «сверхдержав» означала в известной степени признание идеологами империализма могущества Советского Союза, по меньшей мере равенства его в военном отношении с США, и тем самым признание провала всех расчетов на монополию военной мощи США. Вместе с тем эта концепция отражает искаженную трактовку внешней политики Советского Союза. С помощью концепции «сверхдержав» пред-

⁶² Ibid., p. 193.

принимается попытка бросить тень на империалистический характер внешней политики СССР как политики социалистической, принципиально отличной от внешней политики капиталистических государств. Внешнюю политику социалистического государства пытаются поставить в один ряд с внешней политикой государств империалистических, как бы уравнивать их с точки зрения их принципов и целей⁶³. Гребнер писал, например, что «в глобальном соперничестве у США и СССР было мало такого, что было бы неизвестным и несравнимым. Две страны вышли на мировую сцену в послевоенный период как естественные соперники, располагающие почти беспрецедентной мощью, с глобалистскими доктринами. Их борьба за власть... не отличалась от империалистического соперничества между Англией, Францией и Германией столетие тому назад, когда эти три страны стали захватывать почти одновременно все что могли захватить в афро-азиатском мире»⁶⁴.

Развивая теорию «сверхдержав», Гребнер за основного виновника напряженности в международных отношениях выдает Советский Союз, который вынуждал-де своей глобалистской политикой страны «свободного мира» защищаться. Реакционеров всего мира раздражает возросший и продолжающийся укрепляться международный авторитет и влияние Советского Союза, сплоченность стран социалистического содружества. Сложившееся после войны соотношение сил в Европе в пользу социализма является, по утверждению Гребнера, «главным вопросом холодной войны».

Внешнеполитические устремления США выглядят в изображении Гребнера куда более сдержанными. «К несчастью,— пишет он,— официальные цели США за рубежом вряд ли были менее глобальными, чем цели Советского Союза»⁶⁵. Изображая равно глобальными внешнюю политику США и внешнюю политику СССР, Гребнер стремится возложить на СССР ответственность за осложнение послевоенных советско-американских отношений.

⁶³ L. Halle. The Cold War as History. London, 1967, p. 158, 409; N. Graebner. Europe and the Superpowers.— «Current History», April 1973, p. 145.

⁶⁴ N. Graebner. The United States and the Soviet Union, p. 241.

⁶⁵ Ibid., p. 197.

Политику США после второй мировой войны Гребнер толкует лишь как попытку осуществить выдвинутые Вудро Вильсоном идеалистические принципы всеобщего порядка в мире. В таком духе трактуется реакционная по своей сущности «доктрина Трумэна», агрессия во Вьетнаме. Мало того, оказывается, по Гребнеру, Советский Союз «виновен» и в том, что США своими военными базами и гарнизонами проникли во все районы мира. Оказывается, как это «открыл» Гребнер, Советский Союз «навязал» США дорогостоящую программу гонки вооружений, и свои войска США не могли якобы вывести из Вьетнама, Юго-Восточной Азии тоже по «вине» СССР, создающего якобы своей политикой в этих районах препятствие для ухода американских войск отсюда⁶⁶.

Оценка Гребнером перспектив советско-американских отношений выдерживается в духе «холодной войны», хотя и в модифицированных ее формах. Опять, как и в прошлом, «ответственность» за то, что США намерены продолжать свою политику активного военно-политического проникновения на все континенты возлагается на Советский Союз, который-де виновен в том, что он будто бы вынуждает США проводить политику военного «присутствия» во многих десятках стран мира. Главный вопрос, пишет Гребнер, с которым США столкнутся во второй половине века, состоит не в том, будет ли Советский Союз играть возрастающую роль в мировой политике, а в том, будет ли при этом признаваться сохранение интересов других стран «в области советского проникновения»⁶⁷, иначе говоря, удастся ли США вмешиваться во внутренние дела стран, сопротивляющихся империалистической экспансии.

Дж. Старобин, бывший сотрудник Института по проблемам коммунизма, изложил свою собственную версию причин возникновения «холодной войны», произвольно искажая факты в угоду своему антикоммунистическому кредо. Старобину, ярому антикоммунисту, как и многим его единомышленникам, все время мерещится «кризис коммунизма», кризис международного коммунистического движения, социалистического содружества. В предсказании «кризисов коммунизма» Старобину не уступает, по-

⁶⁶ Ibid., p. 197.

⁶⁷ Ibid., p. 241.

жалуй, только З. Бжезинский. Старобин утверждает, что в этом «кризисе коммунизма» и заключены истоки «холодной войны». Международное коммунистическое движение, по варианту Старобина, еще в годы второй мировой войны вступило в кризисное состояние, усилившееся в послевоенное время. Старобин извращает состояние мирового коммунистического движения в годы второй мировой войны, полностью игнорируя факты, свидетельствующие, что коммунистические партии возглавили освободительную борьбу в странах, подвергшихся нападению со стороны нацистской Германии и ее союзников, и поэтому превратились в самые авторитетные политические партии в годы тяжелых испытаний для своих стран. В то время как некоторые буржуазные политические партии в странах, подвергшихся фашистской оккупации, распались, не выдержав испытаний, коммунистические партии усилили свое влияние и выросли количественно. Вкривь и вкось толкуя события, Старобин утверждает, будто Советский Союз начал «холодную войну» с Западом, рассчитывая с ее помощью справиться с внутренними трудностями и преодолеть «кризис» в мировом коммунистическом движении⁶⁸. Нет необходимости анализировать «идеи» Старобина. Его измышления стоят ниже научной критики. Упоминается же эта статья лишь как образец антинаучных измышлений, довольно часто появляющихся в американской исторической и политической литературе, как пример неразборчивости в средствах борьбы, применяемых наиболее воинствующими антикоммунистами.

Автор работ по вопросам международных отношений К. Лондон, профессор университета Вашингтона, одно время директор Института китайско-советских отношений, непререкаемый участник советологических симпозиумов и форумов, систематически высказывается о советско-американских отношениях. Убежденный антикоммунист, Лондон во всех своих публикациях разрабатывает одну и ту же идею: что нужно сделать, чтобы ослабить социалистические государства и прежде всего Советский Союз. Интерпретация сути советско-американских отношений, как и перспектив их развития, дается Лондоном

⁶⁸ *I. Starobin. Origins of the Cold War: the Communist Dimension.*— «Foreign Affairs», July 1969, p. 691, 695. 696.

в том же духе, как это делают Бжезинский, Улам, Страус-Хюпе и их единомышленники. Так же, как и Старобин, Лондон пытается усмотреть несовместимость государственных интересов Советского Союза и коммунистической идеологии. При этом обнаруживается совпадение точек зрения, как и аргументации, у идеологов крайнего антикоммунизма и маонистов и троцкистов. Выдвигается даже тезис, гласящий, что Советский Союз будто бы «сдерживает» мировое революционное и коммунистическое движение, дабы преуспеть в осуществлении своих внутренних задач. Авторы этих измышлений не смущает, что факты свидетельствуют против них, что с первых дней своего существования Советское социалистическое государство во внутренней и внешней политике по-ленински сочетает решение задач национальных и интернациональных, что успешное решение внутренних задач — укрепление экономического и политического могущества Страны Советов, построение в СССР развитого социалистического общества и создание материально-технических основ для построения коммунистического общества — служит наилучшей поддержкой дела мира и социального прогресса, о чем многократно говорил В. И. Ленин. «Сейчас главное свое воздействие на международную революцию мы оказываем своей хозяйственной политикой,— указывал Ленин.— Все на Советскую Российскую республику смотрят, все трудящиеся во всех странах мира без всякого исключения и без всякого преувеличения.»⁶⁹

В оценке роли и места «холодной войны» в международных отношениях К. Лондон более прямолинейен, чем многие его единомышленники. Он заявлял, что «холодная война» не кончилась и никогда не окончится⁷⁰. По К. Лондону, «холодная война» — это постоянное на современном этапе истории состояние в международных отношениях, основная форма взаимоотношений между СССР и США. К. Лондон, как и А. Улам и З. Бжезинский, — открытый противник мирного сосуществования и ослабления напряженности в отношениях США и СССР. Чтобы посеять подозрение по поводу миролюбивой внешней политики Советского Союза, Лондон произвольно тол-

⁶⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 341.

⁷⁰ К. London. The Soviet Union and the West.— «Current History», October 1970, p. 205. 242.

куст принцип мирного сосуществования и развивающийся ныне процесс международной разрядки. Борьбу Советского Союза за ликвидацию «холодной войны» и ее последствий, поиски путей урегулирования отношений с США Лондон считает не более, чем тактическим маневром со стороны СССР. «Ослабление напряженности в международных отношениях для Москвы — только метод, а не цель», — вещает Лондон⁷¹, цель же Советского Союза, утверждает он, состоит в подрыве и ослаблении всего западного мира. Основную причину сохранения международной напряженности Лондон, как и все остальные антикоммунисты, видит в том, что Советский Союз ведет непримиримую идеологическую борьбу против империализма. «Нельзя ожидать улучшения отношений между Западом и Востоком, пока Советский Союз сохраняет свои принципы»⁷², заявляет Лондон. Как и многие его единомышленники, он выдвигает основным условием урегулирования отношений с СССР требование идеологического разоружения. Эта идея совпадает с установками З. Бжезинского, который писал еще в середине 60-годов, что Запад может согласиться с политикой мирного сосуществования лишь при условии «трансформации восточных режимов в нечто такое, что приближается к социал-демократии». Будучи одним из наиболее шумливых и назойливых трубадуров антикоммунизма, Бжезинский ратует за усиление подрывной деятельности против социалистических стран. США должны «содействовать эволюционным изменениям внутри режимов и в блоке в целом», утверждает он⁷³.

В условиях разрядки международной напряженности, когда становится труднее защищать обанкротившиеся постулаты «холодной войны», в определенных кругах американских историков распространилась концепция столкновения двух принципов в мировой политике после окончания войны — принципа универсализма, защищавшегося

⁷¹ K. London. Op. cit.— «Current History», October 1970, p. 198.

⁷² K. London. Op. cit.— «Current History», October 1970, p. 242; см. также: «Reflections on the Quarter».— «Orbis», Spring 1970, p. 65.

⁷³ Z. Brzezinski. *Alternative to Partition. For a Broader Conception of America's Role in Europe*. New York, 1965, p. 118.

США, и принципа «сфер влияния», которого якобы придерживался Советский Союз⁷⁴.

На этой основе отдельные американские историки и международники готовы даже принять принцип «обоюдной ответственности» СССР и США за возникновение и развитие «холодной войны». Такую точку зрения высказывал, например, А. Шлезингер-младший. По Шлезингеру, после окончания войны столкнулись два основных принципа послевоенных международных отношений — принцип универсализма и принцип «сфер влияния». Рузвельт и его ближайшее окружение стояли-де на позициях универсализма вильсоновского, т. е. «идеалистического» типа. Советский Союз предпочитал, утверждает Шлезингер, принцип «сфер влияния». Американский «универсализм» (отказ от «сфер влияния» в пользу принципа «открытых дверей») вступил в противоречие с «русскими интересами». Чтобы ослабить позиции СССР, США отказали ему в кредитах, в репарационных поставках из Западной Германии. В противовес американскому «универсализму» Советский Союз стал усиливать свои позиции в Восточной Европе. Здесь, по Шлезингеру, и заключены истоки «холодной войны».

«Холодная война», — пишет Шлезингер, — «не продукт каких-либо решений, а следствие дилеммы»⁷⁵. Каждая из сторон, утверждает он, была вынуждена проводить такую политику, которая рассматривалась другой стороной как угроза. Поэтому каждая сторона была вынуждена защищать свои позиции. «Каждая сторона была глубоко уверена, что будущее международных отношений зависит от успеха ее концепции мирового устройства». Свою попытку создать внешне объективную картину возникновения и развития «холодной войны» Шлезингер заключает тенденциозным выводом, что все спорные вопросы можно было бы урегулировать, не будь Советский Союз государством-«феноменом, коренным образом отличающимся от США и Англии», государством с коммунистической идеологией, преследующей «мессианские цели»⁷⁶.

⁷⁴ R. Liston. The United States and the Soviet Union. A Background on the Struggle for Power. New York, 1973, p. 101—102.

⁷⁵ A. Schlesinger (jr.) Origins of the Cold War.— «Foreign Affairs», October 1967, p. 47.

⁷⁶ Ibid., p. 46—47.

На подобной позиции стоит историк У. Лафебер, которого в США относят к числу «ревизионистов». Этот историк усматривает корни «холодной войны» в борьбе указанных принципов внешней политики США, с одной стороны, и внешней политики царской России, с другой стороны, еще в конце XIX в.⁷⁷

Дж. Гэддис в книге, написанной на основе новых архивных материалов, показывает, как администрация Трумэна совершила поворот к политике «жесткости» по отношению к СССР. Автор приходит к выводу, что «холодная война» не была неизбежной. Однако он склонен считать ответственным за то, что альтернатива «холодной войне» не была использована, равно США и СССР, и даже в большей степени Советский Союз⁷⁸.

Концепция «обоюдной ответственности» СССР и США за возникновение «холодной войны» на деле оказывается перелицованной антикоммунистической концепцией о «идеологической нетерпимости» Советского Союза. Таким образом, на вопрос — была ли «холодная война» неизбежной, не было ли ей альтернативы, американские историки и международники официального направления дают отрицательный ответ, а альтернативу «холодной войне» усматривают в идеологическом разоружении СССР и других социалистических стран, что привело бы к фактическому вмешательству в их внутренние дела.

Рассматривая с негативных позиций опыт советско-американского сотрудничества в решении проблем послевоенного устройства, некоторые американские историки пытаются ставить под сомнение необходимость укрепления равноправных отношений между СССР и США в настоящее время. Действуя в духе «холодной войны», они стремятся возбудить недоверие к принципу мирного сосуществования как основополагающему в современных международных отношениях. Так, например, А. Рубин-

⁷⁷ *W. Lafaber. America, Russia and the Cold War. 1945—1971.* New York — London, 1972.

⁷⁸ *J. L. Gaddis. The United States and the Origins of the Cold War. 1941—1947.* New York, 1972, p. 359—361. С еще большей настойчивостью Гэддис повторил свою идею об ответственности СССР за ухудшение после войны советско-американских отношений в статье в «Форин афферз». См. *J. Gaddis. Was the Truman Doctrine a Real Turning Point?* — «Foreign Affairs», January 1974, p. 388.

штейн пытается найти различие в содержании принципа мирного сосуществования и понятия «détente», ставшего популярным на Западе и означающего снижение напряженности в международных отношениях. Без каких-либо оснований А. Рубинштейн утверждает, что понятие мирного сосуществования менее ясно, менее определено, чем понятие «détente». Подобное семантическое жонглирование не так уж безобидно. Объявляя понятие мирного сосуществования недостаточно ясным, делаются намеки на то, что принцип мирного сосуществования — это «тактический прием» Советского Союза, содержащий какие-то секретные намерения. В то же время «détente», в его понимании на Западе, означает якобы какие-то «некомпенсированные» уступки Советскому Союзу путем ослабления позиций западных стран⁷⁹.

Таким путем протаскивается идея, что разрядка более выгодна Советскому Союзу, чем западным странам.

Известный международник У. Кинтнер, сделавший немало для разработки политики «холодной войны», утверждает, что курс на разрядку международной напряженности, проводимый Советским Союзом, просто продолжает «затяжной конфликт» предшествующего десятилетия, в течение которого Советский Союз «добивался своих целей с настойчивостью и впечатляющим искусством». Ликвидация Атлантического союза — «главная цель современной фазы экспансии советского влияния», — утверждает Кинтнер⁸⁰. Он призывает США сохранить фактор силы как основу отношений с СССР.

Историки правого направления, продолжая руководствоваться идеями времен «холодной войны», считают, что Советский Союз должен делать уступки в политической и идеологической областях ради расширения экономического сотрудничества с США, улучшения отношений с этой страной. Журнал «Орбис», орган так называемой пенсильванской группы историков, представляющей правые, консервативные круги американской исторической науки, сетует, что СССР «не проявляет намерения осла-

⁷⁹ A. Rubinstein. Soviet-American Relations.— «Current History», October 1974, p. 147, 149.

⁸⁰ W. Kintner. The U. S. and USSR: Conflict and Cooperation.— «Orbis», Fall 1973, p. 716.

бить кампанию идеологической бдительности»⁸¹. Уже упомянутый У. Кинтнер требует, чтобы Советский Союз для расширения экономического сотрудничества с западными странами изменил «свою политику на что-то более приемлемое, чем принцип мирного сосуществования»⁸².

Многие историки ревизионистского направления, заняв четкую позицию в вопросе — кто виновен в развязывании «холодной войны», дают тем самым ответ и на вопрос — была ли альтернатива «холодной войне». По мнению Р. Тагуэлла, Г. Колко, Д. Флеминга, В. Вильямса, Д. Горовица, Дж. Суомли, Ф. Нила и многих других историков этого направления альтернатива конфронтации США — СССР заключалась прежде всего в том, что правящие круги США после окончания второй мировой войны должны были сохранить верность политике Ф. Д. Рузвельта, имевшей одной из своих целей сотрудничество с Советским Союзом в решении послевоенных проблем, в создании условий для сохранения устойчивого мира и безопасности на нашей планете.

Известный историк Ф. Шуман, активно выступающий за нормализацию международных отношений, в одной из своих книг писал: «Президент Трумэн почти сразу же после прихода к власти начал ссориться с Москвой по целому ряду вопросов. Он пытался добиться политических уступок, используя экономическую мощь Америки»⁸³. Д. Горовиц отмечает, что именно Трумэн односторонне прекратил практику встреч руководителей трех государств. «Не существовало никогда угрозы со стороны Советского Союза» — утверждает он⁸⁴. Трумэн объявил «крестовый поход» против коммунизма, — заявляет Дж. Уорберг⁸⁵.

Именно западные державы, писал С. Ленз, нарушили после разгрома Германии взятые на себя обязательства, тогда как «Советы... сдержали большинство своих обещаний»⁸⁶. Ф. Нил обращает внимание на то, что «совет-

⁸¹ «Reflections on the Quarter». — «Orbis», Spring 1974, p. 15.

⁸² W. Kintner. Op. cit., p. 716.

⁸³ F. Schuman. Russia since 1917. Four Decades of Soviet Policy. New York, 1957, p. 313.

⁸⁴ D. Harovitz. From Yalta to Vietnam. American Foreign Policy in the Cold War. London, 1969, p. 401.

⁸⁵ J. Warburg. The United States in the Postwar World. A Critical Appraisal. London, 1968, p. 88.

⁸⁶ S. Lens. The Futile Crusade, p. 44.

ская идеология далека от побуждения Советского Союза к военной агрессии», что, «согласно концепции Ленина, предполагающей наличие «объективных условий» для революции, невозможно как призывать к революции при отсутствии этих условий, так и пытаться совершить ее»⁸⁷. Иными словами, Ф. Нил отвергает теорию «экспорта революции».

В работах многих американских исследователей показано, что «холодная война» против СССР и других социалистических стран была нужна реакционным силам США как средство прикрытия послевоенной экспансии американского империализма. Р. Барнет и М. Раскин отмечают, что в США был искусственно раздут миф об угрозе со стороны СССР⁸⁸. «Создание НАТО привело к расколу Европы. Ачесон осуществил намерение Бирнса — Клея перестроить Западную Германию, воссоздав ее как мощное капиталистическое государство, прочно вовлеченное в американскую орбиту», — свидетельствует Б. Кокрэн⁸⁹. Ф. Шуман пишет, что администрация Трумэна искусственно создавала в стране антикоммунистическую истерию, вызывая у американцев «почти патологический страх перед коммунизмом»⁹⁰.

О раздувании определенными кругами США мифа об опасности «коммунистической агрессии» свидетельствуют Дж. и Г. Колко. В упоминавшемся уже исследовании о послевоенной внешней политике США они приходят к мотивированному выводу, что «холодная война» возникла как продуманная и запланированная акция администрации Трумэна. «Холодная война» с ее антикоммунистической направленностью, пишут авторы, была нужна правящим кругам США, чтобы «замаскировать послевоенную американскую экспансию в Европе и во всем мире...»⁹¹.

Р. Тагуэлл в содержательной и интересно написанной книге провел сравнение внешней политики всех послевоенных президентов США — от Трумэна до Никсона. Он пришел к выводу, что их политика в период «холодной

⁸⁷ «Американский милитаризм. 1970». М., 1972, стр. 87—88.

⁸⁸ R. Barnett, M. Raskin. After 20 Years: Alternatives to the Cold War in Europe. New York, 1965, p. 3.

⁸⁹ B. Cochran. Harry Truman and the Crisis of Presidency, p. 167.

⁹⁰ F. Schuman. International Politics. Anarchy and Order in the World Society, p. 599.

⁹¹ J. and G. Kolko. The Limits of Power, p. 650.

войны» отходит от идей, целей политики Рузвельта. Исходя из опыта советско-американского сотрудничества военных лет, Тагуэлл высказывает твердую уверенность, что руководители США и СССР вполне могли бы урегулировать возникшие в то время проблемы, не доводя отношения между двумя странами до такого обострения, как это произошло при Трумэне, появление которого на посту президента США он назвал «национальным бедствием»⁹².

Таким образом, историки ревизионистского направления приходят к выводу, что «холодная война» — не была фатально неизбежной, что она отрицательно отразилась на послевоенных международных отношениях, вызвав многие негативные явления (гонка ядерного вооружения, международные конфликты), которых могло и не быть.

* * *

При характеристике основных направлений американской буржуазной историографии послевоенных советско-американских отношений следует помнить о закономерности и особенностях развития общественной мысли в США, о роли в ней консервативного и либерального течений. Консервативное крыло питает крайне правое направление в общественных науках, в том числе в исторической науке США. Представителями его принято считать пенсильванскую группу историков во главе с Р. Страус-Хюпе. Не ставя перед собой задачу давать характеристику этой группы, как и консервативного крыла в целом, можно подчеркнуть совпадение, тождество их политических позиций с позициями агрессивных кругов США⁹³. Что же касается либерального крыла, то следует отметить, что идеи буржуазного либерализма склонна разделять, как это проявилось в 70-х годах, значительная часть американских интеллигентов, работающих в области общественных наук. Причем степень распространения либеральных идей среди американской интеллигенции и формы проявления симпатии к ним — величина непостоянная, меняю-

⁹² R. Tugwell. Off Course, p. 179.

⁹³ См. «Американская историография внешней политики США», стр. 25—34.

щаяся по некоей закономерности, вытекающей прежде всего из самой природы американского либерализма.

Американский буржуазный либерализм — сложное общественное явление. В конкретных условиях США, где очень сильны позиции монополистического капитала и его организаций, позиции промежуточных общественных слоев особенно неустойчивы, а их представители, в частности работающие в области общественных наук, восприимчивы к различным влияниям, склонны к смене своих позиций, особенно в периоды острых социальных столкновений между основными классами в стране и вне ее. Так, например, в период второй мировой войны и непосредственно после ее окончания американская буржуазная либеральная интеллигенция в массе занимала благожелательную позицию по отношению к Советскому Союзу. С переходом правящих кругов США к политике «холодной войны» и особенно в годы разгула маккартизма претерпела изменение и позиция либеральной интеллигенции. Ф. Нил дал обстоятельную критическую характеристику сползания вправо либералов-интеллектуалов. С усилением реакции в США после окончания войны эти круги были озабочены тем, чтобы, как он пишет, их не заподозрили в «мягкости к коммунизму». В итоге, продолжает Нил, — «либеральные интеллектуалы не делали того, что они должны были сделать, т. е. не изучали критически основные положения политики сдерживания Советского Союза...» «Они не касались корней проблемы — неправильного представления о том, что Советский Союз по самой своей природе являет собой постоянную угрозу военной агрессии с целью расширения либо своего собственного государства, либо сферы коммунистического господства, либо и того, и другого». Отсутствие борьбы против антикоммунизма и антисоветизма со стороны либералов-интеллектуалов Нил считает их главной ошибкой, так как, пишет он, «не было тогда, как нет и теперь, никаких действительных свидетельств, поддерживающих идею, что русские представляют военную угрозу для Западной Европы или Соединенных Штатов».

Либерализм определяет заметное направление американской общественной мысли. Без учета его влияния и его позиций нельзя правильно понять основные тенденции развития исторической науки в США и в частности историографии советско-американских отношений. Следует только постоянно учитывать сложность такого

общественного явления, как американский либерализм. Как отмечается в работе одного советского исследователя, в американском либерализме «всегда имели место различные оттенки: от умеренных до радикальных»⁹⁴, что отражается и на состоянии общественных наук, в том числе исторической науки.

Промежуточность положения американского либерализма в социальной структуре общества не может не оказывать определенного влияния на методологическую основу существующих в американской исторической науке школ и направлений. Основная слабость позиции американских буржуазных либеральных историков заключается в том, что в ее основе нет прочного научно-теоретического фундамента, его заменяет эклектическая методологическая основа. Не удивительно, что в анализе международных отношений, выводах из опыта исторического развития у подавляющего большинства американских буржуазных историков наличествует теоретическая необоснованность, противоречивость заключений, несоответствие их исторической логике, нередко допускаетсявольное обращение с фактами, подгонка их под абстрактные волюнтаристические схемы. Эта характеристика применима в первую очередь к работам тех историков и международныхников, которые стремятся подкрепить свои исследования некими философскими обобщениями, как, например, Г. Моргентау, А. Шлезингер-младший.

Теоретическая беспомощность, зыбкость методологической основы характерны для работ многих, так сказать, «рядовых» американских историков. Различные течения, школы, оттенки среди американских историков и международныхников — «реализм», «идеализм», «неоревизионизм», «неоизоляционизм» и прочие, — свидетельствуют не столько о расцвете исторической мысли в США, сколько о нечеткости ее философских позиций⁹⁵. Нужно учесть также, что в немалой степени дискуссии о концепциях и направлениях американской исторической науки носят спекулятивный характер, когда терминологическая претен-

⁹⁴ Н. С. Юлина. Буржуазные идеологические течения в США. М., 1971, стр. 25.

⁹⁵ С. А. Петровский, Л. А. Петровская. «Модернизм» против «традиционализма» в буржуазных исследованиях международных отношений. — «Вопросы философии», 1974, № 2, стр. 39—40.

днозность и семантические построения затушевывают основной вопрос — отношение к главному принципу внешней политики США, принципу силы.

Проявляется и стремление по-своему приспособиться к меняющимся реальностям в мире, иногда просто учесть изменения в официальной политике.

Правое направление американской историографии пытается притушить критику «ревизионистов», сгладить различия в позициях между ними и официозным направлением, не превращать «ревизионистов» в неких «диссидентов» американского буржуазного общества, чем они и не являются в действительности. Тем самым был бы несколько приглушен общественный резонанс выступлений «ревизионистов». Характерно в этой связи выступление журнала «Орбис». На его страницах был устроен разнос очередной книги, критиковавшей «ревизионистов», а ведущие представители «ревизионистского» направления — В. Вильямс, Д. Флеминг, Г. Колко и др. — фактически были взяты под защиту. Не лишены интереса мотивы такой позиции журнала. При оценках «ревизионистов», отмечает журнал, «не нужно забывать, что мы, историки, все ревизионисты, в том смысле, что ревизионизм внутренне присущ историческому процессу в целом. В истории нашей внешней политики, в истории войн, в которых участвовали США, имелось немало благоприятных обстоятельств для проявления ревизионизма. Там, где ортодоксальные историки оказываются несостоятельными, — заключает «Орбис», — «ревизионисты» полезны, свидетельствуя о росте скептических настроений, уместных у поколения 70-х годов»⁹⁶.

Любопытна одна из попыток классификации работ американских историков по вопросу советско-американских отношений, предпринятая У. Уэлчем — профессором университета штата Колорадо⁹⁷. У. Уэлч выделяет три группы исследователей по их позиции относительно СССР: «ультратвердые» (Р. Страус-Хюпе, Б. Вольф и др.), «твердые» (такие, как Дж. Кеннан, Р. Такер, М. Шульман), «смешанные» (например, Д. Флеминг, Л. Хале).

⁹⁶ A. Withacker. Revisionists Revised: An Incomplete Audif.— «Orbis», Winter 1974, p. 1404—1409.

⁹⁷ W. Welch. American Images of Soviet Foreign Policy. New Haven, 1970.

При всей условности такой классификации важно, что за основу критерия берется отношение к СССР.

При анализе школ и направлений, существующих в американской исторической науке по вопросу об отношениях СССР и США, необходимо учитывать несколько обстоятельств. Прежде всего различия между теми или иными направлениями по их политическим концепциям не меняют основного — едипства буржуазных историков в их принципиальном отношении к капитализму — защита его, и к социализму — неприятие его как общественной системы.

Далее — позиция сторонников официального направления в исторической науке США, за исключением крайне правого крыла его, изменяется в соответствии с изменениями в правительственной политике. Особенно это характерно для начала 70-х годов, когда наметился отказ от догм периода «холодной войны», ширится признание необходимости нормализации международных отношений, сотрудничества с Советским Союзом и другими социалистическими странами. В этих условиях все более заметен поворот в либеральных кругах США, в том числе и в кругах ученых, к учету реального соотношения сил на мировой арене. Показательны в этом плане изменения позиций таких известных американских историков, как Дж. Кеннан, М. Шульман и др., прежде немало сделавших для разработки стратегии и тактики «холодной войны», а ныне поддерживающих реалистический курс правительства США на сближение с СССР и поэтому высказывающих такие положения, которые ведут к отрицанию их прежних доктрин⁹⁸.

Наконец, — наличие даже условных критических оттенков в американской историографии советско-американских отношений свидетельствует о растущей дифференциации в общественной мысли США, о поисках решения коренных международных проблем при отказе от принципа силы. Это — один из основных положительных выводов, следующих из анализа работ американских историков о послевоенных советско-американских отношениях.

Концепции историков правого направления о неизбежности «холодной войны» после окончания второй мировой

⁹⁸ *M. Schulman. Toward Western Philosophy of Coexistence.* — «Foreign Affairs», October 1973, p. 38, 56, 57.

войны не выдержали испытания исторической действительностью. Историки либерально-критического («ревизионистского») направления подтверждают, что атомная дипломатия, политика «с позиции силы», «холодная война» не были неизбежными, а их появление и развитие причинило огромный вред послевоенным международным отношениям.

Опыт развития международных отношений 60—70-х годов свидетельствует, что попытки историков официозного направления объяснить появление «холодной войны» «неуступчивостью» Советского Союза, его якобы нежеланием искать сотрудничества с западными державами — не соответствуют фактам прошлого и настоящего. Это обстоятельство подчеркивают те американские историки, которые всегда были и остаются противниками «холодной войны», сторонниками международного сотрудничества. Эта последняя точка зрения получает все большую поддержку и среди американских историков, и среди самых широких кругов американского общества.

ИСТОРИКИ И ПОЛИТОЛОГИ ЗАПАДА И ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ ФРГ (конец 60-х — начало 70-х годов)

И. С. КРЕМЕР, П. П. ШАПОШНИЧЕНКО

Политическое развитие Федеративной Республики Германии привлекает большое внимание ученых. Десятки книг, сотни статей, издаваемых в различных странах, ежегодно посвящаются политической истории, экономике, социальной структуре и другим сторонам жизни ФРГ. Если учесть роль ФРГ в новейшей истории Европы, ее современное положение третьей промышленной державы капиталистического мира и вместе с тем — ее значение в системе послевоенных международных отношений, то такой интерес не нуждается в детальном объяснении и мотивировках.

Особенно пристальное внимание исследователей вызывает развитие внешней политики Федеративной Республики, условия ее формирования.

Заслуживает, в частности, быть специально выделенной группа исследователей — западногерманских, американских и английских, которые рассматривают проблемы выработки политических решений, в том числе в области внешней политики. Речь идет о работах историков и социологов ФРГ — Р. Вильдемана, Р. Дарендорфа, В. Цапфа, Т. Штаммена, Р. Штрауха, Т. Эльвейна, коллективной работе западногерманских авторов «Политические движения в Германии»¹, о книгах американских исследо-

¹ R. Wildemann. *Eliten in der Bundesrepublik*. Mannheim, 1969; R. Dahrendorf. *Gesellschaft und Demokratie in Deutschland*. München, 1965; W. Zapf. *Die Wandlungen der deutschen Elite*. Stuttgart, 1966; Th. Stamm. *Regierungssysteme der Gegenwart*. Stuttgart — Berlin — Köln — Mainz, 1967; R. Strauch. *Bonn macht's möglich. Idee und Wirklichkeit in politischen Leben der Bundesrepublik*. Düsseldorf — Wien, 1969; Th. Ellwein. *Das Regierungssystem der Bundesrepublik Deutschland*. Köln — Opladen, 1963; «Politische Bewegungen in Deutschland. Entwicklungen. Aufbau. Ziele». Bonn, 1964.

вателей К. Дейча и Л. Эдингера, В. Ханридера и англичанина А. Хайденхеймера².

Для трудов этих историков и социологов характерно стремление отойти от традиционных для буржуазной историографии методов исследования, которые в области внешней политики сводились нередко к изучению дипломатических документов — переписки, протоколов переговоров, соглашений и мемуаров. Наряду с этими необходимыми источниками ученые стали обращаться сегодня и к материалам другого рода, важным для адекватного представления о прошлом и для анализа перспектив. Подвергаются, в частности, подробному рассмотрению некоторые социально-экономические и политические факторы развития государства, которые раньше нередко оставались вне поля зрения исследователей международных отношений и внешней политики, — структура власти и механизм решений, степень самостоятельности государства по отношению к различным слоям общества, роль средств массовой информации, участие различных заинтересованных групп в формировании внешней политики и т. д. Однако в работах буржуазных исследователей, посвященных международным проблемам, обычно отсутствует анализ таких решающих факторов, как уровень развития государственно-монополистического капитализма и его особенности в каждой стране, состояние классовой борьбы и т. п. Вместе с тем стремление части буржуазных историков расширить привычные рамки исследования весьма знаменательно — некоторые буржуазные ученые испытывают на себе влияние (правда, нередко в своеобразной, превращенной форме) марксистской методологии.

Сложности исследования внешнеполитических проблем служат одной из причин появления в последние годы на Западе работ, в которых вообще ставится под сомнение сама возможность объективного изучения внешней политики и международных отношений. В частности, нередко встречается мысль о невозможности вывести решение, политический выбор, сделанный человеком, из

² *K. Deutsch, L. I. Edinger. Germany Rejoins the Powers. Mass Opinion, Interest Groups and Elites in Contemporary German Foreign Policy. Stanford, 1959; W. F. Hanrieder. West Germany Foreign Policy 1949—1963. International Pressure and Domestic Responce. Stanford, 1967; A. J. Heidenheimer. The Governments of Germany. London, 1965.*

объективных факторов (А. Тойнби)³, утверждения, что «необходимое разумное поведение» не может быть определено заранее (Р. Арон)⁴, что «политические решения имеют очень произвольный характер и могут существовать очень долго, не испытывая жесткого давления факторов» (А. Сови)⁵. Определенный пессимизм в связи с проблемой адекватного научного исследования внешнеполитических проблем высказывает и К. Ф. Вайцеккер (ФРГ)⁶.

Весьма пессимистичен в оценках возможности научного анализа международных отношений английский ученый У. Д. Маккензи. В своей работе «Международные отношения» он ставит под сомнение существование научных законов общественного развития и рекомендует изучать мировую политику «посредством частичного узнавания», не пытаясь рассматривать отдельные события в качестве примера и проявления каких-либо закономерностей. «Холмы и равнины, речные долины и пустыни мировой политики, — пишет Маккензи, — сформированы постижимыми для разума силами, но силы эти действуют медленно, и можно сомневаться в практической полезности анализа долгосрочных сил для фермеров или политических деятелей, ибо и те и другие должны, по природе своих профессий, жить в известной мере сегодняшним днем. Конечно, этим для фермеров и политических деятелей не исключается необходимость благополучно дожить до следующего сезона»⁷. Очевидно, что высказанная здесь мысль о невозможности долговременного прогнозирования развития международных отношений тесно связана с отрицанием закономерности международно-политических процессов в прошлом, в историческом аспекте.

Если попытаться сгруппировать основные положения названных выше и некоторых других буржуазных историков и социологов по вопросам о формировании внешней политики, то можно выделить две группы исследовате-

³ См. А. J. Toynbee. *Change and Habit*. London, 1966, p. 6.

⁴ См. «*Révue française de sociologie*», vol. IV, № 3, 1963, p. 317.

⁵ А. Sauvy. *Mythologie de notre temps*. Paris, 1966, p. 63.

⁶ См. «*Kriegsfolgen und Kreisverhütung*». Hrsg. von C. F. von Weizsäcker. München, 1971.

⁷ W. J. M. Mackenzie. *International Relations*. — «*International Study on the Main Trends of Research in the Sciences of Man*». UNESCO, SRC 58. Paris, 1968, p. 29.

лей. Первая группа — это те, которые ставят во главу угла международные факторы, и их точки зрения сводятся к следующему:

— внешняя политика определяется исключительно «балансом сил», т. е. соотношением сил на международной арене, главным образом — соперничеством нескольких великих держав;

— внешняя политика любого государства определяется поведением другой стороны;

— внешнюю политику определяют интересы группы стран-союзников, т. е. интересы блока или военно-политического союза в целом;

— основные направления внешней политики любой страны определяются относительно постоянными национальными интересами на международной арене. Эти национальные интересы, особые для каждого государства, и определяют рамки его разумной внешней политики.

Другая группа исследователей на первое место при изучении процесса формирования внешней политики ставит внутренние факторы:

— решающую роль в выборе направления внешней политики играет позиция «военно-промышленного комплекса», т. е. союза милитаристской и экономической верхушки;

— решения по вопросам внешней политики принимаются несколькими сильными личностями, людьми выдающихся способностей, воли; внимание исследователя должно быть обращено на изучение характера и взглядов этих людей, что откроет путь к пониманию политики государства в целом;

— самое важное не личности, а институты. Политика создается в результате различных контактов и связей между президентом, канцлером, министрами и т. д.;

— политические решения — это результаты борьбы или соглашения между формально или неформально организованными влиятельными группами, «группами давления», внутри которых существуют свои связи, своя элита, свое руководство. Исход политического процесса может определяться влиянием сильнейшей группы (тезис, нередко выдвигаемый авторами книг, посвященных внешней политике ФРГ);

— внешняя политика зависит от «идеологии, или мифов», принятых высшими кругами;

— во главе государства стоит «элита» — ограниченный круг влиятельных лиц — аристократия и высшая государственная бюрократия. Взгляды этой «элиты» оказывают решающее воздействие на внешнеполитический курс страны.

Эта последняя точка зрения находит свое отражение в весьма распространенном за последние годы увлечении исследованием исключительно «элиты» общества, т. е. узкой верхушки, в руках которой находятся политические решения. При этом изучение основных классов, слоев и групп общества отодвигается на второй план. Один из крупных современных социологов ФРГ, Р. Дарендорф, заметив буквально мимоходом, что «важно и полезно» заниматься социальным положением и общественными взглядами рабочих и служащих, пишет, что «первое условие анализа всего общества — знание элит, их происхождения, социального положения и действий»⁸. По существу с Дарендорфом, по-видимому, согласен и Р. Арон. «Теория решений, — говорит Р. Арон, — изучение того, как группа людей или один человек принимают решения, которые определяют судьбы миллионов, станет центральным пунктом исследования международных отношений»⁹.

Исследователи, уделяющие главное внимание изучению вершины правящей пирамиды, весьма многочисленны в буржуазной исторической науке, среди специалистов по международным отношениям. В их работах можно встретить интересные мысли о функциях «элиты» в выработке внешнеполитических решений. К числу таких мыслей можно отнести высказывание американского политолога Р. Броди о влиянии бюрократии и общественного мнения на решения политического руководства, о факторах, ограничивающих выбор, в частности, о значении «социальной реальности» для принятия решений в области международных отношений¹⁰. Один из исследователей международных отношений, американец К. Дейч, полемизируя со сторонниками «элитарной» теории, пра-

⁸ R. Dahrendorf. Ein neue deutsche Oberschicht? Notizen über die Eliten der Bundesrepublik.— «Die neue Gesellschaft», 1962, Hf. 1, S. 18.

⁹ «Révue française de sociologie», vol. IV, № 3, 1963, p. 315.

¹⁰ R. A. Brody. Cognition and Behaviour. A Model of International Relations.— «Experience Structure and Adaptability». Ed. by C. Barvey. New York, 1966, p. 22.

вильно заметил, что «не существует замены» для таких факторов, как «поддержка со стороны масс и развитие экономики»¹¹.

Тот же Р. Броди считает, что «чем напряженнее кризис (в области международных отношений.— *Авт.*), тем меньше внимания при выборе курса уделяется народному предпочтению»¹² — установка весьма сомнительная, ибо нередко именно в период острых ситуаций власти капиталистического государства особенно заинтересованы в том, чтобы привлечь на свою сторону общественное мнение, широкие слои населения.

Нельзя согласиться и с мнением английского ученого И. Низинга, утверждающего, что «в целом высшие круги общества активнее выступают в поддержку сил мира, чем низшие»¹³. Весь опыт новой и новейшей истории свидетельствует, что именно в рядах трудящихся — рабочих, прогрессивной интеллигенции, в их организациях — в профсоюзах, коммунистических и левосоциалистических партиях, всегда находились наиболее самоотверженные и активные защитники мира.

В 50—60-е годы в буржуазной науке приобрела влияние так называемая школа Каплана, выступающая за применение системного анализа при исследовании международных отношений¹⁴. К этой школе примыкает много современных исследователей в западных странах, в том числе и английские ученые П. У. Бартон¹⁵ и А. Бентли¹⁶, чья книга «Процесс управления» рекламируется как «одна из великих классических работ политической науки» (из предисловия к книге Бентли). Эта группа исследователей стоит на позиции отрицания классовой структуры общества. Бентли считает, что «рассматривать так называемые

¹¹ K. W. Deutsch. The Impact of Science and Technology in International Politics.— «Daedalus» (Cambridge), 1959, vol. 88, № 4.

¹² R. A. Brody. Op. cit., p. 222.

¹³ I. Niezing. Peace Keeping Forces: Public Opinion, Political Attitudes and Personality Variables.— «Mens and maatschapping», Sept.— Oct., 1968, p. 428.

¹⁴ См. M. A. Kaplan. System and Process in International Politics. New York, 1957.

¹⁵ См. G. W. Burton. International Relations, a General Theory. Cambridge, 1965; G. W. Burton. System States, Diplomacy Rules. Cambridge, 1968.

¹⁶ См. A. Bentley. The Process of Government. Cambridge, 1967.

мые классы как постоянные элементы общественной структуры и считать их обязательными для всех современных общественных систем — это просто метафизика или претенциозный схематизм... То, что, по Марксу, было классово-вой борьбой, на деле — очень незрелая форма интерпретации групповой структуры общества»¹⁷. Место классов в работах многих ученых занимают «группы интересов», система этих групп, которую и следует, по их мнению, изучать. При этом роль правительства сводится к контролю, регулированию действий «групп интересов», к выведению из столкновения различных групп некоего баланса¹⁸.

Классовая направленность этих теорий очевидна. Если общество состоит не из классов, а из «заинтересованных групп» и «групп интересов», то и международная политика правящих кругов должна, по замыслу этих ученых, выступать перед читателем, как надклассовая, сбалансированная, общенародная политика.

Можно согласиться с ироническим высказыванием Г. Моргентау, что «современные теории международных отношений обеспечивают надежное покровительство не только своим авторам, но и официальной доктрине. Не высказываясь против этой доктрины, авторы этих теорий подразумевают, что против нее ничего нельзя возразить»¹⁹.

В работах западногерманских историков и социологов встречается определение современного империалистического государства как «плюралистического», т. е. якобы разделенного не на основные классы, а прежде всего на многие социальные, профессиональные, конфессиональные слои. Идеи «плюралистичности», а практически — бесклассовости, общественного строя захватили и часть руководителей социал-демократической партии и профсоюзов ФРГ. «В демократическом государстве,— писал в 1964 г. один из ведущих деятелей СДПГ и профсоюзов ФРГ Г. Лебер,— нет необходимости противопоставлять рабочих и предпринимателей как враждебные классы, последняя цель которых — уничтожение друг друга. Эта позиция в

¹⁷ *A. Bently. Op. cit.*, p. 421, 465.

¹⁸ *Ibid.*, p. 453.

¹⁹ См. *H. I. Morgenthau. Common Sense and Theories of International Relations.*— «*Journal of International Affairs*» (New York), 1967, № 2, p. 214.

нашем демократическом государстве и плюралистическом общественном строе... больше не существует»²⁰.

В Федеративной Республике, утверждают буржуазные исследователи, наблюдается децентрализация власти, распределение ее между многочисленными центрами и институтами. Выработка политики рисуется как итог свободной конкуренции мнений и воли этих якобы равноправных центров.

В основе многих исследований лежит теория «групп давления». Общество в ФРГ, говорят ее авторы, имеет ячеистую структуру, когда каждая ячейка — социальное объединение, имеющее свои интересы, свои амбиции, свой удельный вес в обществе, позволяющие этому объединению оказывать влияние на ход событий. Без сомнения, изучение различных объединений и групп буржуазного общества, степени их влияния, взаимодействия с другими группами может быть очень плодотворным, но с теорией «групп давления», представленной в работах ее сторонников, нельзя согласиться. Эта теория звучит ограниченно, однобоко и приводит к искажению подлинного положения вещей. Во-первых, в некоторых трудах изучение классового характера внешней политики полностью подменяется изучением множества слагаемых, частью третьестепенного и десятистепенного значения. Некоторые исследователи к «группам давления» относят многочисленные организации, которые никакого давления на власть оказать не могут. Во-вторых, в один ряд ставятся организации и институты, находящиеся за пределами правящего класса и правящих кругов (например, профсоюзы), и организации самого правящего класса (например, союзы монополистов). Такой подход предполагает, что правительства буржуазных стран якобы стоят над классами и подвергаются более или менее равнозначному давлению со стороны всех социальных групп общества.

Эта теория призвана замаскировать классовый, антагонистический характер буржуазного общества. Профессор Лозаннского университета Ж. Мейно дает такое определение «группам давления»: «Устойчивые связи, развивающиеся по признанному образцу, или преемственность во взаимоотношениях между членами; чувство коллектива у членов группы, отличающее их от тех, кто к ней не

²⁰ «Vorwärts», 9.IX 1964.

принадлежит; при этом стабилизирующим элементом обычно служит общность цели»²¹. Советский исследователь политической жизни ФРГ Р. Федоров справедливо считает такое толкование слишком расширительным; формулу Мейно можно приложить к спортивным союзам или к обществам филателистов, никаким политическим влиянием не обладающим²².

Именно так и поступает Р. Дарендорф, который считает, что «любое описание господствующей элиты останется формальным», если наряду с могущественными союзами промышленников и профсоюзами не включать в ее состав «университетские и культурные организации, спортивные, женские союзы и т. д.»²³. Р. Дарендорф видит во главе общества три группы: «престижный» высший слой, экономический высший слой, «властвующая элита»²⁴. Само понятие «властвующая элита» толкуется исследователями по-разному. Из приведенного здесь текста Дарендорфа видно, что он относит к «властвующей элите» исключительно политическую верхушку общества. Однако переплетение государственного аппарата с менеджерами и непосредственными владельцами монополий в буржуазном обществе зашло так далеко, что исключение «экономического высшего слоя» из «господствующей элиты» неправомерно.

Нельзя согласиться и с тем, что Дарендорф ставит на первое место так называемый престижный слой, под которым он понимает академиков, профессоров и т. п. Вполне вероятно, что значительная часть населения ставит ученых на высокую ступень общественной лестницы, но это ни в коей мере не приводит к тому, что академическая или университетская профессура стала обладать реальной властью и входит в одну из групп, стоящих «во главе общества».

Изучение отдельных «групп давления», «политической и военной элиты» и т. п. без анализа всей социально-экономической обстановки и международных условий дея-

²¹ *J. Meynoud. Nouvelles études sur les groupes de pression en France. Paris, 1962, p. 3—4.*

²² *Р. П. Федоров. Анонимная власть. Классовые организации монополистического капитала в ФРГ. М., 1970, стр. 183—184.*

²³ *R. Dahrendorf. Eine neue deutsche Oberschicht? — «Die neue Gesellschaft», 1962, Hf. I, S. 19.*

²⁴ *Ibidem.*

тельности правящих кругов, основных концепций, программных установок, а главное, реальных интересов этих кругов и тех политических сил, с которыми они связаны, не дает полной картины и полного понимания событий.

Марксистская историография имеет множество примеров анализа объективного хода событий прошлого и побудительных причин, движущих пружиной событий — анализа, не опровергнутого в дальнейшем ни новыми источниками, ни новыми исследованиями. Исторические работы классиков марксизма-ленинизма — прекрасный пример успешного использования всех современных им достижений общественных наук и прежде всего выработанного ими самим историко-материалистического метода для всестороннего исследования исторических событий. Этот метод полностью сохранил свое значение и в наши дни. Его применение позволяет и сегодня, в новых условиях, для которых характерно невиданное прежде усложнение экономической и политической структуры общества, исследовать комплекс факторов, определяющих внешнюю политику современного буржуазного государства.

Комплексное, всестороннее изучение внешней политики предполагает исследование прежде всего таких постоянно действующих факторов, как экономическое развитие и социально-экономическая структура общества. Анализ экономического развития в данном случае необходим отнюдь не для освещения некоего фона, на котором разворачиваются внешнеполитические события. Состояние экономики в большой мере определяет значение государства в международных делах. Кроме того, структура промышленного и сельскохозяйственного производства, а также импортные и экспортные потребности могут оказывать заметное влияние на внешнеполитическую ориентацию различных кругов правящего класса. Экономические интересы, как указывал В. И. Ленин, определяют «самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики»²⁵.

Важное место среди объективных факторов, воздействующих на выработку внешнеполитических решений, занимает также степень развития государственно-монополистического капитализма в стране. В этой связи необходимо исследовать механизм воздействия отдельных групп

²⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 327.

монополий на политику правительства и в то же время — степень самостоятельности власти по отношению к монополиям.

Представляется необходимым тщательно выявлять подлинные, реальные политические интересы крупной буржуазии и других руководящих слоев капиталистического государства, их основные концепции и программные установки в области внешней политики, противоречия внутри правящего лагеря. Быстрое развитие современного мира постоянно ставит различные классы и слои общества в новые ситуации, которые требуют от них переосмысливания старых позиций. «Марксизм, — говорил В. И. Ленин, — требует от нас самого точного, объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента»²⁶. Идеологи и политики буржуазии производят время от времени известную переоценку задач своего класса, следовательно и историчку внешней политики приходится подвергать анализу итоги этого процесса. Кроме того, даже сравнительно узкая категория, — «правлящие круги», не является чем-то монолитным, и требуется дифференцированный анализ спектра сколько-нибудь влиятельных группировок внутри этих кругов.

Нельзя сбрасывать со счетов также политические и экономические интересы и деятельность сил, принадлежащих к противоположному лагерю, к оппозиции, их силу и влияние. И, конечно, важную роль играют международные условия внешнеполитической деятельности данного правительства. Здесь всегда имеется множество компонентов, находящихся за пределами его власти и влияния.

Для определения политического курса ФРГ внешние факторы имеют особое значение. С одной стороны, на него оказывают воздействие развитие и политика социалистического лагеря и в первую очередь политика Советского Союза и Германской Демократической Республики. С другой — система связей ФРГ с США, Англией, Францией и другими западными державами, взаимозависимость внешней политики Западной Германии и ее партнеров по НАТО. В последние годы действовали факторы, способствовавшие возникновению условий для более независимой от США, самостоятельной политики ФРГ, в част-

²⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 132.

ности, в отношении к СССР и другим социалистическим странам. К ним можно отнести укрепление «континентальных» связей ФРГ в рамках Европейского экономического сообщества, рост ее удельного веса в экономике капиталистического мира. Вместе с тем в этот период действуют и факторы, привязывающие ФРГ к Соединенным Штатам Америки. Не последнюю роль здесь играли в 60-е годы надежды на получение с помощью США доступа к ядерному оружию. Необходимо также упомянуть о начавшемся в конце 50-х — начале 60-х годов новом этапе экономической экспансии США в Западной Европе, в том числе в ФРГ. Чтобы преодолеть возводимый вокруг ЕЭС таможенный барьер, американские бизнесмены начали создавать собственные предприятия внутри «общего рынка». Как правило, эти предприятия принадлежат сильным монополиям США и связанным с американским капиталом многонациональным монополиям, влияющим на политику правительства США и способным через него оказывать давление на правительства европейских стран.

Общие экономические всемирные отношения, с неизбежностью расширяющиеся и углубляющиеся в связи с научно-технической революцией, — сила значительно большая, чем желание и воля правительств. Эти отношения заставляют капиталистические страны вступить на путь расширения экономических и политических связей с социалистическими государствами. Каковы бы ни были субъективные намерения политических деятелей, они вынуждены считаться с объективной реальностью. «...Политика, — говорил Ленин, — имеет свою объективную логику, независимую от предначертаний тех или иных лиц или партий»²⁷.

Такой методологический подход к вопросу о формировании внешнеполитической ориентации позволяет с большей объективностью и достоверностью вскрыть основные причины происшедшего в политике ФРГ поворота в сторону разрядки напряженности.

К концу 60-х годов ФРГ всем ходом событий была подведена к тому, чтобы приступить к пересмотру своей внешней политики в направлении разрядки напряженности в Европе. Многие причины толкали ее к этому и прежде всего объективная необходимость приспособиться

²⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 14, стр. 190.

к такой реальности, как общее соотношение сил на мировой арене, которое не благоприятствовало реваншистским устремлениям западногерманского империализма.

Развитие ГДР как суверенного социалистического государства и то признание, которое получили ее миролюбивая политика во всем мире, привели постепенно к полному провалу пресловутой «доктрины Хальштейна», согласно которой только ФРГ могла претендовать на суверенное государственное представительство во внешнем мире. В то же время обострение противоречий между ФРГ и ее союзниками по НАТО создавало угрозу изоляции Бонна по ряду аспектов его политики и внутри системы западных блоков. Все это усилило размежевание политических сил внутри ФРГ по вопросу методов и целей внешней политики страны.

Немаловажное значение имела и растущая потребность ФРГ в расширении экономических связей с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Этому расширению препятствовали внешнеполитические доктрины времен «холодной войны» и, в частности, концепция, согласно которой торговые соглашения с СССР предполагали политические условия, выгодные только ФРГ.

Затягивание решения назревших вопросов грозило Федеративной Республике, как признал 9 февраля 1972 г. в бундесрате тогдашний вице-канцлер ФРГ В. Шеель, изоляцией как на Востоке, так и на Западе.

После возникновения ФРГ аденауэровская партия — ХДС усматривала перспективу развития не в обеспечении условий для мирного демократического развития Западной Германии на основе принципов Потсдамского соглашения, не через восстановление многосторонних международных отношений, в том числе с Советским Союзом и другими социалистическими странами, а на путях односторонней ориентации на Запад, прежде всего на США. Выдвинутый руководством ХДС/ХСС тезис «верность Западу» как руководящий принцип внешней политики выражал двоякого рода стремления правящих кругов: продолжать в новых условиях старую линию германской дипломатии на использование идеологических и политических противоречий между двумя общественными системами и укрепление своих военно-политических позиций в целях реванша. Односторонняя ориентация на Запад и антисо-

ветизм привели ФРГ в НАТО, создали условия для ее милитаризации, стимулировали реваншистские устремления.

Однако усиление милитаристских и реваншистских тенденций увеличили недоверие к политике Бонна и обострили напряженность в международных отношениях. В результате внешняя политика ФРГ оказалась в состоянии «постоянного кризиса»²⁸. Его высшая точка отмечена выдвижением Бонном требования о создании многосторонних ядерных сил, которых «никто не хотел»²⁹.

По мере роста экономической и военной мощи Советского Союза и всего социалистического содружества, активизации мирных инициатив этого содружества, выразившейся в новых предложениях по укреплению европейской безопасности и сотрудничеству, в укреплении деловых и культурных связей с Францией и другими странами Западной Европы, правящим кругам ФРГ все труднее становилось отстаивать свои агрессивные планы. В то время как французский партнер ФРГ встал на путь политики разрядки, «в Федеративной Республике Германии,— писал В. Брандт,— еще существовало мнение, что германский вопрос можно решить, продолжая холодную войну»³⁰.

Выход Франции из военной организации НАТО, провал планов многосторонних ядерных сил³¹, падение престижа США в связи с агрессивной войной в Индокитае и усиление экономических и валютно-финансовых трудностей США — все это не сулило ничего хорошего старой боннской политике, в частности политике нагромождения завалов на пути к разрядке.

Уже в середине 60-х годов стало очевидно, что один из принципов, который лежал в основе политики правя-

²⁸ *W. F. Hanrieder. Die stabile Krise. Ziele und Entscheidungen der Bundesrepublikanischen Außenpolitik 1949—1969. Düsseldorf, 1971.*

²⁹ *Ibidem.*

³⁰ *W. Brandt. Aktuelle Fragen der deutschen Außenpolitik.— «Europa-Archiv», 1971, № 13, S. 440.*

³¹ «Европейцы,— писал генерал бундесвера Третнер, имея в виду представителей боннского генералитета и реваншистов,— с тяжелым сердцем простились со стратегией массированного возмездия», так как она якобы,— по словам этого генерала,— давала ФРГ «абсолютную безопасность» («Allgemeine Militärrundschau», 1971, № 2, S. 202).

щих кругов ФРГ, а именно: никакое действительное ослабление напряженности между Востоком и Западом невозможно, если оно не будет сопровождаться поддержкой Атлантическим блоком объединения Германии на условиях Бонна, этот принцип не находил прежней опоры у Западной Германии³². Маневры с целью подрыва единства стран социалистического сообщества имели лишь тот результат, что они порождали новую напряженность в отношениях между ФРГ и ее восточными соседями. Было также очевидно, что в случае, если бы политика Бонна была доведена до логического конца и в Европе вспыхнула бы война, это имело бы губительные последствия для ФРГ.

Со второй половины 60-х годов в ФРГ приходят в движение широкие общественные силы, выдвигая новые идеи против «закостенелости перазаумности» (по словам западногерманского публициста и владельца журнала «Шпигель» Аугштейна).

Как показывают проведенные опросы общественного мнения, большинство опрошенных высказывается за признание ГДР и границы по Одере-Нейсе³³, за развитие многосторонних дружественных связей между ФРГ и Советским Союзом.

Появляется много политологов, которые вступают в острые полемические споры с правительством по вопросам внешней политики. Они указывают на бесперспективность политики силы и реванша, требуют изменить политику по отношению к ГДР, Советскому Союзу и другим социалистическим странам³⁴.

Ценность многих книг, появившихся в середине и конце 60-х годов, заключается в том, что они отражали, говоря словами одного западногерманского журнала, «духовный поворот» в западногерманской общественности, «поворот, который сделал возможным подлинно новую восточную политику»³⁵.

³² Этот факт подтвердил экс-секретарь НАТО М. Брозио в сентябре 1971 г.: («Cahiers du communisme», 1972, № 2).

³³ «Spiegel», 1969, № 53, S. 20, 21, 26.

³⁴ E. Schulz. An Ulbricht führt kein Weg mehr vorbei. Hamburg, 1967; W. Nette. DDR — Report. Düsseldorf — Köln, 1968; W. Osten. Die Außenpolitik der DDR. Opladen, 1969; H. Albertz, D. Goldschmidt. Analysen, Dokumente zur Deutschlandpolitik. Hamburg, 1969.

³⁵ «Außenpolitik», 1971, N 5, S. 314.

В то время как представители крайне правых кругов западногерманской буржуазии все еще продолжали цепляться за требования, которые даже союзники ФРГ уже не разделяли, в кругах общественности Западной Германии крепло сознание необходимости отказа от иллюзий в вопросах о границах, мюнхенском соглашении и доктрине Хальштейна³⁶. Как писал С. Хафнер, «признание ГДР и границы по Одеру-Нейсе давно уже перестало быть авансом по отношению к кому бы то ни было, а является обязательным условием безопасности самой ФРГ... Наложённые нами оковы непризнания (ГДР.— Авт.) равносильны в сущности отложенному объявлению войны»³⁷.

Среди крупных ученых, сыгравших заметную роль в формировании оппозиционных настроений в кругах западногерманской общественности, следует назвать прежде всего имена К. Ясперса и К. Ф. фон Вайцеккера. Их работы примечательны тем, что в них нашло отражение глубокое переосмысление их собственных взглядов³⁸. Вместе с тем, опираясь на анализ фактов, эти историки, особенно Вайцеккер со своими коллегами — представителями точных наук (математиками, физиками) выдвинули политическую альтернативу военным догмам в ФРГ. Сам К. Ясперс в определенной мере воспользовался в своей нашумевшей книге «Куда идет Федеративная Республика Германии?» результатами первых выводов группы Вайцеккера относительно возможных последствий для ФРГ ядерной войны.

Объявляя «преступным» желание «возвратить утраченное» с помощью атомной войны, Ясперс выдвинул следующие идеи: признание сложившихся границ в Европе, признание ГДР как политической реальности. Развитие демократических свобод, по мнению Ясперса, было несовместимо с введением чрезвычайных законов и милитаризацией страны; укрепление безопасности ФРГ посредством не наращивания средств военного «устрашения»,

³⁶ W. Nette. Op. cit.

³⁷ S. Haffner. Wer zu kurz springt, fällt herein.— «Stern», 26.IV 1970.

³⁸ К. Ясперс, например, допускал возможность ядерной войны в своей концепции решения международных вопросов. К. Ф. фон Вайцеккер в конце 50-х годов также исходил из необходимости «политики силы».

а их ограничения, а также с помощью политических средств, направленных на предотвращение ядерной войны³⁹. Мысль о предотвращении войны и укреплении политических средств безопасности наиболее полно развита в фундаментальном многолетнем исследовании группы западногерманских ученых под руководством Вайцзеккера «Последствия войны и предотвращение войны»⁴⁰. Об этом исследовании следует сказать несколько подробнее. Через весь труд проходит основная идея: подлинную безопасность ФРГ при сложившемся в мире соотношении сил надо искать на путях предотвращения войны, а не средствами военного противоборства и устрашения, которые создают лишь иллюзорную безопасность. Это тем более верно, пишет Вайцзеккер, если учитывать особенно «опасное географическое положение ФРГ и нерешенные национальные проблемы, сохраняющие страну как еще не ликвидированный очаг опасности». Средство предотвращения войны — создание системы безопасности путем политических шагов, ведущих к взаимному доверию и разоружению. Такова главная мысль Вайцзеккера и его коллег.

Точный математический анализ раскрывает мрачную картину последствий ядерной войны для ФРГ. Расчеты авторов исходят из случая эскалации войны с применением ядерного оружия небольшого калибра на территории ФРГ. Уже в первой фазе «по нашим подсчетам, — сообщает Вайцзеккер, — число жертв составит 10 млн. и может быть достигнута граница, при которой наступает уничтожение индустриального общества»⁴¹. «Иными словами: мы не имеем достаточно шансов выдержать войну, пережить ее. Мы должны ее предотвратить...»⁴².

Автор введения к книге, К.-Ф. фон Вайцзеккер резко критически рассматривает роль доктрины «устрашения» и «гибкого реагирования» в современных международных отношениях. На примере ФРГ он показывает, что устрашение противника даже атомным оружием — ненадежный фактор безопасности. Тенденция США, по мнению Вайцзеккера, заключается в том, чтобы «повысить ядерный порог», т. е. ограничить число поводов для начала ядер-

³⁹ K. Jaspers. *Wohin treibt die Bundesrepublik?* München, 1966.

⁴⁰ «Kriegsfolgen und Kriegsverhütung».

⁴¹ Ibid., S. 10.

⁴² Ibid., S. 12.

пой войны, а «немцы, — пишет Вайцзеккер, — во время дебатов в НАТО за последнее десятилетие были постоянно заинтересованы в том, чтобы снизить атомный порог, т. е. в том, чтобы устрашать противника посредством большей вероятности ядерной эскалации»⁴³. Вайцзеккер приходит к выводу, что устрашение, с его трудно калькулируемым размером собственного риска, — «сомнительная основа безопасности». «Необходимо подчеркнуть, что разрушительная сила большого оружия ни в коем случае не дает гарантии для сохранения мира», — пишет он. В связи с этим Вайцзеккер критикует и доктрину «гибкого реагирования», которая с 1967 г. стала официальной доктриной НАТО.

Гонка вооружений, по мнению Вайцзеккера, ведет к дальнейшей неустойчивости безопасности, основанной на устрашении. В проблеме устрашения, полагает он, «есть заслуживающие внимания факторы, способствующие стабильности, но также имеются и факторы, которые устраняют эту стабильность»⁴⁴. «Равновесие стратегического оружия, как упоминалось выше, препятствует возникновению тотальной мировой войны, но не препятствует локальным войнам... Европа не имеет гарантий остаться незатронутой войной. Так выдвигается, по нашему разумению, прямое и неизбежное требование обеспечить мир во всем мире путем политических шагов»⁴⁵. Одним из таких важных шагов в направлении разрядки и разоружения явилось советско-американское соглашение об ограничении стратегических вооружений на принципе равной безопасности.

Поставленные Ясперсом и Вайцзеккером важные вопросы обеспечения мира, в частности отказ от политики силы, получили определенное отражение в политических решениях правительства Брандта — Шееля.

Проблема, однако, заключается в том, чтобы идея отказа от политики силы была подкреплена соответствующими решениями в области военной разрядки. Основой стабильной европейской безопасности может стать лишь концепция, согласно которой разрядка напряженности будет альтернативой гонке вооружений, а укрепление взаимного доверия — противостоять «равновесию страха». Эта

⁴³ Ibid., S. 13.

⁴⁴ Ibid., S. 14.

⁴⁵ Ibid., S. 17.

одна из центральных идей Заявления европейских коммунистических и рабочих партий — участников конференции в Карловых Варах (апрель 1967 г.) — находит растущую поддержку во влиятельных общественных и научных кругах ФРГ.

Вокруг вопросов об обеспечении мира, в частности проблемы военно-политических блоков, в ФРГ ведутся острые дискуссии. Между коммунистами, левыми силами в профсоюзах, прогрессивных студенческих организациях, Немецким Союзом мира, с одной стороны, и лидерами ХДС/ХСС, — с другой, в подходе к этому вопросу существует резкое различие.

Левые силы исходят из необходимости последовательной разрядки, ограничения гонки вооружений и поэтапного и одновременного роспуска НАТО и Варшавского Договора (вначале военной, а затем и политической организации); правые — за поддержание военной конфронтации, за сохранение и усиление блоков.

Внутри СДПГ и СвДП существуют мнения, близкие и к той, и к другой точкам зрения; крайне правую представляет министерство обороны, а противоположную — социал-демократы, связанные с такими отраслевыми профсоюзами, как металлисты, и другими организациями рабочего класса ⁴⁶.

Главные идеологи атлантической политики в ХДС/ХСС, представители монополистического капитала — Ф.-И. Штраус, В. Греве, К. Т. Гуттенберг, К. Бирренбах, В. Хальштейн и др. В своих книгах, не выдвигая конструктивных моделей будущей Европы, они ратуют за укрепление Атлантического союза в различных формах ⁴⁷. Греве, ярый противник системы общеевро-

⁴⁶ Например, профсоюзная организация работников леса и садоводства на своем 9 съезде (октябрь 1971 г.) в Бад-Гарцбурге сочла осуществимым требование разоружения как альтернативу усилению военных блоков («Gewerkschafts Spiegel», 1971, № 21, S. 24). Молодые члены профсоюза металлистов (IX конференция в апреле 1971 г.) потребовали постепенного уменьшения военного потенциала в целях разоружения («Dokumentation der Zeit» (Berlin), 1971, № 15).

⁴⁷ W. Grewe. Spiel der Kräfte in der Weltpolitik. Düsseldorf — Wien, 1970; K. T. von und zu Guttenberg. Die Zukunft Europas. Düsseldorf, 1970; F.-J. Strauß. Herausforderung und Antwort. Ein Programm für Europa. Stuttgart, 1968; W. Hallstein. Der Unvollendete Bundesstaat-Europäische Erfahrungen und Erkenntnisse. Düsseldorf — Wien, 1969.

пейской безопасности, выступает за утверждение «существующей системы союзов». Он уверяет, что если эта система, основанная на военной и экономической концентрации сил Запада, будет заменена системой безопасности, которую предлагают страны Варшавского Договора, то не только будет «панесен вред свободе и безопасности некоммунистических государств Европы, но это поставит на карту достигнутую в последнее время относительную разрядку напряженности»⁴⁸.

Примерно такой же точки зрения придерживается один из деятелей ХДС/ХСС О. фон Врангель. Он утверждает, что «мирный порядок» в Западной Европе уже существует благодаря НАТО и участию в нем ФРГ. Этот тезис широко распространяется в ФРГ прессой Шпрингера. Ф.-И. Штраус выступает за создание политического единства Европы на базе «общего рынка», из которого в рамках НАТО «может развиться самостоятельная сила» как противовес европейской политике социалистических стран. В своей книге «Вызов и ответ» Штраус отстаивает такого рода военно-политический союз, потому что он прежде всего поможет приобрести то влияние, какого ФРГ не получила в НАТО, в частности в вопросе об участии в ядерной стратегии⁴⁹. Не может долго существовать Западная Германия, которая в экономическом отношении была бы великаном, а в политическом карликом. Поэтому германская политика нуждается в европейских рамках, писал Штраус⁵⁰. Более гибкие варианты Европы как «третьей силы» на основе усиления западноевропейской экономической, политической и военной интеграции под покровительством США содержат работы и других исследователей⁵¹.

⁴⁸ W. Grewe. Op. cit., S. 118.

⁴⁹ Западногерманский генерал Третнер также сожалеет, что не удалось получить давно желаемого «военного равноправия» ФРГ в НАТО. «Долголетние усилия в целях урегулирования вопроса о равноправном участии в принятии решений НАТО, которые даже приводили к известным кризисам, до сегодняшнего дня закончились неудовлетворительно», — писал генерал Третнер в феврале 1971 г. («Allgemeine Militärrundschau», 1971, № 27).

⁵⁰ F.-J. Strauß. Herausforderung und Antwort..., S. 211.

⁵¹ См. статьи Г. Гробека («Europa-Archiv», 1971, № 1) и К. Риттера («Europa-Archiv», 1970, № 15—16).

Ни для кого из этих международников европейская система безопасности, исходящая из признания существующих реальностей, по сути дела не приемлема. Отсюда их стремление посеять сомнение в том, что «общевропейская система безопасности будет более надежна, чем империалистическая система военных блоков», в которой западно-германская реакция видит средство решения европейских вопросов в соответствии со своими агрессивными целями.

Бывший статс-секретарь фон Гуттенберг предупреждает тех, кто активно отстаивает политику разрядки напряженности, что существует якобы опасность «утраты контроля над развитием событий»⁵².

Представители германской социал-демократии и либеральных буржуазных кругов допускают возможность прекращения действия военных блоков в случае вступления в силу общевропейского договора о коллективной безопасности. Часть руководителей СДПГ признает и необходимость сокращения вооружений, проявляет реалистический подход к политике. В своих работах, касающихся вопроса о нераспространении ядерного оружия⁵³, они рассматривают интересы ФРГ в НАТО с иных позиций, чем представители правого буржуазного крыла.

Однако вся интерпретация понятия «европейская безопасность» сводится к «равновесию страха», в лучшем случае количественно ограниченного определенными рамками. В «устрашении» часть руководителей социал-демократии видит чуть ли не единственную возможность сохранить мир, понимаемый как отсутствие войны. В центр системы безопасности выдвигается такой фактор, как два противостоящих военных союза — своего рода гаранты «мирного порядка» (этот термин употребляется в этих кругах чаще, чем «европейская безопасность»). Главное, надо избежать таких политических трендов, которые ведут к военному столкновению. А чтобы этого до-

⁵² «Dokumentation der Zeit», 1971, N 9, S. 17, 18.

⁵³ Еще в 1968 г. в книге «Политика мира в Европе» В. Брандт заявил: «Как немецкий политик, я говорю и повторяю: я не хочу, чтобы моя страна обладала ядерным оружием... Нам не нужно ядерное оружие». «Стремление к миру и взаимопониманию народов — первое и последнее слово нашей внешней политики, ее фундамент». Вместе с тем В. Брандт писал, «что касается НАТО, то ее надо сохранить и развивать...» (*W. Brandt. Friedenspolitik in Europa. Frankfurt a/M., 1968, S. 84, 34, 93, 94*).

стигнуть, надо, как полагают в своих исследованиях социал-демократические и либеральные политики (например, Э. Бар, Дуквиц, В. Брандт, Т. Зоммер), создать надежные политические соглашения, а также довести до минимума фактические силы «устрашения». Но сам факт взаимного «устрашения» в виде военных союзов сохранится как гарантия «мирного порядка».

В решении юрибергского съезда (1968) СДПГ по этому вопросу говорится, что «мир в Европе покоится сейчас на равновесии двух союзных систем. Мир будет обеспечен, если напряженность в противостоянии блоков будет смягчена двусторонней и многосторонней кооперацией с целью установления системы безопасности в Европе. При этом равновесие сил не должно быть нарушено»⁵⁴.

Если учесть сказанное выше о непоследовательности концепции безопасности СДПГ и в частности о решимости социал-демократов в области обороны идти по стопам предыдущих правительств⁵⁵, то можно сказать, что в парламентской фракции СДПГ преобладает точка зрения о сохранении и наращивании военных сил НАТО, а политические соглашения, в том числе и возможный глобальный договор о европейской безопасности⁵⁶, рассматриваются как «дополнение» к существующим союзам.

Концепция обеспечения устойчивого мира в Европе получила активную поддержку представителей так называемого критического направления в науке, опирающегося на Гессенский фонд по проблемам мира и конфликтов (Франкфурт-на-Майне)⁵⁷.

Наиболее известные его специалисты — Д. Зенгхаас, Ф. Вильмар, Э. Криппендорф — поддерживают традиционные контакты с правительственными кругами ФРГ. Представители «критического направления» в своих работах пытаются иногда преодолеть границы буржуазного мышления путем частичной критики империализма, выявления растущих империалистических противоречий, раскрытия отдельных черт паразитизма и антидемократизма господ-

⁵⁴ «Dokumentation der Zeit», 1971, N 9, S. 17, 18.

⁵⁵ «Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung», 15.V 1971.

⁵⁶ См. статью Г. Румпфа в «Außenpolitik», 1971, № 1.

⁵⁷ О работе этого фонда см. А. Bönisch, W. Steinke. Bürgerliche Friedensforschung (Probleme, Widersprüche, Tendenzen). Berlin, 1973.

ствующих классов. В этом они идут дальше, например, Вайцзеккера и Ясперса. Они уделяют внимание проблемам борьбы с военно-промышленным комплексом и особенно политическим и социально-экономическим аспектам европейской безопасности и разоружения. Некоторые представители «критического направления», например Ф. Вильмар, В. Мёллер, связывают перспективу мира с разработкой социалистической внешней политики⁵⁸. Так, в работе «Вооружение и разоружение в период позднего капитализма» Вильмар дает собственное определение «социалистической политики мира для Европы». Он говорит, что эта политика «признает наличие враждебных миру сил и тенденций, обусловленных глубокими внутренними противоречиями общества; реалистическая политика на Западе может проводиться только теми, кто исходит из необходимости мирного сосуществования; политика мира тесно связана с демократическим социализмом, понимаемым как общественный порядок, в котором существует демократическое планирование, устранено господство элит и который в состоянии в условиях разрядки вступить в конструктивное соревнование с «государственным социализмом» Восточной Европы».

По мнению Вильмара, из состояния враждебности в отношениях между двумя системами (а «демократический социализм» мыслится им в рамках несколько преобразованной капиталистической структуры собственности) может возникнуть «конструктивное соревнование», с взаимовлиянием и взаимопроникновением преобразованных структур.

Явно наивными выглядят рассуждения Вильмара относительно возможности преобразования капиталистической тенденции в социалистическую в процессе формирования «самостоятельной демократически-социалистической политики» в странах Западной Европы⁵⁹. Как показывает опыт, на почве капитализма никакой социалистической политики не получается.

Позитивная сторона исследований Вильмара — в постановке вопроса о необходимости разработки самостоятель-

⁵⁸ W. Möller, F. Vilmar. Sozialistische Friedenspolitik in Europa. Kein Frieden ohne Gesellschaftsreform in Ost und West. Reinbeck bei Hamburg, 1972; F. Vilmar. Rüstung und Abrüstung im Spätkapitalismus. Hamburg, 1973.

⁵⁹ F. Vilmar. Op. cit., S. 243.

ной политики социалистов, а также в том, что эта политика выдвигается им в противовес милитаристской политике империализма, представляющей реальную угрозу миру и демократии. Что же касается СССР и других социалистических стран, то Вильмар признает, что эти страны никогда и никому не угрожали.

Вильмар подробно анализирует влияние чрезвычайных законов в ФРГ на усиление антидемократических тенденций и атлантизма во внешней политике социал-либерального правительства. Говоря о необходимости защиты демократии, он поддерживает боевые антимиитаристские традиции рабочего класса, в частности профсоюза металлистов ФРГ, и видит реальные силы для разработки и проведения новой внешней политики, «свободной от интересов вооружения» и способной «решающим образом воздействовать на обеспечение мира»⁶⁰.

Признание Вильмаром того факта, что «реальная политика в научно обоснованном плане может быть только социалистической политикой» и что «политика устрашения» противоречит политике мира, оказывает определенное влияние на умонастроения в кругах СДПГ, не довольных господствующей и поныне в ФРГ доктриной «устрашения» и связанной с ней гонкой вооружений⁶¹.

В книге «Устрашение и мир» Д. Зенгхаас, так же как и Ф. Вильмар, выступает против доктрины устрашения. Он требует решительного разрыва «науки о мире» с концепцией устрашения. «Пока с этой концепцией идут на компромиссы,— пишет он,— невозможно сформулировать реалистический подход к политике мира. Единственно возможный реализм в борьбе за мир — демонтаж системы устрашения»⁶².

Среди работ представителей либерально-критического направления появляются интересные «модели» разоружения, которые следует рассматривать как часть более длинной цепи мер, ведущих к всеобщему и полному разоружению. В этом отношении определенный интерес представляет попытка историка-публициста Т. Зоммера, близ-

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ См. положительные оценки работ Вильмара в центральном теоретическом органе СДПГ — журнале «Die neue Gesellschaft», 1973, № 6.

⁶² D. Senghaas. Abschreckung und Frieden. Frankfurt a/M., 1969, S. 294.

ко стоящего к правительственным кругам, дать детальный анализ проблемы сокращения вооружений в Европе.

По мнению Зоммера, на всех этапах и во всех звеньях процесса сокращения вооружений в Центральной Европе должен действовать принцип пропорциональности.

Другие политологи поддерживают предложения стран Варшавского Договора о создании системы безопасности и сотрудничества в Европе, а также идею коллективного отказа от применения силы, исходят из принципа последовательной и стабильной разрядки, выступают за деловое обсуждение вопроса о сокращении вооруженных сил и вооружений (Г. Раш, Ф. фон Гейзау). Среди их выводов содержатся и такие, которые политику мира ставят в прямую связь с социальным прогрессом в ФРГ.

Профессор Марбургского университета Рейнхард Кюнль, занимающий сходную позицию, пишет: «Если для большинства населения ФРГ становится очевидным, что мирное сосуществование с социалистическими странами возможно, то из этого проистекает ряд существенных выводов: 1) закостенелое представление о враге, являющееся психологическим базисом вооружения и авторитарных устремлений, теряет свою правдоподобность; 2) критика левых относительно скверного состояния дел в жилищном вопросе и вопросах здравоохранения и образования, а также их критика политики вооружения могла бы рассчитывать на растущий резонанс. Массы могли бы спросить: действительно ли нужны огромные расходы на вооружение?; 3) информация об успехах социалистических стран, прежде всего в области социального обеспечения — образования, здравоохранения, в атмосфере разрядки могла бы стать достоянием населения ФРГ». Кюнль говорит, что реакционные силы в ФРГ ясно понимают эту «опасность». «Не случайно, — подчеркивает он, — что это — те же самые силы, которые организуют сопротивление участию рабочих в управлении и демократизации общества. Политика разрядки и демократизация общества теснейшим образом связаны друг с другом и взаимно обусловлены»⁶³. По этому поводу Г. Фрибел замечает: «Противоречие между конструктивной политикой мира, разрядки и демократизацией общества — с одной стороны, — и политикой уравнивания страха гешефтом, приоб-

⁶³ Цит. по «Die Neue Gesellschaft», 1973, № 6, S. 475.

ретенным на страхе — с другой, — может быть разрешено только в пользу неделимости мира, разрядки и демократизации»⁶⁴.

Наиболее последовательную позицию в вопросе европейской безопасности в ФРГ занимают коммунисты. Германская коммунистическая партия требует, чтобы разрядка в политической области нашла свое материальное воплощение в действенных мерах по сокращению вооружений и ликвидации противостоящих военных союзов.

Критикуя политику, направленную на укрепление НАТО и бундесвера, коммунисты в Западной Германии выдвигают конструктивные предложения по достижению военной разрядки в Европе.

В частности, ГКП предлагает, чтобы расходы на вооружение не повышались, а постепенно попжалались — до половины существующего уровня военного бюджета. ГКП выступает также за уменьшение численности бундесвера, за ликвидацию в Европе всех систем оружия наступательного характера и прежде всего — ядерного, бактериологического и химического оружия. Вместе с тем коммунисты ФРГ на случай разоружения и сокращения вооружений выдвинули программу обеспечения занятости в Западной Германии.

Коммунисты ФРГ связывают пачавшийся процесс международной разрядки с новыми возможностями для развития социального прогресса и повышения классовой сознательности рабочего класса, выдвигают задачу разработки собственной внешней политики рабочего класса. Так, видный деятель ГКП Курт Бахман в связи с официальным визитом в ФРГ Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева писал, что важнейшая предпосылка такой политики в ФРГ — развитие классовой сознательности западногерманского рабочего класса под влиянием совершающегося международного процесса разрядки и прежде всего под воздействием последовательной политики мира, проводимой Советским Союзом, ГДР и другими странами социалистического содружества. «Важнейший критерий классового сознания, — говорит Бахман, — признание необходимости собственной внешней политики рабочего класса, теоретические основы

⁶⁴ Ibidem.

которой заложены в трудах Маркса и Энгельса. В настоящее время рабочий класс стоит у власти во многих странах социализма и воздействие реального социализма, пролетарского интернационализма, внешней политики рабочего движения приобретает растущее значение»⁶⁵.

Как видно, в исторической и политической науке ФРГ и других капиталистических стран проходит острая борьба между теми, кто стремится реалистически оценить состояние международных отношений, поддержать курс на мирную разрядку, и теми, кто мыслит категориями прошлого, пытается возродить методы «холодной войны».

Коренные перемены в жизни Европы, успешное завершение общеевропейского Соевещения, явившегося результатом последовательной внешней политики Советского Союза, других стран социализма, всех миролюбивых сил, создают благоприятные возможности для дальнейшей активизации всех тех, кто выступает за развитие Европы по пути мира, безопасности и сотрудничества.

⁶⁵ *K. Bachmann. Proletarische Außenpolitik und Klassenbewusstsein.— «Klassenstruktur und Klassenbewusstsein in der BRD», Frankfurt a/M., 1974, S. 190.*

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАБОТАХ П. РЕНУВЕНА И Ж.-Б. ДЮРОЗЕЛЯ

И. Г. ТЮЛИН

Рост интереса к теории международных отношений — одна из характерных черт современной французской буржуазной историографии. Выразителем этой тенденции здесь стала, прежде всего, сложившаяся в начале века школа «исторического синтеза» А. Берра, а в дальнейшем школа «Анналов», возглавляемая М. Блоком и Л. Февром (позднее — Ф. Броделем), отличительная черта которых — тенденция к комплексному, «синтетическому» исследованию исторической действительности методами гуманитарных наук¹.

Представителем этих «социологических направлений» в современной французской буржуазной историографии международных отношений стал крупнейший французский историк академик П. Ренувен². В прошлом участник «Международного центра синтеза», возглавлявшегося Берром, впоследствии активный сотрудник «Анналов», Ренувен уже в своих ранних работах, относящихся к концу 20— началу 30-х годов, обнаружил тенденцию отхода от традиционных методов истории дипломатии, сводившихся к изучению дипломатических документов, переписки, текстов соглашений и договоров, протоколов

¹ Подробнее см. *М. Н. Соколова*. От попыток создания глобальной истории к субъективизму и индетерминизму (О некоторых тенденциях развития современной французской буржуазной историографии). — «Критика современной буржуазной и реформистской историографии». М., 1974, стр. 173—196.

² О творчестве Ренувена подробнее см.: *S. W. Halperin*. Pierre Renouvin. — «Essays in Modern European Historiography». Chicago, 1970, p. 243—265; *Л. В. Таран*. Пьер Ренувен как историк международных отношений. — «Питання нової та повинної історії», вып. II. Київ, 1970, стр. 98—107; *J.-B. Duroselle*. Pierre Renouvin et la science politique. — «Revue française de science politique», 1975, N 3, p. 565—575.

переговоров, записей бесед и т. п. После второй мировой войны Ренувен окончательно порвал с традиционной дипломатической историей, занявшись историей международных отношений. В работах Ренувена этого времени все заметнее стали поиски новых методов и ракурсов исследования международных отношений, что наиболее ярко выявилось в вышедшей в 50-е годы под его редакцией многотомной «Истории международных отношений»³.

Идеи, изложенные в этой работе, в частности в введении к ней, Ренувен развил позднее в серии статей, которая вошла в первую часть «Введения в историю международных отношений», написанного совместно с его ближайшим учеником Жаном-Батистом Дюрозелем⁴.

Суть сформулированной Ренувеном концепции исследования истории международных отношений заключалась в том, что он противопоставил методам традиционной дипломатической истории, которая ограничивалась изучением деятельности политических деятелей, новую форму исторического исследования международных отношений, нацеленную на анализ «глубинных сил», т. е. основных факторов, определяющих развитие мировой политики. К этим «глубинным силам» Ренувен отнесит экономические факторы, географические и демографические условия, а также социальную психологию. «Дипломатическая история изучает действия правительств и в той мере, в какой она может, их намерения,— писал Ренувен,— но это лишь один из незначительных аспектов. Географические условия, данные демографии, экономическая активность, общественная психология и настроение — это и есть глубинные силы, которые определяют рамки отношений между человеческими группами и ограничивают действия правительств. Однако политические руководители могут изменить характер игры этих глубинных сил или по меньшей мере найти пути их использования в своих политических целях. Исследование этого взаимодействия и должно быть первой заботой тех, кто стремится к комплексному видению международной политики»⁵.

³ «Histoire des relations internationales», tt. I—VII. Paris, 1953—1957.

⁴ P. Renouvin, J.-B. Duroselle. Introduction à l'histoire des relations internationales. Paris, 1964, p. 1.

⁵ «L'Encyclopaedia Universalis», vol. IX, 1971, p. 23—26.

Ренувен особо подчеркивал, что в «глубинных силах» было бы напрасно пытаться установить какую-либо иерархию не только потому, что их роль зависит от эпохи и государства, но также и потому, что попытка «изолировать одну из этих сил от других рискует быть произвольной»⁶. Необходимо, считал Ренувен, учитывать бесчисленное разнообразие движущих сил, действие которых проявляется в истории.

Таким образом, выступая за максимальное расширение масштаба исследования международных отношений, Ренувен по существу делал установку на теоретический эклектизм, устраняющий определенность в методе исследования. Иными словами, он присоединился к широко распространенной в буржуазной социологии «теории плюрализма факторов», уже давно продемонстрировавшей свою несостоятельность. Критикуя подобные приемы буржуазной науки, В. И. Ленин писал: «Подделка эклектицизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и прочее, а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития»⁷.

Установка Ренувена на «равнодействие глубинных сил» в международных отношениях вылилась в действительности в несостоятельную попытку опровержения марксистско-ленинского подхода к политическим явлениям и процессам. Сам Ренувен не скрывал своих намерений внести некие «поправки» в марксистско-ленинскую теорию, правда, в «мягкой» форме⁸. На практике это нашло выражение в упорном замалчивании Ренувеном роли классов и классовых интересов в политике, противопоставлении так называемой игры страстей решающей роли социально-экономических факторов. Кроме того, выступая за «обновление» буржуазной истории международных отношений, Ренувен не шел до конца в смысле преодоления всех пороков буржуазной истории, что обнаружилось, в частности, в категорическом отрицании ее возможностей открыть законы развития и функционирования международных отношений⁹.

⁶ P. Renouvin, J.-B. Duroselle. Op. cit., p. 454.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 21.

⁸ P. Renouvin, J.-B. Duroselle. Op. cit., p. 155.

⁹ Ibid., p. 454.

Таким образом, концепция Ренувена, претепдующая на комплексность и всесторонность анализа, открывала простор для субъективистских и идеалистических интерпретаций истории международных отношений, predeterminedных политическими симпатиями и антипатиями исследователя. Это подтверждает и практика исследований французского историка¹⁰.

Взгляды Ренувена и сформулированная им концепция «глубинных сил» в международных отношениях получили дальнейшее развитие в трудах его ученика профессора Сорбонны, научного руководителя Центра по изучению международных отношений Национального фонда политических наук Франции Ж.-Б. Дюрозеля¹¹. В отличие от Ренувена, не отрицая столь категорично возможности создания определенных теоретических обобщений в исследованиях внешней политики, Дюрозель практически вышел за рамки истории международных отношений, очерченные его учителем. В своих работах в последние годы Дюрозель все более выступает не как историк международных отношений, а как их теоретик. Не случайно труды Дюрозеля рассматриваются во Франции как составная часть разрабатываемой в этой стране теории международных отношений.

Руководствуясь указанием Ренувена, что «усилие изысканий, направленных на исследование глубинных сил, никогда не должно приводить к пренебрежению изучением роли людей, которые управляют или пытаются управлять политическими действиями»¹², Дюрозель сосредоточил свое внимание на анализе взаимодействия «глубинных сил» внешней политики и деятельности политических лидеров, рассматривая это взаимодействие как процесс формирования и принятия внешнеполитических решений.

¹⁰ В. И. Антюхина-Московченко, А. Д. Эпштейн. «История международных отношений. Под общей редакцией П. Ренувена, т. I—VI. Париж, 1953—1955». — «Новая и новейшая история», 1957, № 1, стр. 156—164; В. И. Бовыкин. Из истории возникновения первой мировой войны. М., 1961, стр. 15—21; К. Б. Виноградов. Историография первой мировой войны. М., 1962, стр. 170—174, 309—318.

¹¹ J.-B. Duroselle. Le nuove tecniche d'analisi delle relazioni internazionali: l'appoggio classico. — «Affari esteri». 1973. N 17 Gennaio, p 27—45.

¹² «Revue historique», t. CCXI avril — juin, 1954, p. 233—255.

Совершая поворот в сторону буржуазной теории принятия внешнеполитических решений, Дюрозель подверг справедливой критике ограниченность чрезмерного субъективизма традиционной буржуазной истории дипломатии и описательность и схематизм «поведенческого» подхода современных буржуазных теорий международных отношений. В то же время Дюрозель заявил об «односторонности» марксизма, заключающейся будто бы в недооценке и принижении роли активной и сознательной деятельности людей¹³.

Как показывает история, эти обвинения совершенно безосновательны, ибо марксизм-ленинизм всегда признавал, что «история вся складывается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей»¹⁴. Вместе с тем, как подчеркивал Энгельс, признание, что в «истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям... несколько не изменяет того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам»¹⁵, которые всецело и исключительно проявляются в деятельности людей.

Именно этот марксистский подход к проблеме взаимосвязи деятельности отдельных личностей и общих исторических закономерностей и игнорирует французский исследователь. Дюрозель вообще сомневается в существовании законов исторического развития и выражает пессимизм относительно возможностей их формулирования¹⁶. Действие закономерностей международных отношений, причинную обусловленность внешней политики Дюрозель подменяет игрой «глубинных сил». Однако их проявление он по существу ставит в зависимость от сознания, воли, чувств и страстей отдельных личностей, приходя к выводу, что «в конечном счете воля человека или группы лиц составляет главный элемент объяснения»¹⁷. Тем самым французский ученый фактически объявляет волю и интеллект политических деятелей решающей силой внешней политики, непомерно преувеличивая факторы субъек-

¹³ «Affari esteri», 1973, N 17, p. 41.

¹⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 159.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 306.

¹⁶ P. Renouvin, J.-B. Duroselle. Op. cit., p. 454.

¹⁷ Ibidem.

тивно-психологического порядка. Так в конечном счете поиски Дюрозелем «третьего пути» в исторической науке — между материализмом и идеализмом — приводят его к старым, уже известным субъективистским установкам.

Поскольку, в отличие от концепций Ренувена, взгляды Дюрозеля не представляли до сих пор предмета специального рассмотрения в советской литературе, необходимо остановиться на них подробно, в особенности на основанной на них теории формирования и принятия внешнеполитических решений — центральном пункте теоретических изысканий Дюрозеля в последние годы¹⁸.

Согласно теории Дюрозеля, процесс формирования внешнеполитических решений включает в себя несколько последовательных этапов, или уровней. Первый (низкий) уровень — это уровень «косвенного давления», который оказывают «недифференцированные массы», действия которых опираются на общественное мнение. По мнению Дюрозеля, «массы» мало сформированы и склонны упрощать проблемы внешней политики. Тем не менее их «несогласованные» усилия способны оказать весьма существенное давление на политических руководителей. По Дюрозелю, воздействие «масс» вписывается в «систему причинности»¹⁹.

Уделяя внимание анализу роли и места пародных масс, общественного мнения в формировании внешнеполитических курсов стран на мировой арене, Дюрозель открыто признает их большое значение в современном международном развитии. Он справедливо отмечает сложность общественного мнения, трудности его изучения, в частности в условиях капиталистических стран, где оно формируется под влиянием буржуазных источников информации, которые в свою очередь скрывают его неоднородность, выдают за общественное мнение интересы правящих кругов, превращая его тем самым в инструмент пропаганды. Он критически оценивает некоторые практикуемые методы буржуазных исследований общественного мнения (в частности, методы Института Гэллага в США), справедливо подчеркивая, например, что пресса буржуазных стран чаще выдает за «общественное мнение» интересы «элиты» под

¹⁸ J.-B. Duroselle. La décision de politique étrangère. Esquisse d'un modèle-type.— «Relations internationales», 1974, N 1, p. 5—26.

¹⁹ J.-B. Duroselle. L'Europe de 1815 à nos jours. Paris, 1964, p. 227—230.

контролем которой она находится. И все же с его анализом природы, процесса формирования и конкретных путей воздействия общественного мнения на выработку внешнеполитических решений нельзя согласиться. Французского теоретика больше интересуют не источники, не процессы формирования общественного мнения и конкретные пути его воздействия на выработку внешнеполитических решений, а сугубо внешние формы его проявления.

Трактуя общественное мнение как «набор умонастроений, существующих в определенной области или ситуации», Дюрозель категорически отвергает его классовую обусловленность, хотя и пытается анализировать общественное мнение в связи с экономической структурой и социальной дифференциацией общества. При этом Дюрозель обвиняет марксизм в отождествлении «мнения классов с мнением общества», используя в качестве средства опровержения марксистской науки факты разнородности политических ориентаций отдельных субъектов при их аналогичном социальном положении²⁰. Вследствие этого Дюрозель неизбежно искажает роль общественного мнения в международной жизни, что можно видеть на примере его толкований роли национализма в мировой политике. Рассматривая национализм как одну из форм общественного мнения, Дюрозель выдает его за «страсть», «универсальное коллективное чувство», охватывающее всю систему международных отношений, и игнорирует социальную обусловленность, классовый характер национализма.

Для марксистской социологии такой подход, естественно, не приемлем. Общественное сознание «никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием»²¹, т. е. зависит в конечном счете от материальных общественных отношений, и, следовательно, формирующаяся на их основе социально-классовая структура общества неизбежно накладывает свою печать на проявления общественного сознания и, в частности, на общественное мнение. Вместе с тем марксистская социология отнюдь не отождествляет «мнение класса» с общественным мнением и не сводит весь процесс его формирования к некоей автоматической его регулировке экономическими и классовыми закономер-

²⁰ J.-B. Duroselle. *Opinion, attitude, mentalité, mythe, idéologie: essai de clarification.*— «Relations internationales», 1974, N 2, p. 3—23.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*, т. 3, стр. 25.

постями, как это утверждает Дюрозель. Наоборот, она признает, что общественное мнение не совпадает с сознанием отдельных классов, шире его, и, более того, принимает во внимание влияние всей совокупности различных факторов, воздействующих на формирование этого сложного явления духовной жизни общества, объединяя их в определенную систему, устанавливая весь механизм сложных взаимодействий и опосредствований между объективными факторами и общественным мнением в каждом конкретном случае. Марксистская социология принимает во внимание влияние многих различных факторов, определяющих сложность и противоречивость характера общественного мнения.

«В противоположность буржуазной социологии марксизм рассматривает общественное мнение не как некую самодовлеющую величину, а как проявление общественного сознания в деятельности народных масс, — пишет советский исследователь А. К. Уледов. — И он не отрывает изучение методов и приемов обследования мнений от теоретического анализа коренных вопросов проблемы общественного мнения. Напротив, марксизм настаивает на необходимости сочетания конкретных социальных исследований с широкими теоретическими обобщениями, что открывает возможность для всестороннего анализа данной проблемы»²². Марксистско-ленинская методология дает ключ к научному анализу конкретной исторической формы и структуры общественного мнения, путей его воздействия на выработку внешнеполитических решений.

Второй уровень воздействия «глубинных сил» — уровень «прямого давления», заключающегося в конкретных действиях так называемых групп давления²³. «Группы давления», по Дюрозелю, не столь информированы, как правительственные круги, они не обладают и прямой властью. Но они формируют точные конкретные цели, изыскивая самые разнообразные средства давления на правительство для их реализации. Поэтому Дюрозель считает, что деятельность «групп давления» вписывается одновременно и в «систему причинности и в систему конечных целей»²⁴.

²² А. К. Уледов. Общественное мнение советского общества. М., 1963, стр. 15—16.

²³ P. Renouvin, J.-B. Duroselle. Op. cit., p. 356—360.

²⁴ J.-B. Duroselle. L'Europe de 1815 à nos jours, p. 226, 241—244.

Не определяя четко понятие «группы давления», Дюрозель рассматривает их как организованные объединения индивидов по общим внешним признакам и целям, заключающимся в воздействии на власть. За образец Дюрозель берет многочисленные исследования «групп давления», предпринятые французским социологом Ж. Мейно, который расчленяет общество на несколько социальных категорий по различным признакам (так, например, французское современное общество он делит более чем на 300 «групп давления», «обрабатывающих» правительства в определенных целях). Концепция «групп давления» помогает маскировать классовый антагонистический характер современного буржуазного общества, искажая реальную картину формирования внешнеполитических решений в современном буржуазном государстве. Пытаясь анализировать внешнюю политику в тесной связи с внутренней, Дюрозель фактически уходит от проблемы классовой борьбы, приписывает очевидную растущую роль народных масс в мировой политике и т. п.

Важное место в схеме Дюрозеля занимает проблема роли политических деятелей во внешнеполитическом процессе. Напомним, что исходным пунктом марксистского решения социологической проблемы личности служит тезис Маркса, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений»²⁵. Признавая существование сложного взаимодействия между ситуацией, чертами политического руководителя и т. д., марксистская социология не считает все взаимодействующие факторы равнозначными. Основой этого взаимодействия она признает «ситуацию», понимаемую как объективное состояние общества, классов, социальных групп, как совокупность их потребностей, выступающих источником активности, мотивацией деятельности. Относительная самостоятельность политического руководителя при этом не отрицается.

Однако Дюрозель в своей концепции настаивает на вторичности «ситуации» по отношению к субъективным качествам политического руководителя, по его мнению, врожденных и неизменных: «Характер (врожденные черты.— *И. Т.*) играет постоянную роль, так как индивид

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 3.

воспринимает ситуацию в зависимости от своей природы (возбудимый видит драму, где невозбудимый остается безразличным)»²⁶. Естественно, такой подход не может быть плодотворным.

Как подчеркивает Дюрозель, специфика положения и роли политического руководителя заключается в том, что «он располагает самой широкой информацией и от имени определенной концепции легитимности обладает правом приятия решения»²⁷. Внешнеполитическое решение, по Дюрозелю, включает формулирование целей, определяющихся «национальным интересом» государства. Дюрозель справедливо подчеркивает необходимость различать объективную и субъективную сторону «национального интереса». Именно правильное понимание взаимосвязи этих двух сторон составляет решающую трудность анализа проблемы «национального интереса», служащего, по Дюрозелю, весьма нередко лишь вывеской для прикрытия классовых, групповых и личных устремлений во внешней политике. Однако далее этой констатации Дюрозель не идет, и анализу объективной стороны «национального интереса» предпочитает исследование стороны субъективной, сосредоточивая внимание на том, «какие субъективные идеи делает из него политик в современную эпоху»²⁸.

Солидаризируясь со сформулированной Р. Ароном концепцией «множественности целей» во внешней политике, которые он делит на абстрактные (вечные) и конкретные (исторические). Дюрозель предлагает трактовать «национальный интерес» как их совокупность. Но концепция Дюрозеля несколько отлична от концепции Арона. Согласно Дюрозелю, существует некое «наиболее общее» выражение «национального интереса» государств на мировой арене, заключающееся в их «стремлении к безопасности». Различны также абстрактные и конкретные цели, формулируемые обоими теоретиками²⁹. Однако очевидно, что предлагаемые Дюрозелем «поправки» к концепции Р. Арона не выходят за рамки субъективной, идеалистической интерпретации «национального интереса». Ненаучна прежде всего сама постановка вопроса и Р. Ароном,

²⁶ P. Renouvin, J.-B. Duroselle. Op. cit., p. 292.

²⁷ Ibid., p. 226.

²⁸ Ibid., p. 321.

²⁹ Ibid., p. 328.

и Дюрозелем о вечном неизменном характере «национального интереса» на протяжении всей дипломатической истории. Национальные интересы во внешней политике любого государства имеют в своей основе объективное содержание, определяющееся объективными законами развития экономики, общественного строя, международных отношений. Но это содержание всегда преломляется через призму общественного, классового и национального сознания, выражается в деятельности правящих классов, отражающей степень познания ими объективной действительности. В этом плане национальные интересы того или иного государства на международной арене выступают как совокупность общественных потребностей, порождаемых внутренними и международными условиями его развития, определенным образом осознаваемых и формулируемых правящим в данной стране классом в соответствии с его политическими целями.

Отсюда вытекает исторический характер рассматриваемой категории, важнейшим фактором изменения которой во времени служат меняющиеся потребности развития производительных сил и производственных отношений, изменения в социальной и классовой структуре общества, а также изменения в обстановке на мировой арене. Таким образом, национальный интерес — не вневременное и надклассовое, а историческое понятие, отражающее определенную ступень развития общества и государства, конкретную расстановку и соотношение классовых сил.

Ненаучно и предлагаемое Дюрозелем толкование «национального интереса» как «стремления к безопасности», в основу которой им положена так называемая теория выживания, претендующая на объяснение поведения государств на мировой арене борьбой за «жизнеспособность». Тезис Дюрозеля о стремлении государств на международной арене к «выживанию», созданию условий «жизнеспособности» и «безопасности» есть не что иное, как несколько подновленная интерпретация традиционных буржуазных теорий, пытающихся подвести, как отмечал В. И. Ленин, «всю историю... под единственный великий естественный закон. Этот естественный закон заключается во фразе «Struggle for life» — борьба за существование...»³⁰. В свое время еще Ф. Энгельс критиковал стрем-

³⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 349.

ление «подвести все богатое многообразие исторического развития и его усложнения под тощую и одностороннюю формулу: «борьба за существование». Это значит ничего не сказать или и того меньше»³¹.

Правда, опираясь на положение о «выживании» и стремлении к «жизнеспособности» при формулировании своей концепции национального интереса, Дюрозель воздерживается от вульгарной биологизации природы внешней политики и широко практикуемого буржуазными исследователями международных отношений использования этого тезиса для воспевания культа насилия в сфере международных отношений. Однако это не спасает его концепцию, которая покоится на субъективистской основе.

Лишним тому доказательством служит очевидная переоценка Дюрозелем воли и других личных качеств политических руководителей при формулировании им национальных интересов государства. Действительно, поскольку внешнюю политику государства проводят отдельные люди, на внешнеполитические мероприятия правительств разных стран неизбежно в той или иной мере могут оказывать влияние такие чисто субъективные моменты, как личные черты государственных деятелей, их подход к различным международным проблемам, их тактическое искусство, эмоциональное отношение к представителям других стран и т. п. Эти факторы иногда носят случайный характер и могут порой даже наносить ущерб интересам класса, к которому принадлежит сам государственный деятель. Однако эти моменты не могут быть главными при анализе национальных интересов государств в мировой политике. «Отличие марксизма от буржуазной социологии, в частности, в том, что он указывает на общую определяющую основу интересов — экономические отношения общества, сфера производства и труда — и выступает на этой основе против всех форм исторического идеализма, пытающегося вывести интерес из сознания», — пишет советский социолог А. Г. Здравомыслов³².

Методология Дюрозеля не позволяет французскому теоретику дать удовлетворительный в научном отношении анализ существа внешнеполитических решений,

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 622.

³² А. Г. Здравомыслов. Проблема интереса в социологической теории. М., 1964, стр. 35.

вскрыть их социально-политическую природу и содержание. Дюрозель усматривает во внешнеполитическом решении по существу лишь проявление воли политического руководителя, хотя и признает определенные пределы в свободе его выбора³³. Однако это признание носит сугубо формальный характер, так как главной чертой внешнеполитического решения Дюрозель считает его иррациональность и субъективность. Так, в выступлении во французской Академии моральных и политических наук в 1970 г. Дюрозель подчеркнул: «Рациональные решения бывают в экономической области либо в некоторых областях внутренней политики. Но я не думаю, чтобы в международных отношениях, которые являются диалектикой воли, где наряду с оценкой средств и цели обязательно необходима оценка ставок и рисков, решение когда-нибудь могло быть рациональным»³⁴.

Признание иррационального характера внешнеполитических решений не мешает, однако, Дюрозелю искать пути по «рационализации», что обнаруживается в его работах последних лет, в частности посвященных теории и методологии анализа международных конфликтов³⁵. Некоторые исследования Дюрозеля по этим вопросам представляют интерес для разработки теории международных отношений. Таковы, например, попытки анализировать логику стратегического мышления политического руководителя в процессе принятия им внешнеполитических решений, установить нормы и принципы поисков верных шагов в политике. В связи с этим представляет также интерес отношение Дюрозеля как одного из ведущих французских теоретиков международных отношений к широко распространившимся сейчас в буржуазной науке математическим методам исследования внешней политики и, в частности, критическое осмысление им теоретико-игровых экспериментов буржуазных исследователей международных отношений.

³³ P. Renouvin, J.-B. Duroselle. Op. cit., p. 412.

³⁴ «Revue des travaux de l'Académie des sciences morales et politiques», 123 année, 4 série, 1970, 2 semestre, p. 184.

³⁵ См. подробнее нашу статью «Критика теории и методологии изучения конфликтной ситуации в современных французских буржуазных историко-теоретических исследованиях». — «Актуальные проблемы истории стран Европы и Америки». Научные труды МГИМО, вып. IV. М., 1973, стр. 228—247.

В советской литературе последних лет дан обстоятельный анализ реальных возможностей внедрения в исследования внешней политики на основе общей теории диалектического и исторического материализма частных методик типа формализации, моделирования, квантификации и т. д. Советские ученые — философы, социологи, историки подчеркивают, что указанные методики открывают широкие возможности для исследований внешней политики. Вместе с тем они отмечают, что формализация выступает как дополнительное и важное вспомогательное средство, как один из приемов и методик познания, который не должен противопоставляться другим и отрываться от качественного анализа³⁶. «Главным же является не форма, не средства описания, а содержание. Весь вопрос в правильной теории развития общества,— пишет в этой связи советский исследователь А. В. Сергиев.— Математическими средствами могут быть записаны как правильные, марксистско-ленинские концепции, так и концепции буржуазных ученых, ненаучные или даже антинаучные. Никакая формализация теории не может устранить ее классовости, ее партийности, классового, партийного подхода исследователя к изучаемым политическим процессам»³⁷.

Проблема методологической основы остается главной не только для вопроса о применении частных методик при исследовании международных отношений, но и для анализа всего процесса формирования и принятия внешнеполитических решений, разработки его теории.

Теория решений, имеющая в основе методологию марксизма-ленинизма, вскрывающая глубинные общественные факторы, потребности и интересы, восходящая до анализа их классовой природы, а не занимающаяся поверхностными описаниями и произвольным толкованием фактов, может стать важной составной частью материалистической теории международных отношений и наукой управления внешнеполитическими процессами.

* * *

³⁶ См., например, Д. В. Ермоленко. Социологические исследования и международные отношения.— «Вопросы философии», 1971, № 1, стр. 79—81.

³⁷ А. В. Сергиев. Предвидение в политике. М., 1974, стр. 85.

Анализ современной французской буржуазной историографии международных отношений на примере работ таких видных представителей, как Пьер Ренувен и Жан-Батист Дюрозель, свидетельствует о продолжающемся в ней росте стремлений к «комплексному» анализу методами современной социологии, социальной психологии и других общественных наук, об усиливающихся попытках создания теоретических обобщений. Эти становящиеся все более характерными для современной буржуазной французской историографии международных отношений тенденции, несомненно, представляют собой интересное явление в буржуазной исторической науке, заслуживают внимания и изучения.

Но намерения некоторых буржуазных исследователей внешней политики преодолеть кризис традиционных методов изучения дипломатии и разработать новые приемы анализа истории международных отношений остаются в большинстве случаев нереализованными, ибо вступают в противоречие с их методологическими установками, ограниченным буржуазным пониманием сущности всемирно-исторического процесса.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ЛОКАРНСКАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ФРГ

С. Р. СУХОРУКОВ

Западногерманские историки нередко провозглашают Федеративную Республику Германии прямой наследницей «демократических традиций» Веймарской республики в европейской политике. Разумеется, внешнеполитический актив Германии второй половины 20-х годов, связываемый с именем бывшего министра иностранных дел Веймарской республики Густава Штреземана, как правило, включается в это «наследие». Можно оставить в стороне некоторые нюансы в трактовке «европейской политики» Штреземана, но попытки отдельных историков ассоциировать определенные аспекты современной реалистичной восточной политики ФРГ с «восточной ориентацией» Штреземана, заставляют нас вернуться к локарнской политике Германии, в которой советско-германским отношениям правящими кругами Веймарской республики отводилась немаловажная роль.

Анализ локарнской политики Германии был дан в ряде советских исследований¹. Однако «восточный» аспект «локарнского курса» не получил достаточно полного развития в советской литературе. Не исследовался этот вопрос у нас и в историографическом плане. Между тем вопрос о месте и значении так называемой восточ-

¹ «Локарнская конференция 1925 г.», М., 1959; «История международных отношений и внешней политики СССР 1919—1933 гг.», т. I. М., 1961; В. М. Турок. Локарно. М.—Л., 1949; В. В. Постников. США и дауэсизация Германии (1924—1929). М., 1957; С. Ю. Выгодский. Внешняя политика СССР (1924—1929 гг.). М., 1963; С. В. Никонова. Германия и Англия от Локарно до Лозанны. М., 1966; П. М. Кузьмичев. Германия в Локарно. (Кандид. диссертация). Л., 1950; А. А. Ахтамзян. Рапалльская политика. М., 1974.

ной ориентации в локальной политике Германии до сих пор не утратил своей научной и политической актуальности. Задача данной статьи — критический анализ некоторых буржуазных работ в ФРГ по этому вопросу.

После заключения Рапалльского договора (16 апреля 1922 г.) в правящих кругах Веймарской республики обострилась борьба по вопросу внешнеполитической ориентации Германии. Большая часть германской монополистической буржуазии выступала за сближение с Западом на антисоветской и антикоммунистической основе. Другая, заинтересованная в экономических связях с Советской Россией, полагала, что советско-германские отношения станут важным стимулом для смягчения политики диктатора со стороны западных держав по отношению к Германии. Эта часть германской буржуазии рассчитывала, что угроза германо-русского союза заставит Запад ослабить путы Версальского договора и пойти на уступки. Конечная цель и у той, и у другой части германской буржуазии была одна и та же — «возрождение великой Германии», но пути достижения ее — разные. Поэтому борьба внутри германских правящих кругов за «восточную» или «западную» ориентацию носила характер борьбы за тактическую линию во внешней политике германского империализма и вызывала колебания в германо-советских отношениях.

Попытка прямого срыва версальских постановлений в 1923 г. и отказ от выплаты репараций Германией повлекли за собой оккупацию Рура французскими и бельгийскими войсками, крах финансово-экономической системы Веймарской республики и создали революционную ситуацию в Германии. Политика «пассивного сопротивления», объявленная правительством Кюно в связи с оккупацией Рура, еще более осложнила положение Германии. Попытка правительства Кюно изолировать Францию от Англии и США потерпела фиаско.

В этих условиях восточный аспект германской внешней политики приобретал жизненно важное значение. Поэтому руководящие круги Веймарской республики сочли необходимым развивать германо-советские связи, хотя как раз во второй половине 1923 г. антикоммунистические тенденции в правящем классе Германии (а вовсе не пресловутая «подрывная работа Москвы и Коминтерна», как утверждают такие западногерманские историки, как

Э. Корд, В. Маркс, Г. Хартль² и др.) вызвали напряженность в советско-германских отношениях. Однако на базе Рапалльского договора эти отношения можно было урегулировать.

Советско-германские отношения 1924—1926 гг. развивались под воздействием различных объективных факторов. Их влияние отчасти признают и некоторые историки различных политических течений (Д. Поссер, Г. Раш, Г. Манн, В. Конце, К. Мильке и др.), но в целом они дают субъективистскую трактовку процессу развития отношений между обеими странами в этот период, связывая его с именем Густава Штреземана.

Штреземан, возглавлявший правительство в августе — ноябре 1923 г. и занимавший пост министра иностранных дел в течение шести лет (1923—1929), понимал, что разоруженная Версальским миром Германия не сможет вернуть былого положения силой. Поэтому достичь стратегических целей германского империализма (ревизия Версальского договора, реванш за поражение и признание Германии равноправным партнером западными державами) Штреземан рассчитывал с помощью дипломатических средств. Основой его внешней политики, пронизанной антикоммунизмом, стало сближение с Западом. Но советско-германским отношениям Штреземан придавал также большое значение, рассчитывая использовать их как мощное тактическое оружие в борьбе против Запада. Спекулируя на угрозе большевизма или на «советско-германском союзе», Штреземан добивался уступок от Запада. Вместе с тем, заверяя Советский Союз в неизменности дружеских отношений, Штреземан отдавал дасть тем буржуазным кругам, которые были заинтересованы в советско-германских торгово-экономических связях. Известное влияние на политику оказывали также настроения народных масс Германии в пользу сотрудничества с СССР.

Политика Штреземана частично нашла свое выражение в Локарнских соглашениях, подписанных 16 октября 1925 г. Германией, Францией, Бельгией, Италией и Англией и обеспечивавших статус-кво германо-бельгийской и германо-французской границ. В этих соглашениях Герма-

² E. Kordt. Die sowjetische Außenpolitik im Wandel der Weltpolitischen Konstellationen.— «Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte», 1968, № 2, S. 170; H. Hartl, W. Marx. Fünfzig Jahre sowjetischer Deutschlandpolitik. Boppard am Rhein, 1967, S. 101—105.

ния формально подтверждала свою верность Версальскому договору 1919 г., за что она получила право вступить в члены Лиги наций (8 сентября 1926 г.) и, следовательно, обретала юридическое равноправие среди западных держав. Роль главных гарантов Локарно играли Англия и Италия; Франция оттеснялась на второе место, что было особенно выгодно Германии.

«Русский вопрос» не стоял в повестке дня Локарнской конференции, однако в ходе переговоров обсуждались возможные варианты участия Германии в антисоветских акциях Лиги наций по статье 16: 1) прямое военное участие; 2) косвенное военное участие (пропуск войск через свою территорию; 3) экономическая помощь при разрыве экономических отношений с соответствующими странами³ (имелась в виду возможная экономическая блокада СССР). Штреземан соглашался с участием Германии в экономических санкциях, хотя и подчеркивал опасные для нее последствия объявления бойкота Советскому Союзу. Успешно используя противоречия между западными державами, советской дипломатии удалось сорвать возможность экономического бойкота со стороны Германии и, заключив с ней торгово-экономический договор 12 октября 1925 г., в определенной мере нейтрализовать антисоветскую направленность Локарнского договора.

Локарнским договором Германия обезопасила свои западные границы, пытаясь создать возможность ревизии восточных границ, т. е. границ с Польшей. Вот почему политика Штреземана находит восторженную оценку в части буржуазной историографии ФРГ. В сборнике, посвященном истории германского либерализма, В. Штефан заявил: «Под знаком Штреземана политические успехи открыли период, который известен как «золотые двадцатые годы»⁴. М. Фогельзанг утверждает, что «Штреземан проводил личную политику, не пользуясь симпатиями», что его политика «связана с его личной властью», а М. Вальсдорф прозападную ориентацию Германии расценивает как «результат политики Штреземана»⁵. Это

³ «Локарнская конференция 1925 г.», стр. 184.

⁴ «Geschichte des deutschen Liberalismus». Köln — Opladen, 1966, S. 108.

⁵ *Th. Vogelsang. Die Außenpolitik der Weimarer Republik 1918—1933. Uelzen — Hannover, 1959, S. 23; M. Walsdorff. Westorientierung und Ostpolitik. Stresemanns Rußlandpolitik in der Locarno Ära. Bremen, 1971, S. 146.*

утверждение свидетельствует о волюнтаристском подходе упомянутых историков к проблемам внешней политики.

С другой стороны, такой историк, как К. Бухгейм, не скрывает связей Штреземана с определенными группами концернов и буржуазными партиями⁶, а о прямом влиянии господствующих классов на внешнеполитическую линию Германии через кастовый аппарат министерства иностранных дел свидетельствуют воспоминания немецких дипломатов Г. Хильгера, В. Блюхера, Г. Дирксена, Ю. Курциуса, Ф. Папена, Ф. Твардовского. К тому же из опубликованной в 1967 г. в западногерманском журнале секретной речи Г. Штреземана⁷, произнесенной им 22 ноября 1925 г. перед своими единомышленниками из немецкой народной партии, нетрудно понять, чьими симпатиями пользовался Штреземан, у кого искал поддержки, на кого опирался в своей деятельности и чью политику отражал. Как известно, эта партия представляла интересы крупной буржуазии, землевладельцев, связанных с промышленностью, крупного чиновничества и части интеллигенции.

В биографических работах Г. Лёвенштейна, М. Горинга, А. Германа, Ф. Гирша, написанных в явно апологетическом духе, сообщается об активной поддержке внешней политики Штреземана такими буржуазными партиями Веймарской республики, как немецкая народная партия (членом и руководителем которой он был), христианско-демократическая народная партия («центр»), немецкая демократическая партия (бывшая партия прогрессистов) и правым руководством социал-демократической партии Германии⁸. Широкая популярность Штреземана в буржуазных кругах объясняется прежде всего тем, что он был не только наиболее точным выра-

⁶ К. Buchheim. Die Weimarer Republik. Grundlagen und politische Entwicklung. München, 1961, S. 107, 111.

⁷ «Eine Rede Stresemanns über seine Lokarnopolitik». — «Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte», 1964, Hf. 4, S. 416—436.

⁸ H. Lövenstein. Stresemann. Das deutsche Schicksal im Spiegel seines Lebens. Frankfurt a/M., 1952; M. Gohring. Stresemann. Mensch, Staatsmann, Europäer. Wiesbaden, 1956; F. Hirsch. G. Stresemann. Patriot und Europäer. Göttingen, 1964; A. Hermann. Gustav Stresemann. Von deutschen Nationalisten zum guten Europäer. — «Aus Geschichte und Politik. Festschrift zum 70 Geburtstag Ludwig Bergstrassers». Düsseldorf, 1954, S. 139—151.

зителем интересов, но и искусным исполнителем воли и политики своего класса, а отнюдь не своей собственной политики. Таким образом, совершенно безосновательны попытки некоторых буржуазных исследователей выделить политику Штреземана из общего процесса возрождения агрессивного германского империализма и представить ее как «наднациональную», а автора этой политики «хорошим европейцем», «миротворцем», «человеком европейского мышления», будто бы выдвигавшим идею объединения Европы в целях укрепления мира.

Западногерманские буржуазные историки не едины в оценке внешней политики Штреземана. Т. Фогельзанг говорит, например, что уже в 20-е годы, т. е. при жизни Штреземана, исследователи раскололись на два лагеря. Одни «панегирически воспевали консолидированную Штреземаном внешнюю политику», другие всячески «чернили ее»⁹. В современной буржуазной литературе ФРГ сохраняются те же направления — апологетическое и критическое. Однако в апологетизации штреземановской политики теперь появились новые нюансы. Определяя историческое значение внешнеполитической деятельности Штреземана, буржуазные историки переносят акцент на его «интеграционистские устремления». В первые годы после второй мировой войны в ФРГ вновь появилась концепция «политики соглашения» с Западом, которая стала пропагандироваться частью западногерманских буржуазных историков¹⁰. «Во времена Веймарской республики,— пишет Х. Хельте,— имя Штреземана было тесно связано в Германии и за границей с Локарно. Его современники видели в нем политика, главной целью которого было создание после ужасной войны вместе с западными державами новой Европы — Европы национального взаимопонимания и умиротворения»¹¹.

Характерно, что некоторые западногерманские историки пытались искать в политике Штреземана аргументы для определения «проатлантической ориентации» ФРГ, гегемонистских устремлений определенных кругов правящего класса. С этой целью они были готовы использовать

⁹ *Th. Vogelsang*. Op. cit., S. 23.

¹⁰ «Locarno und die Weltpolitik 1924—1932». Göttingen — Zürich — Frankfurt, 1969.

¹¹ *C. Höltje*. Die Weimarer Republik und das Ostlocarno-Problem 1919—1934. Würzburg, 1958, S. 106.

опыт Штреземановской «восточной политики», пронизанной антикоммунизмом. Отметим, что при оценке политики Штреземана в современной западногерманской историографии выделились три направления: одни (Т. Фогельзаг, Г. Манн, Л. Циммерман) сходятся на том, что Штреземан придерживался в своей политике прозападной ориентации, другие (К. А. Эрдман, К. А. Брахер, П. Ноак) считают, что он осуществлял одновременно западную и восточную ориентацию, третьи (В. Копце, Х. Хельтье, Ю. Шпенц, М. Вальсдорф) полагают, что не было ни той ни другой ориентации, а вся политика Штреземана заключалась в достижении равновесия сил путем «балансирования между Западом и Востоком».

Однако объективно оценить тактику Штреземана можно, лишь не упуская из виду конечные цели его политики. Многие же буржуазные исследователи рассматривают тактику и методы Штреземана, как нечто самодовлеющее, что позволяет им извращать внешнеполитический курс Штреземана, скрывать подлинные планы восстановления империалистической Германии и утверждения ее гегемонии в Европе.

В связи с этим большой интерес представляет развернувшаяся в литературе ФРГ дискуссия о конечных целях локальной политики Штреземана. Г. Манн справедливо писал, что «Штреземан надеялся вновь увидеть Германию сильнейшей в мире и выправшей то, что было потеряно в 1919 г., если не на Западе, так на Востоке»¹². Как он собирался это осуществить, Манн не пишет. А между тем, сознавая военное бессилие Германии в борьбе против Запада, Штреземан рассчитывал упрочить ее положение за счет слабых восточных соседних государств, прежде всего Польши. Буржуазные историки А. Герман и Э. Эйк ссылаются на ярко выраженную ненависть Штреземана к Польше. Э. Эйк, в частности, пишет: «Господство немцев над поляками казалось ему вечным и естественным, поляков над немцами — извращением. Это извращенное состояние он хотел изменить, если не военной силой, то как-нибудь «выкупить»¹³. Х. Хельтье пытается «смягчить» агрессивную сущность политики Штреземана ука-

¹² G. Mann. Deutsche Geschichte des neunzehnten und zwanzigsten Jahrhunderts. Frankfurt a/M., 1965, S. 690—691.

¹³ E. Eyck. Geschichte der Weimarer Republik, Bd. 2. Erlenbach, 1954—1955, S. 47.

занием на происшедшую якобы «трансформацию» его взглядов из националистических в космополитические.

Отвергая точку зрения социал-демократа Ф. Биллика, высказанную им еще в 1944 г. и поддержанную определенными английскими историками, что политика Штреземана предусматривала подготовку к новой мировой войне за передел мира, Хёльтге безосновательно полагает, что ко времени Локарнской конференции «национализм» у Штреземана полностью отсутствовал и что мнение Э. Эйка об антипольском аспекте штреземановской политики ошибочно¹⁴. Выступая против упрощенного изображения Штреземана в виде «хорошего европейца», либеральный историк А. Тимме отклоняет точку зрения «о внутренней трансформации» штреземановских националистических представлений в общеевропейские. Определенные изменения, происшедшие во внешнеполитических установках Штреземана за время его пребывания у кормила государственной власти, А. Тимме рассматривает, и вполне справедливо, как «приспособляемость к соответственно изменившейся политической ситуации». А. Тимме вполне сознает разрыв между конечной целью Штреземана и «мирным» способом ее достижения, вернее, миролюбивой фразеологией, которая была призвана скрыть агрессивную сущность его политики. Тимме несколько не сомневается, что конечная цель Штреземана заключалась в завоевании Германией господствующего положения в Европе¹⁵.

Х. Хёльтге не согласен с Тимме в определении конечной цели Штреземана. «Я не думаю, — заявляет он, — что внешнеполитическая цель Штреземана заключалась в достижении господствующего положения Германии... Мне кажется, что рассмотрение политического пути Штреземана от национал-либерального парламентария военного времени к ответственному министру иностранных дел Веймарской республики будет поверхностным, если пытаться характеризовать его, исходя в первую очередь из выбора его политической «тактики и метода»¹⁶.

Позицию Хёльтге нетрудно понять. Во-первых, он исходит из противоположной А. Тимме, Г. Манну, Э. Эйку

¹⁴ C. Höltje. Op. cit., S. 110.

¹⁵ A. Timme. Gustav Stresemann. Legende und Wirklichkeit. — «Historische Zeitschrift», 1956, Hf. 2, S. 287—338.

¹⁶ C. Höltje. Op. cit., S. 112—113.

и другим официальной реакционно-консервативной концепции; во-вторых, свою задачу исследователя Хельтье видит в апологии «миролюбивого» курса Штреземана относительно восточных соседей Германии. Как только Хельтье переходит от оценки общего состояния международного положения Германии 1919—1933 г. к вопросу о ревизии ее восточных границ, кредо буржуазного объективиста сменяется субъективистской, крайне упрощенной трактовкой штреземановской «восточной» политики. Призывы Штреземана к мирной ревизии германских восточных границ, вызванные особенностями внешнеполитического положения Германии и ее временной военной слабостью, абсолютизируются автором как символ «миролюбия» германских правящих кругов по отношению к соседним народам.

Х. Хельтье не одинок в одностороннем истолковании внешней политики Веймарской республики. Охотно подчеркивают ее «миролюбивый» характер западногерманские историки В. Конце, Г. Гатцке, Т. Шидер, М. Вальсдорф и др. По их представлениям, цель политики Штреземана состояла в «достижении равноправия» Германии с западными державами, путь ее достижения — союз с Западом, метод — мирная ревизия Версальского договора. Герmano-советским отношениям многие из буржуазных исследователей отводят вспомогательную роль. Вот как, например, характеризует целенаправленность германской внешней политики В. Конце: «Правительство Веймарской республики настойчиво и успешно проводило политику, соответствующую положению Германии после 1919 г. Оно стремилось к умеренной ревизии мирного договора в Версале, но эта величайшая цель вела к соглашению с недавними западными военными противниками и к включению в систему безопасности женевской Лиги наций, не подвергая, однако, опасности хорошие отношения с Советским Союзом. Конечно, эту надежду нельзя было гладко и быстро осуществить»¹⁷. Эта схема не противоречит основным положениям, высказанным Штреземаном в письме к кронпринцу от 7 сентября 1925 г. Они включают три главных задачи: решение репарационного вопроса, укрепление обороноспособности Германии и исправление восточ-

¹⁷ W. Conze. Das deutsch-russische Verhältnis im Wandel der modernen Welt. Göttingen, 1967, S. 45.

ных границ, урезанных Версальским миром¹⁸. Однако, несмотря на то, что этот документ используется многими западногерманскими историками, Хельтье сомневается в его достоверности. Последнее понятно, если учесть, что этот документ «не вписывается» в биографию Штреземана-миротворца.

Действительно, даже консервативный историк Г. Гаттке признает, что под ревизией Версаля надо понимать «выигрыш жизненного пространства» и что она тесно связана с проблемой перевооружения Германии¹⁹.

К. Д. Эрдман бездоказательно утверждает, что ревизия германских восточных границ никогда не означала устранения Польши или подготовки новой мировой войны²⁰. Такую же мысль развивает и Т. Шидер. «Нельзя доказать, — пишет он, — что Штреземан макиавеллистски-двурушнически проводил свою «западноевропейскую» политику исключительно ради того, чтобы под покровом национальной политики воссоздать великодержавную политику на Востоке»²¹. Т. Шидер без всяких доказательств и аргументов подчеркивает ограниченность выдвинутых Штреземаном требований, сводившихся якобы к восстановлению лишь равноправия Германии среди крупнейших западных держав и к укреплению ее обороноспособности. Однако точка зрения германского правительства, изложенная статс-секретарем МИД Шубертом германскому послу в Москве Брокдорфу-Ранцау в письме от 12 февраля 1925 г., опровергает эту мысль Т. Шидера: «всякое прямое или косвенное признание наших существующих границ на Востоке посредством гарантийного пакта абсолютно исключается»²².

Если в определении целей штреземановской политики в западногерманской буржуазной историографии существуют расхождения, то по вопросу о методах достижения

¹⁸ G. Stresemann. Vermächtnis, Bd. II. Berlin, 1932—1933, S. 555.

¹⁹ H. Gatzke. Von Rapallo nach Berlin.— «Vierteljahrshäfte für Zeitgeschichte», 1956, Hf. 1, S. 1—29.

²⁰ K. D. Erdmann. Das Problem der Ost-oder Westorientierung in der Lokarno-Politik Stresemanns.— «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», 1955, Hf. 3, S. 133—162.

²¹ T. Schieder. Die Probleme des Rapallo Vertrags. Eine Studie über die deutsch-sowjetischen Beziehungen 1922—1926. Köln—Opladen, 1956, S. 72.

²² «Локарнская конференция 1925 г.», стр. 9.

этих целей среди буржуазных историков наблюдается единство взглядов. Ревизию версальских постановлений они признают единственным возможным путем возвращения Германии в категорию великих держав. Но, стремясь завуалировать реваншистский характер тогдашней германской внешней политики, буржуазные исследователи нередко злоупотребляют определением «мирный» при характеристике термина «ревизия». Они словно забывают, что немирными, т. е. военными, средствами Германия в то время просто не в состоянии была добиться пересмотра своих границ. Отсутствовала, как замечает Т. Фогельзанг, «военно-политическая поддержка этих усилий»²³.

В целях ревизии Версаля Штресеман выдвинул два лозунга — «выполнение» и «соглашение». Под «выполнением» подразумевалась реализация условий версальских статей, выплата репараций и т. п. Но, как справедливо отмечает в биографии Штресемана историк ГДР В. Руге, так называемая политика выполнения напоминала скорее изощренное «невыполнение» и в целом отвечала ревизионистско-реваншистскому курсу германского правительства²⁴. Масса оговорок, затяжка во времени, прямой отказ — все это срывало выполнение условий Версальского договора.

«Соглашение» же предусматривало если не простой саботаж версальских постановлений, то бесконечные переговоры с западными державами об уступках по Версалю. Связь между этими лозунгами была настолько тесной, что не все политические современники Штресемана могли понять разницу между ними. Националисты же воспринимали их оппозиционно. К. Бухгейм относит к оппозиции сторонников Пангерманского союза во главе с его председателем Классом, правое крыло немецкой национальной народной партии, возглавляемое Гугенбергом, и др.²⁵ Штресеман враждебно относился к политическим деятелям, которые «в националистическом ослеплении» мешали проведению его политики «перемирья» с западными державами²⁶.

В свое время правые националисты, резко выступавшие против «капитулянтской» перед Западом штресема-

²³ *Th. Vogelsang. Op. cit., S. 23.*

²⁴ *W. Ruge. Stresemann. Ein Lebensbild. Berlin, 1965, S. 126.*

²⁵ *K. Buchheim. Op. cit., S. 106—107.*

²⁶ *Th. Vogelsang. Op. cit., S. 23.*

новской внешнеполитической линии, подвергли критике его прозападные симпатии. Зато теперь Штреземана превозносят за реализм, проявившийся в политике соглашения с Западом. «Величайшая заслуга Густава Штреземана, — пишет В. Штефан, — состоит в том, что он, действовавший в течение долгих лет как националист, осознал угрожающую опасность и вступил в 1924 г. на новый путь»²⁷.

Для перехода на этот новый путь у Штреземана были определенные предпосылки. В Германии пачался период частичной стабилизации экономики, а ее внешнеполитическое положение облегчалось обострением противоречий между Францией, с одной стороны, и Англией и США — с другой. Последние, опасаясь роста могущества и влияния Франции в Европе, всячески поощряли ревизионистские тенденции в Германии, оказывали ей финансово-экономическую помощь и попустительствовали начавшемуся в Германии процессу ремилитаризации²⁸.

В связи с этим А. Тимме и Т. Фогельзанг отмечают, что Штреземан «сознательно использовал преимущества времени: принятие плана Дауэса означало для него перемирие»²⁹.

Лозунги — «выполнение» и «соглашение» при осуществлении плана Дауэса были лишь камуфляжем. Сомнительность их претворения в жизнь сознавали не только противники политики Штреземана, но и люди из его окружения. Да и сам Штреземан рассматривал лозунги лишь как «требование часа». Попытка Фогельзанга защитить в связи с этим Штреземана от упреков в двурушничестве безосновательна³⁰.

Часть буржуазных исследователей полагает, что именно тактика «выполнения» и «соглашения» была призвана

²⁷ «Geschichte des deutschen Liberalismus», S. 108.

²⁸ В. В. Постников. Указ. соч.; С. В. Никонова. Указ. соч.

²⁹ Th. Vogelsang. Op. cit., S. 23; A. Thimme. Gustav Stresemann. Eine politische Biographie zur Geschichte der Weimarer Republik. Hannover, 1957, S. 69.

Принимая план Дауэса, германское правительство действовало вопреки интересам трудящихся. Об этом свидетельствует развернувшаяся вокруг этого акта острая борьба классов и партий. Однако часть западногерманских буржуазных историков склонна рассматривать план Дауэса как панацею от всех зол послеверсальского периода.

³⁰ Th. Vogelsang. Op. cit., S. 23—24.

обеспечить интересы Германии. «Ревизию Версаля и сближение с Францией было трудно согласовать,— пишет Конце.— Лига наций и связь с Советским Союзом исключали друг друга. Несмотря на это, правительство рейха, прежде всего благодаря эффективному руководству министра иностранных дел Штреземана, смогло совместить несовместимое»³¹. Но двойственность политики Штреземана заключается не только в том, что он выдвигал заведомо невыполнимые лозунги. Сводить штреземановскую политику лишь к узко внутривнутриполитическим взаимоотношениям было бы неправильно. Когда советские и другие прогрессивные историки справедливо обвиняют Штреземана в двурушничестве, они имеют в виду прежде всего непоследовательность его внешнеполитического курса по отношению к восточным и западным контрагентам, его постоянную готовность принести в жертву интересы партнеров по переговорам ради односторонней выгоды, его лицемерную фразеологию мирного сотрудничества. Можно лишь удивляться недоумению П. Ноака, которому «трудно понять, почему в зарубежных исследованиях эту необходимую двусторонность всегда оценивают как двурушничество!»³².

При проведении политики ревизии Версальского договора вопрос о внешнеполитической ориентации Германии приобретал особо важное значение. Не случайно немецкая буржуазная историография уделяет проблемам ориентации Германии в этот период столько внимания.

Во внешнеполитической концепции Штреземана соотношение ориентаций складывалось в пользу западной. Но его прозападный курс не мог полностью проводиться в силу неравноправного положения Германии среди западных держав. Чтобы добиться уступок, признания и доверия у Запада, Штреземан жонглировал миролюбивыми лозунгами, хотя втайне готовил почву для ремилитаризации Германии и ее натиска на Восток под лозунгом «мирной ревизии восточных границ». Однако получить согласие Запада на ревизию восточных границ Штреземан мог, лишь угрожая в противном случае укреплением гер-

³¹ W. Conze. Op. cit., S. 45.

³² P. Noack. Deutsch-russische Beziehungen von 1922 bis 1933.— «Politische Studien», 1960, Hf. 118, S. 85.

мано-русского союза³³. Следовательно, в «чистом» виде провести «западную ориентацию» Штреземан не мог.

Антикоммунизм, присущий Штреземану, и готовность в любой момент пожертвовать советско-германскими отношениями ради повышения престижа Германии в капиталистической Европе³⁴ также исключали возможность равной ориентации на Запад и на Восток.

Несостоятельно и заявление о нейтральности локарнской политики Штреземана, вызванной будто бы необходимостью «балансировать между Западом и Востоком». Внешнеполитическая активность приводила Германию к необходимости в какой-то момент выбирать соглашение с Западом или Востоком, как это было, например, при заключении Локарнского пакта или Берлинского договора.

Также несостоятельна и так называемая теория равновесия, которую выдвигает, например, Ю. Шпенц, утверждая, что Штреземан будто бы отвергал западную ориентацию, «понимая германскую внешнюю политику как неудобный компромисс между соперничающими главными направлениями германской восточной или западной политики», причем ссылается на слова Штреземана из его письма к Ф. Маттиасу (1928 г.): «Нет восточной или западной политики, есть только внешняя политика германского государства»³⁵.

Но Шпенца опровергает сам Штреземан. В письме к Брокдорфу-Ранцау (19 марта 1925 г.) Штреземан прямо заявил: «Необходимо дать себе полный отчет о тех отдельных последствиях, которые будет иметь наше вступление в лигу с точки зрения отношений с Россией»³⁶. Иначе говоря, Штреземан понимал, что с вступлением в Лигу наций Германия сближается с Западом в ущерб отношениям с СССР.

Точку зрения Шпенца разделяют и другие западно-германские буржуазные историки, активно поддерживая концепцию «равновесия», дополняя ее такими определениями, как «политика качелей», «политика балансирования между Западом и Востоком». «При новой политике, особенно отчетливо проявившейся при Штреземане, — го-

³³ «Локарнская конференция 1925», стр. 43.

³⁴ Там же, стр. 185.

³⁵ J. Spenz. Die diplomatische Vorgeschichte des Beitritts Deutschlands zum Völkerbund 1924—1926. Göttingen, 1966, S. 120—121.

³⁶ «Локарнская конференция 1925», стр. 61.

ворит П. Ноак,— речь шла не о восточной ориентации, а о достижении политического равновесия, с помощью которого Германия могла бы добиться внешнеполитической свободы рук и попытаться сохранить ее». Характеризуя далее политику Штреземана, он вслед за В. Блюхером заявляет, что она отличалась от политики его предшественников «не качественно, а лишь количественно»³⁷. Следовательно, империалистическая сущность этой политики оставалась прежней, но в тот или иной период доминировала определенная ориентация.

Некоторые исследователи пытаются убедить читателя в тесной взаимосвязи западной и восточной ориентаций, но переносят все же акцент на Запад. Так, К. Бухгейм отмечает, что Штреземан, «проводя свою западную ориентацию при очень сильной «национальной оппозиции», в то же время не прерывал связи с Востоком»³⁸.

Локарнский курс Штреземана свидетельствовал, что идея политического соглашения с западными державами отвечала замыслам германских правящих кругов. Речь, произнесенная Штреземаном перед друзьями по партии 22 ноября 1925 г., не оставляет в этом никакого сомнения³⁹. Из этой речи следует, что Штреземан не преувеличивал значения договора, который ему предстояло подписать в Локарно, и видел ценность его только «в преобразовании тех обстоятельств, из которых можно и должно извлечь существенную пользу»⁴⁰. Договор, не имеющий, по мнению Штреземана, «настоящей ценности», которая выразилась бы «в возвращении оккупированных земель», тем не менее открывал широкие возможности для реализации ревизионистских установок германского империализма в будущем. Обеспечить условия для ревизии — таков лейтмотив всей речи Штреземана.

В своей речи Штреземан пытался обосновать необходимость именно прозападного курса стремлением «предотвратить возможный сговор Англии и Франции и превратить наступательный пакт против Германии в гарантийный для нее»⁴¹. Усилия Штреземана добиться сочувст-

³⁷ P. Noack. Op. cit., S. 85.

³⁸ K. Buchheim. Die Weimarer Republik. München, 1961, S. 111.

³⁹ «Eine Rede Stresemanns über seine Lokarnopolitik». — «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1964, № 4, S. 416—436.

⁴⁰ Ibid., S. 417.

⁴¹ Ibidem.

вия и поддержки своей локальной политики указывают на существование серьезной оппозиции западной ориентации внутри страны. Комментируя данную речь, Г. А. Тернер напоминает, что лишь СДПГ безоговорочно проголосовала 26 ноября 1925 г. в рейхстаге за штреземановский курс во внешней политике Германии⁴².

Именно для смягчения реакции общественных кругов на прозападный курс германской внешней политики Штреземан ссылается на свою ноту, в которой имелась оговорка относительно статьи 16 Устава Лиги наций, подтверждавшая нежелание Германии участвовать в возможном конфликте западных держав с Советской Россией. В этом акте выразилось желание правящих кругов Германии сохранить германо-советские отношения в качестве «козыря» в политической игре с Западом, а отнюдь не оградить интересы германо-советских отношений, как на это указывают буржуазные историки, ссылаясь на более поздние заявления Штреземана. Точка зрения Штреземана на отношения с Россией довольно четко проявилась в данной речи: «Мы не очень нуждаемся в России»⁴³, — заявил он.

Заметный антикоммунистический акцент отличал внешнеполитическую стратегию Штреземана. Запись в его дневнике от 11 июля 1925 г. гласит: «Нельзя долго придерживаться фикции, когда имеется русское правительство, проводящее дружественную политику по отношению к Германии, и III Интернационал, который готовит взрыв Германии»⁴⁴. Авторы книги «Советская политика по отношению к Германии в 1917—1941 гг.» видят в этом замечании Штреземана «ядро проблемы германо-советских отношений, на которое были направлены усилия Брокдорфа-Ранцау, стремившегося привести германо-советские отношения к действительно удовлетворительной стабилизации»⁴⁵. Но они исходят из неверного положения о якобы «двухколейности» советской внешней политики.

Концепция «равновесия» не вскрывает в полном объеме смысла штреземановской «восточной» политики. От-

⁴² «Eine Rede Stresemanns über seine Lokarnopolitik», S. 416.

⁴³ Ibid., S. 421.

⁴⁴ G. Stresemann. Vermächtnis, Bd. II, S. 516.

⁴⁵ «Die sowjetische Deutschlandpolitik 1917—1941». Bonn, 1962, S. 74—75.

стаивая концепцию «равновесия», Ю. Шпенц, К. Мильке и другие видят в ней путь нейтралистского развития германской внешней политики. Но нейтральность исключалась уже необходимостью борьбы против навязанной побежденной Германии версальской системы. Экономические и политические условия, в которых оказалась Германия, побуждали ее опереться в этой борьбе на сотрудничество с первым в мире социалистическим государством. Отсюда — восточная ориентация, ярко проявившаяся в рапалльском курсе. Именно для того, чтобы добиться внешнеполитической автономности, за которую ратует Шпенц и другие, Германия должна была найти союзника, признававшего в ней равноправного партнера. Не случайно Штреземан был вынужден в выступлении 12 мая 1925 г. в рейхстаге подчеркнуть, что «во внешней политике Германии решающим фактором все еще остается Россия. С Россией у нас нет трений ни в одной политической плоскости»⁴⁶.

Сторонники концепции «интеграции с Западом» обосновывают локарнскую политику Штреземана, исходя прежде всего из антикоммунистической общности Германии и западноевропейских стран. Во имя этой интеграции они готовы пожертвовать национальными интересами германского народа. Полагая, что Локарнский пакт был призван уничтожить «дух Рапалло», Г. Гатцке, Т. Фогельзанг, Л. Циммерманн и другие сбрасывают со счетов преимущества, обеспечиваемые Германией советско-германским сотрудничеством.

Таким образом, несостоятельность обеих концепций проявляется прежде всего в недооценке восточного аспекта в германской внешней политике. Ведь рапалльская линия Вильгельмштрассе определялась не симпатиями Штреземана или других государственных деятелей Германии, а диктовалась объективными, жизненными интересами веймарской Германии. Нельзя, конечно, при этом не учитывать, что политика Рапалло использовалась германским правительством как средство давления на Англию и другие западные державы.

Освещающие локарнский курс либеральные и консервативные историки отмечают отрицательное отношение к

⁴⁶ «Deutschland. Verhandlungen des Reichstags. Stenografische Berichte». Berlin, 1924—1932, Bd. 385, S. 1871.

нему Советского правительства. «Советский Союз рассматривал договорные связи Германии на Западе как отход от проложенного в Рапалло пути хороших взаимоотношений». «Объявленный пакт вызвал недоверие у советского министра иностранных дел Чичерина»⁴⁷. Точку зрения Советского правительства на Локарнский договор и последствия этого акта ясно изложил Г. В. Чичерин в письме к немецкому публицисту Л. Штейну: «Германская политика пришла здесь в коллизии с рапальской политикой. Вопреки своему желанию, силой фактов Германия оказалась на этом пути в такой комбинации, которая приведет ее в конфликт с нами. Германия теряет такой фактор, как элемент международной силы. Германия сама становится одним из факторов международной политики стран Антанты»⁴⁸.

Подчеркивая «недоверчивое», «враждебное», «подозрительное» отношение советской стороны к Локарнскому пакту, историки П. Ноак, Т. Шидер, Л. Циммерманн и другие дезориентируют читателя утверждениями о безобидности локарнских соглашений, которые-де никак не могли воспрепятствовать дальнейшему развитию германо-советских отношений. Однако, несмотря на очевидную попытку смягчить последствия поворота Германии к Западу, и бывшие представители германского министерства иностранных дел (Хильгер, Дирксен), и работающие над проблемой германо-советских отношений историки понимают, что Локарно подорвало доверие советских руководителей к политике Германии по отношению к СССР и стало тормозящим фактором в развитии двусторонних отношений. «Хотя образования единого антисоветского фронта не произошло,— пишет Г. Дирксен,— однако западная ориентация Германии стала ощутимым политическим фактом для все более растущего и болезненного недоверия Советского правительства»⁴⁹. Это отмечает и К. Никлаус: «Опасность взаимопонимания Германии с западными державами за счет германо-советских отноше-

⁴⁷ K. D. Erdmann. Das Problem der Ost-oder Westorientierung in Lokarno-Politik Stresemanns.— «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht», 1955, Hf. 3, S. 138; K. Mielcke. Deutschland und Russland. 1918—1941. Bad Godesheim — Hannover, 1961, S. 20.

⁴⁸ K. Mielcke. Op. cit., S. 20—21.

⁴⁹ K. Niclauss. Die Sowjetunion und Hitlers Machtergreifung. Gamburg, 1965, S. 20.

ний... в последние годы серьезно травмировала германо-советскую политику»⁵⁰.

Если Германия в 20-е годы не включалась активно в единый антисоветский фронт западных держав, то это еще не доказывает, что германское правительство стремилось сохранить дружественные отношения с Советским Союзом. Причины того, что Германия нередко оставалась в стороне от антисоветских комбинаций, заключались в следующем: во-первых, в последовательно миролюбивой, активной политике Советского правительства, уменьшившей остроту антисоветского аспекта локарнской политики заключением Берлинского договора⁵¹; во-вторых, в выступлении прогрессивных сил в Германии во главе с КПГ против антисоветского сговора германских правящих кругов с правительствами Англии и Франции⁵²; в-третьих, в реалистической позиции части германской буржуазии, заинтересованной в поддержании торгово-экономических отношений с Советским Союзом; в-четвертых, в противоречиях в лагере западных держав.

Попытки некоторых историков (Ю. Шпенц, Х. Хельтье и др.) представить Локарнский пакт безвредным для германо-советских отношений совершенно неубедительны. Даже реакционные исследователи признают, что «подчеркнутая западная ориентация Штреземана затрудняла германо-советские отношения, особенно после Локарно, и вызывала в них напряженность»⁵³. Но вместо того, чтобы подвергнуть критике двойственную тактику Штреземана по отношению к СССР, они обрушиваются на советскую внешнюю политику. Причем искажением советской позиции относительно Локарно не гнушаются и члены известных научных обществ. На одной из совместных научных сессий, посвященных проблемам локарнской политики Германии, ее участники — члены «Общества имени

⁵⁰ К. Niclauss. Die Sowjetunion und Hitlers Machtergreifung, S. 20.

⁵¹ В. М. Турок. Локарно. М., 1942; Л. Григорьев, С. Оленев. Борьба СССР за мир и безопасность в Европе. 1925—1933 гг. М., 1956.

⁵² А. А. Степанов. Борьба германского рабочего класса против Локарно за развитие дружественных отношений с СССР (1925).— «Из истории международных отношений». М., 1957; N. Madloch. Der Kampf der KPD 1925 gegen den Locarno-Pakt und für eine demokratische und friedliche deutsche Aussenpolitik.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1964. Hf. 2.

⁵³ «Die sowjetische Deutschlandpolitik 1917—1941», S. 74.

Л. фон Ранке» и «Объединения по изучению истории общественной жизни» в извращенном виде трактовали характер советской внешней политики, приписывая ей «национальный эгоизм»⁵⁴.

Настойчивая поддержка Советским правительством реалистических тенденций в германской внешней политике, его решительная и последовательная борьба за сохранение и углубление рапалльского курса, за развитие на дружественной основе советско-германских отношений привели к заключению Берлинского договора.

Советско-германские отношения были крайне действенным фактором для сохранения Германией независимой внешнеполитической ориентации.

⁵⁴ «Locarno und die Weltpolitik 1924—1932», S. 126—127.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. О. Чубарьян.</i>	
Проблемы истории международных отношений и некоторые вопросы современной идеологической борьбы	3
<i>Г. А. Трофименко.</i>	
Сквозь призму «баланса сил» (критика советологических концепций советско-американских отношений)	35
<i>А. И. Уткин.</i>	
Взаимоотношения США и Западной Европы в американской исторической литературе	75
<i>А. И. Мартынов.</i>	
Американская историография международных отношений на Тихом океане после второй мировой войны	100
<i>Б. И. Марушкин.</i>	
Мирное сосуществование и эволюция американской историографии	135
<i>А. М. Филитов.</i>	
Основные тенденции развития буржуазной историографии Потсдамского соглашения	161
<i>С. И. Висков.</i>	
Оценка советско-американских отношений в 1945—1949 гг. в исторических работах США	193
<i>И. С. Кремер, П. П. Шапошниченко.</i>	
Историки и политологи Запада и проблемы внешнеполитической ориентации ФРГ (конец 60-х — начало 70-х годов)	232
<i>И. Г. Тюлин.</i>	
Некоторые вопросы теории международных отношений в работах П. Ренувена и Ж.-Б. Дюрозеля	259
<i>С. Р. Сухоруков.</i>	
Советско-германские отношения и локальная политика Германии в исторической литературе ФРГ	274

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА**

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства

Г. Ф. Дубовикова

Художественный редактор

Ю. П. Трапачов

Художник

Н. И. Шевцов

Технический редактор

Ю. В. Рылина

Корректор

И. С. Шабалина

Сдано в набор 15/VIII 1975 г.

Подписано к печати 19/I 1976 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага № 2.

Усл. печ. л. 15,54. Уч.-изд. л. 16,7.

Тираж 4600. Т-00612. Тип. зак. 2740

Цена 1 р. 21 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ